VUS HAAR

КОСМОЛОГИЯ АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ)

ЗВЁЗДЫ, ГОРЫ И ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА В ПОРЯДКЕ ВСЕЛЕННОЙ

Древние знания, которые живут в сердце Кавказа

МИФЫ ◈ ЗВЁЗДЫ ◈ БОГИ ◈ НАРТЫ ◈ ТРАДИЦИИ ◈ АДЫГЭ ХАБЗЭ

VUS HAAR

Космология адыгов (черкесов)

«Автор»
2026

HAAR V.

Космология адыгов (черкесов) / V. HAAR — «Автор», 2026

Как представляли себе устройство Вселенной древние жители Кавказа? Почему адыги считали гостеприимство законом космоса, а круговой танец удж — отражением движения звезд? Зачем на старинных родовых знаках-тамгах зашифрованы символы солнца, и как древний кодекс чести Адыгэ Хабзэ помогал человеку не нарушить гармонию мироздания? Эта книга — увлекательное путешествие в мир традиционной культуры адыгов (черкесов), представленное через призму их представлений о космосе. В книге автор шаг за шагом воссоздает целостную картину мира одного из древнейших народов Кавказа: от эпохи загадочных дольменов и мифов о сотворении мира до народной астрономии, нартского эпоса и сакрального смысла быта. Написанное живым и доступным языком на основе этнографических записей, фольклора и данных археологии, издание будет интересно самому широкому кругу читателей: историкам, культурологам, жителям Кавказа и всем, кто хочет понять, как человек прошлого находил свое место между небом и землей.

© HAAR V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
Глава 1. Понятие космологии в традиционной культуре. Основные термины и подходы. 8
Глава 2. Адыги на карте мира и времени. Краткий историко-этнографический очерк. 14
Глава 3. Источники изучения адыгской картины мира. Фольклор, язык, археология, записки путешественников. 18
Глава 4. Доисторические корни. Майкопская и дольменная культуры как фундамент мировоззрения. 21
Глава 5. Мегалиты Кавказа. Дольмены как модели Вселенной и порталы между мирами. 24
Глава 6. Курганная космология. Сакральная география погребальных памятников. 27
Глава 7. Петроглифы и солярные знаки. Древнейшая письменность неба и земли. 30
Глава 8. Язык как хранилище космоса. Архаическая лексика в адыгских диалектах. 33
Глава 9. Пространство и время в грамматике. Как адыгский язык структурирует реальность. 36
Глава 10. Синкретизм верований. Язычество, христианство и ислам в космологии адыгов. 38
Глава 11. Философия Адыгэ Хабзэ. Кодекс чести как отражение космического порядка. 41
Глава 12. Изначальный Хаос и Пустота. Что было до начала времен. 44
Глава 13. Тха — Единый Творец. Воля, мысль и сроки творения мира. 46
Глава 14. Рождение Неба, Земли и невидимого Воздуха. Почему мифы молчат о дыхании мира. 48
Глава 15. Первозданный Океан. Происхождение вод, тайна соли и пресных источников. 52
Глава 16. Форма и устройство Земли. Плоскость, купол, опоры и подземные глубины. 54
Глава 17. Эльбрус (Ошхамахо) — Гора счастья. Мировая гора как стержень космоса. 56
Глава 18. Природа Света и Огня. Свет Солнца, свет звезд и земное пламя. 58
Глава 19. Сотворение природы. Звери, птицы и плавающие гады в замысле Творца. 60
Глава 20. Творение человека. Глина, дух, время жизни и возраст Вселенной. 63
Глава 21. Эсхатология и гибель мира. Кто разрушит Вселенную и как наступит конец времен. 65
Глава 22. Циклы рождения и смерти космоса. Смена эпох от великанов-иныжей до нартов и людей. 67
Глава 23. Трехчастная модель мира. Верхний, Средний и Нижний миры. 69

Глава 25. Нижний мир (Хьэдрыхэ). География загробного царства, адские бездны и суд над душами. 71
Глава 26. Водная стихия Земли. Океаны, моря, подводные течения и тайна приливов и отливов. 73
Глава 27. Реки и истоки. Почему реки извиваются и почему вода бьет из горных вершин в засуху. 75
Глава 28. Наводнения и потопы. Гнев водной стихии и очищение земли. 77
Глава 29. Ветра, облака и воздух. Невидимые потоки между небом и землей. 80
Глава 30. Смерчи, ураганы и бури. Битвы воздушных духов и стихийный хаос. 82
Глава 31. Гром и молния. Огненные стрелы Шибле и небесное электричество. 84
Глава 32. Радуга и ее виды. Небесный мост, лук богов и знамения цвета. 86
Глава 33. Священные рощи и границы стихий. Сакральная топография земли. 88
Глава 34. Устройство звездного неба. Как появились звезды, из чего они состоят и как далеко находятся. 91
Конец ознакомительного фрагмента. 94

VUS HAAR
Космология адыгов (черкесов)

ПРОЛОГ

Огонь в очаге и звезды над Ошхамахо

Представьте себе ночь в горах Северо-Западного Кавказа две или три тысячи лет назад.

Темнота здесь не похожа на ту, что мы знаем в современных городах. В ней нет рассеянного оранжевого зарева уличных фонарей, нет гула проводов, нет привычного шума цивилизации. Ночь в горах плотная, осязаемая, почти физическая. Когда солнце опускается за хребты, уходя в Черное море, мир словно сжимается до размеров одного-единственного круга света — того, что отбрасывает очаг в центре плетенного из прутьев и обмазанного глиной дома.

Над крышей этого дома, над темными силуэтами вековых буков и каштанов, над седой двуглавой вершиной Эльбруса — священной горы Ошхамахо — разворачивается грандиозное зрелище. Небо здесь кажется таким низким, что до самых ярких звезд, кажется, можно дотянуться рукой, если подняться на ближайший перевал. Млечный Путь не тусклая полоса, которую едва различишь на засвеченном небе мегаполиса, а широкая, сияющая серебряная дорога, перекинутая с одного края земли на другой. Адыги называли ее Шыхулъагъуэ — «Дорога всадников» или «Путь соломы», рассыпанной небесным путником.

Для человека, сидящего у огня, это небо не было пустым пространством, подчиненным холодным законам гравитации и термодинамики. Оно было живым. Оно дышало, говорило, предупреждало и требовало ответа. Каждая звезда имела свое имя и свою историю. Гром, раскатывающийся по ущельям, был не просто электрическим разрядом в атмосфере, а грозным голосом бога Шибле, поражающего огненными стрелами силы хаоса. Лес за порогом усадьбы не был просто массивом древесины — это были владения Мезытха, хозяина зверей, куда нельзя было войти без уважения, тайного охотничьего языка и соблюдения строгих запретов.

Но самое главное заключалось в том, что человек не чувствовал себя ничтожной песчинкой, затерянной в этой огромной, пугающей Вселенной. Напротив, в картине мира древнего адыга человек был активным соучастником космической драмы. От того, как он построит свой дом, как встретит путника на пороге, как споет песню за столом и как сдержит данное слово, зависело, не рухнет ли хрупкое равновесие между светом и тьмой, между порядком и хаосом.

Именно это единство человека, природы и Вселенной мы называем космологией.

Что такое космология для традиционного человека?

Когда современный человек слышит слово «космология», он, скорее всего, представляет себе телескоп «Джеймс Уэбб», уравнения Эйнштейна, теорию Большого взрыва, черные дыры и темную материю. Современная наука изучает космос как внешний объект — бескрайний, холодный и независимый от нас. Вселенной все равно, о чем мы думаем и как живем; планеты продолжат вращаться вокруг звезд, даже если человечество исчезнет.

В традиционной культуре все устроено ровно наоборот. Слово «космос» в переводе с древнегреческого означает «порядок», «устройство», «красота». Его противоположность — «хаос», бесформенная, пугающая бездна, где нет ни верха, ни низа, ни времени, ни смысла.

Для адыгов (черкесов) — одного из древнейших автохтонных народов Кавказа, чьи корни уходят в глубину тысячелетий, к создателям загадочной майкопской культуры и строителям каменных дольменов, — космология была не отвлеченной наукой. Это была инструкция по выживанию и достойной жизни. Это была карта мира, на которой были нанесены не только реки, горы и созвездия, но и невидимые границы между добром и злом, должным и недопустимым.

Эта картина мира не была записана в священных книгах. Адыгская культура на протяжении веков оставалась по преимуществу бесписьменной, но ее память оказалась прочнее пергамента и камня. Она зашифровала свои знания о Вселенной в самых неожиданных вещах:

В языке, где само слово, обозначающее мир и Вселенную — Дуней, несет в себе глубочайший философский подтекст;

В Нартском эпосе — грандиозном сказании о богатырях, которые сражались с великанами, добывали огонь для людей и пировали за одним столом с богами;

В орнаменте, которым черкешенки расшивали золотыми и серебряными нитями одежду, повторяя изгибы рогов священного барана, ветви Мирового древа и лучи солнца;

В танце, где плавное движение круга в удже повторяло вечный бег светил по небосводу;

И, наконец, в Адыгэ Хабзэ — уникальном морально-этическом кодексе, который регулировал каждый шаг человека от колыбели до могилы.

Если присмотреться внимательнее, мы увидим удивительную вещь: для адыга этика и космология были единым целым. Нарушить закон гостеприимства, обидеть слабого, проявить трусость или неуважение к старшему означало не просто совершить дурной поступок в глазах соседей. Это означало внести трещину в сам фундамент мироздания, открыть дверь хаосу. И наоборот — каждый благородный поступок, каждое вовремя сказанное мудрое слово укрепляли мир, делали его устойчивым и светлым.

Зачем нам эта книга сегодня?

Мы живем в эпоху невероятного технологического прогресса, когда человек заглянул в самые отдаленные уголки Вселенной, но при этом нередко теряет ориентиры внутри самого себя. Мы знаем, сколько световых лет до ближайшей галактики, но часто не чувствуем связи с землей, по которой ходим, с историей своего рода и с природой, частью которой являемся.

Изучение космологии адыгов — это не просто погружение в этнографическую экзотику или попытка реконструировать забытые мифы. Это возможность увидеть мир глазами людей, которые обладали поразительной целостностью восприятия. В их Вселенной не было ничего лишнего, случайного или бессмысленного. Очаг в доме был центром мира, гость — посланником Бога, конь — крылатым посредником между мирами, а слово — силой, способной исцелять и созидать.

Книга, которую вы держите в руках, построена необычно. В ней 121 глава. Число 121 — это квадрат одиннадцати, символ полноты, симметрии и завершенного цикла. Мы пройдем этот путь последовательно: от древнейших археологических памятников Кавказа и мифов о рождении Земли из первозданного океана — через звездное небо, пантеон древних богов и подвиги нартов — к тайнам повседневного быта, музыки, танца и к тому, как эта древняя картина мира пережила трагедии истории и продолжает жить в XXI веке.

Каждая глава — это отдельный ключ к пониманию адыгского космоса. Вместе они складываются в единую мозаику, подобную сложнейшему кавказскому орнаменту, где каждая линия перетекает в другую, образуя бесконечный узор жизни.

Огонь в очаге уже зажжен. Над вершинами Кавказа загораются первые звезды. Наше путешествие во Вселенную адыгов начинается.

Глава 1. Понятие космологии в традиционной культуре. Основные термины и подходы.

Когда в середине девятнадцатого века известный этнограф и просветитель Хан-Гирей записывал предания своих соплеменников в аулах Закубанья, он столкнулся с поразительным явлением. Старики, никогда не державшие в руках ни географических атласов, ни философских трактатов, рассуждали об устройстве мироздания с удивительной стройностью и внутренней логикой. Для них не существовало разрыва между тем, как устроено звездное небо над Кавказским хребтом, и тем, как следует запрягать коня, принимать гостя или делить пищу за праздничным столом. Все это было звеньями одной цепи, нитями единого полотна, которое современная гуманитарная наука называет космологией.

Слово космология пришло к нам из Древней Греции и буквально переводится как учение о порядке. В античном сознании понятие космос означало не просто звездное небо или безвоздушное пространство за пределами земной атмосферы. Этим словом греки называли гармонию, стройность, красоту и даже изысканное женское украшение. Противоположностью космоса выступал хаос, то есть зияющая пустота, бесформенная масса, в которой перемешаны все стихии и нет ни верха, ни низа, ни прошлого, ни будущего. Когда мы говорим о космологии традиционной культуры, мы имеем в виду именно этот фундаментальный переход от пугающей неопределенности хаоса к понятному, обжитому и упорядоченному миру, где каждая вещь знает свое место.

Современный человек привык доверять астрофизикам, радиотелескопам и сложным математическим моделям. Мы знаем, что Земля вращается вокруг Солнца по эллиптической орбите, что наша галактика является лишь одной из миллиардов во Вселенной, а время течет линейно от Большого взрыва в неизвестное будущее. В этой научной картине мира человек занимает довольно скромное место. Он предстает случайным наблюдателем на окраине Млечного Пути, крошечной пылинкой, наделенной сознанием. Бескрайней Вселенной совершенно безразлично, какие законы приняты в том или ином государстве и о чем думает житель мегаполиса, глядя в окно своей квартиры.

В архаическом и традиционном обществе все работало по совершенно иным правилам. Здесь не существовало пропасти между объективным миром природы и субъективным миром человеческих переживаний. Древний адыг, выходя на рассвете из своей сакли и глядя на розовеющие вершины Кавказа, видел перед собой не бездушную геологическую породу и не раскаленный газовый шар на расстоянии ста пятидесяти миллионов километров. Он видел живой, дышащий организм, с которым находился в постоянном, непрерывном диалоге. В этой системе координат человек не был пассивным зрителем. Он выступал соавтором мирового порядка. От его действий, произнесенных слов и даже тайных мыслей зависело, взойдет ли завтра солнце, прольется ли вовремя дождь на посевы проса и не вырвутся ли из подземных глубин разрушительные силы.

Чтобы понять, как функционирует эта древняя система, исследователи культуры ввели несколько ключевых понятий, без которых разговор о картине мира любого народа превратился бы в простой пересказ старинных сказок. Первое и самое важное из них называется мифопоэтическим сознанием. Это особый способ восприятия реальности, при котором мир объясняется не через причинно-следственные связи и физические формулы, а через яркие образы, символы и метафоры. Если современная наука отвечает на вопрос, как устроено то или иное явление, то миф отвечает на вопрос, зачем оно существует и кто его создал. В мифопоэтическом сознании гром оказывается не столкновением воздушных масс с разным электрическим зарядом, а грозным всадником Шибле, мчащимся по темным облакам и разящим

огненными стрелами злых духов. Такое объяснение вовсе не было признаком наивности или невежества древних людей. Напротив, оно делало окружающий мир понятным, очеловеченным и позволяло выстраивать с ним предсказуемые отношения через систему обрядов и запретов.

Вторым краеугольным камнем традиционной космологии выступает разделение пространства на сакральное и профанное. Эти понятия глубоко разработал в своих трудах известный историк религий Мирча Элиаде. Профанное пространство представляет собой обыденный, повседневный мир, однородный и нейтральный. Сакральное пространство является территорией священного, особой точкой, где небесное соприкасается с земным, где открыто проявляется божественная сила. Для традиционного человека окружающая география никогда не была однородной. В ней всегда существовали особые места силы, такие как священные рощи, вершины высоких гор, древние курганы, истоки бурных рек и даже домашний очаг. Именно вокруг таких сакральных центров выстраивалась вся география повседневной жизни. Переступить порог родного дома, войти в жаркую кузницу или подняться на альпийский луг означало пересечь невидимую границу между двумя мирами, а значит требовало особого поведения, внутреннего очищения и произнесения правильных, благожелательных слов.

Третий важнейший термин, которым оперируют антропологи, звучит на латыни как Аксис Мунди, что переводится как Мировая ось. Почти во всех древних культурах от холодной Скандинавии до солнечной Полинезии Вселенная представлялась в виде многоуровневой конструкции, пронизанной единым вертикальным стержнем. Этот стержень связывает воедино три основные сферы бытия. Наверху располагается Верхний мир, служащий обителью богов и небесных светил. Посередине раскинулся Средний мир, то есть земля, населенная людьми, животными и растениями. Внизу скрывается Нижний мир, мрачное подземное царство мертвых и корней. В роли Мировой оси в разных традициях могли выступать гигантское дерево, упирающееся кроной в самый небосвод, неприступная гора, столп дыма, поднимающийся из очага, или даже центральный опорный столб в жилище. В адыгской традиции роль такой космической вертикали играл двуглавый Эльбрус, который адыги называют Ошхамахо, что означает Гора счастья. В масштабах же отдельной усадьбы уменьшенной копией Мировой оси становилась надочажная цепь лъэхъу, свисающая с потолка прямо в огонь. Держась за эту закопченную железную цепь, человек буквально прикасался к центру мироздания. Неудивительно, что в адыгских домах она считалась неприкосновенной святыней, у которой давали самые страшные клятвы, принимали беглецов под защиту и просили покровительства у высших сил.

Четвертое понятие, без которого невозможно разобраться в адыгской картине мира, носит название бинарных оппозиций. Структурная антропология двадцатого века, представленная фундаментальными работами Клода Леви-Стросса, Вячеслава Иванова и Владимира Топорова, убедительно показала, что человеческий разум в архаическую эпоху осваивал сложный и пугающий мир через систему парных противоположностей. Свет и тьма, верх и низ, правое и левое, мужское и женское, свой и чужой, огонь и вода, жизнь и смерть служат своеобразными кирпичиками, из которых складывалась целостная модель Вселенной. Каждая вещь, каждое природное явление и каждый поступок человека автоматически попадали в одну из этих ментальных ячеек. Правая сторона неизменно связывалась с солнцем, удачей, мужским началом и жизнью. Левая сторона соотносилась с луной, тайной, женским началом и миром предков. Умение безошибочно считывать эти знаки позволяло человеку ориентироваться в пространстве и времени без привычных нам приборов, компасов и печатных календарей.

Пятый ключевой термин описывает взаимосвязь микрокосма и макрокосма. В традиционной культуре человек никогда не рассматривался как обособленный индивид, противопоставленный природе. Он воспринимался как точная миниатюрная копия большой Вселенной. То, что происходит в необъятном космосе, неизбежно отражается в теле и душе человека, и наоборот. Кровь, текущая по жилам, в поэтическом сознании уподоблялась горным рекам, стекающим с ледников. Дыхание сравнивалось с вольным ветром, кости уподоблялись незыб-

лемым скалам, а глаза соотносились с солнцем и луной. Даже знаменитый адыгский этикет Адыгэ Хабзэ, строго регламентирующий мельчайшие детали поведения в обществе, по своей глубинной сути является проекцией космического порядка на человеческую жизнь. Соблюдать старшинство, уступать дорогу путнику, сдерживать гнев и проявлять щедрость означало поддерживать хрупкую гармонию макрокосма. Грубость, трусость или вероломство воспринимались не просто как дурные манеры, а как опасное нарушение мирового равновесия, способное навлечь беду не только на самого виновника, но и на весь его род, а то и на целый край.

Изучение космологии бесписьменного народа представляет собой увлекательную задачу, напоминающую кропотливую работу археолога, который по разрозненным обломкам глиняного сосуда восстанавливает его первоначальную форму и сложный узор. У древних адыгов не было своих Гесиодов или Платонов, оставивших потомкам систематические философские трактаты о происхождении богов и устройстве небесных сфер. Тем не менее их картина мира сохранилась в поразительной полноте, хотя и оказалась рассредоточенной по самым разным пластам народной культуры. Чтобы собрать эту мозаику воедино, современная наука использует комплексный междисциплинарный подход, объединяющий усилия сразу нескольких гуманитарных и естественных дисциплин.

Первым и самым богатым источником знаний служит устное народное творчество, и прежде всего величественный Нартский эпос. Сказания о богатырях нартах, записанные у адыгов, абхазов, осетин и других народов Кавказа, представляют собой не просто героические поэмы о громких битвах и богатых пирах. В их сюжетах зашифрованы древнейшие космогонические мифы. Когда небесный кузнец Тлепш выковывает из раскаленного камня чудесного младенца Саусруко, внимательный исследователь видит перед собой древний миф о рождении солнечного божества. Когда мудрая Сатаней силой своего слова останавливает бег солнца или управляет погодой, перед нами предстает архаический образ Великой Матери, повелительницы природных стихий. Помимо героического эпоса, важнейшую космологическую информацию хранят исторические песни, ритуальные плачи гъыбзэ, застольные здравицы хъуэхъу, народные загадки, пословицы и даже детские считалки, в которых порой законсервированы обломки древнейших магических заклинаний.

Второй мощнейший инструмент реконструкции прошлого дают лингвистика и этимология. Язык гораздо консервативнее материальной культуры. Фасон одежды меняется за считанные десятилетия, формы оружия совершенствуются за столетия, но корни слов способны жить тысячелетиями. Адыгские языки, включающие адыгейский и кабардино-черкесский, относятся к древней абхазо-адыгской языковой семье и обладают уникальной архаической структурой. Внутренняя форма адыгских слов способна рассказать о древней космологии больше, чем иная подробная летопись. Например, само слово небо, звучащее как уафэ, этимологически тесно связано с понятиями верхнего и светлого начала. Название Млечного Пути, которое на адыгском языке звучит как Шыхулъагъуэ и переводится как Дорога всадников или Путь соломы, мгновенно отсылает нас к быту древних земледельцев и всадников, перенесенному воображением на ночной звездный купол. Глубокий анализ устойчивых фразеологизмов, древних клятв и так называемой табуированной лексики, то есть специального тайного языка охотников или женщин, позволявшего обмануть злых духов, открывает доступ к самым сокровенным слоям древнего сознания.

Третий путь в глубину веков прокладывает археология. Северо-Западный Кавказ является одним из важнейших центров древнейшей металлургии и мегалитической культуры всей Евразии. Знаменитые кавказские дольмены, представляющие собой гигантские каменные сооружения, сложенные из многотонных отесанных плит в эпоху бронзы, являлись не просто погребальными склепами, а настоящими каменными моделями Вселенной. Их фасады почти всегда строго ориентированы на восток или юго-восток, навстречу восходящему солнцу, а круглое отверстие в передней плите, закрывавшееся тяжелой каменной пробкой, символизи-

ровало сакральный портал между миром живых и миром мертвых. Не меньшее значение для науки имеют богатейшие памятники майкопской культуры, высокие курганные захоронения с их сложной внутренней геометрией и наскальные изображения, где солярные знаки, двойные спирали и стилизованные фигуры животных складываются в древнейшие космограммы.

Четвертый источник сведений предоставляют этнография и пристальное изучение материальной культуры. В традиционном обществе любая вещь, созданная руками мастера, несла в себе двойную функцию, соединяя практическую пользу и глубокий символический смысл. Планировка адыгской усадьбы, расположение комнат в доме, строгий крой черкески, причудливые узоры золотого шитья на праздничном женском платье, форма клинка и родовые знаки тамги, которыми таврили табуны коней и метили фамильное оружие, были пронизаны единой космологической символикой. В традиционном орнаменте, украшавшем войлочные бурки, циновки или серебряные пояса, не было ни одной случайной завитушки. Изогнутые спирали обозначали вечное движение солнца по небосводу, ромбы символизировали засеянное поле и плодородие земли, а ветвистые древовидные фигуры воплощали образ Мирового древа, связывающего ушедшие и будущие поколения.

Пятый пласт ценнейших сведений дают письменные свидетельства античных, средневековых и новоевропейских авторов. Начиная с Геродота, Страбона и Плиния Старшего, оставивших описания племен меотов, синдов и зихов, являющихся прямыми предками современных адыгов, и заканчивая записками предприимчивых генуэзских купцов, османских путешественников вроде Эвлии Челеби и европейских исследователей восемнадцатого и девятнадцатого веков, таких как Иоганн Бларамберг, Тебу де Мариньи и Джеймс Белл, мы получаем бесценный взгляд со стороны. Иностранные наблюдатели далеко не всегда понимали скрытый философский смысл тех или иных кавказских обрядов, но они скрупулезно фиксировали внешние детали. Благодаря их дневникам мы знаем, как черкесы совершали моления в священных рощах под сенью вековых дубов, как торжественно встречали появление молодого месяца на небе, какие жертвы приносили грозному богу грома и с какими почестями хоронили человека, пораженного молнией, считая его отмеченным самим небом.

Особую сложность и одновременно огромный интерес для исследователя представляет историческая многослойность адыгской картины мира. На протяжении многих веков Кавказ находился на оживленном перекрестке великих цивилизаций. Древнейший местный пласт верований, уходящий корнями в эпоху ранней бронзы, здесь тесно переплелся с культурными влияниями скифо-сарматского кочевого мира, античной греческой цивилизации, расцветавшей в городах-колониях на побережье Черного моря, византийского христианства и, позднее, ислама. Однако поразительная уникальность адыгской культуры заключается в ее способности к органическому синтезу. Новые религиозные идеи не уничтожали древнюю космологию до основания, а бережно наслаивались на нее, вступая в сложный и плодотворный диалог. Так, образы христианских святых, например Святого Георгия или пророка Илии, в народном сознании естественно сливались с древними покровителями охоты и грома, а исламское представление о Едином Всевышнем органично соединилось с архаическим понятием Верховного Творца, которого адыги издревле именовали Тха.

Научная реконструкция традиционной космологии не имеет ничего общего с кабинетным фантазированием и произвольным домысливанием. В девятнадцатом и начале двадцатого века в гуманитарной науке существовало немало соблазнов объявить любой народный орнамент, сказочный сюжет или бытовой предмет прямым отголоском древнего культа солнца. Современная антропология и культурология подходят к этому вопросу значительно строже. Чтобы с уверенностью утверждать, что тот или иной элемент культуры несет в себе космологическое значение, исследователь обязан найти перекрестное подтверждение сразу в нескольких независимых источниках, например в данных языка, реальной обрядовой практике и устойчи-

вом фольклорном тексте. Только на пересечении этих линий рождается по-настоящему достоверное знание о прошлом.

В девятнадцатом веке у истоков научного осмысления адыгской картины мира встали первые национальные просветители, среди которых особое место занимают Султан Хан-Гирей, Шора Ногмов и Казы-Гирей. Получив блестящее образование и прекрасно владея русским языком, они первыми осознали необходимость спасти от забвения устную традицию своего народа. В своих трудах, таких как Записки о Черкесии Хан-Гирея и История адыхейского народа Шоры Ногмова, они зафиксировали бесценные мифы, описания обрядов и древних верований, когда те еще были живой повседневной реальностью горских аулов. Эти авторы смотрели на культуру своего народа изнутри, понимая тончайшие оттенки смыслов, которые ускользали от взгляда европейских путешественников.

В двадцатом столетии эстафету приняли профессиональные кавказоведы, фольклористы, этнографы и лингвисты. Труды таких выдающихся ученых, как Леонид Лавров, Георгий Коков, Аскер Гадагатль, Зарамук Кардангушев, Борис Бгажноков и Самир Хотко, позволили перевести изучение адыгской космологии на строгую академическую основу. Особый вклад в систематизацию адыгского этикета и его космических истоков внес Борис Бгажноков, показавший, что традиционная культура общения адыгов представляет собой целостную философскую систему. В свою очередь, монументальные работы Аскера Гадагатля по сбору и публикации Нартского эпоса дали исследователям всего мира колоссальный текстовый массив, позволяющий реконструировать древнейшие мифологические пласты.

Сравнительный метод играет в этих исследованиях роль надежного компаса. Рассматривая адыгскую модель мира в широком кавказском и евразийском контексте, ученые обнаруживают поразительные параллели. Многие космологические представления адыгов перекликаются с верованиями соседних абхазов и абазин, образуя единую западнокавказскую культурную общность. В то же время обнаруживаются глубокие типологические схождения с мифологией осетин, сохранивших наследие древних алан и скифов, а также с традициями вайнахов и народов Дагестана. Более того, базовые архетипы адыгского космоса, такие как Мировое древо, небесный кузнец или похищение огня героем, находят прямые аналогии в мифологии Древней Греции, Индии, Скандинавии и Ирана. Это говорит о том, что духовная культура Кавказа развивалась в едином ритме с великими цивилизациями древности, сохранив при этом свое неповторимое лицо и самобытный голос.

В традиционной адыгской культуре космология никогда не существовала в виде отвлеченной теории, оторванной от жизни. Она была растворена в самом воздухе, которым дышали люди. Когда мать укладывала младенца в деревянную люльку кушъэ, она совершала обряд приобщения новой души к упорядоченному Среднему миру, защищая ребенка от сил хаоса с помощью оберегов и колыбельных песен. Когда юноша впервые садился на коня или получал оружие, он вступал в новый космический статус, принимая на себя ответственность за сохранение мира и справедливости. Когда старейшины собирались на совет под сенью священного дерева или у очага, они выступали земными представителями небесного совета богов, призванными восстановить нарушенную гармонию в обществе.

Даже отношение к природе в адыгском мире строилось на строгих космологических принципах. Лес, река, гора или степь не воспринимались как бесхозные ресурсы, которые человек волен покорять и эксплуатировать без меры. Природа обладала собственным достоинством и собственными хозяевами. Охотник, отправлявшийся в лес, не имел права убить больше дичи, чем требовалось для пропитания семьи, и никогда не трогал животных в период выведения потомства. Срубить плодовое дерево без крайней нужды считалось тяжким грехом, нарушающим закон плодородия. Земледелец относился к пашне с благоговением, воспринимая ее как живое материнское лоно, требующее ласки, уважения и благодарности. Такая экологическая

этика выросла не из современных научных расчетов, а из глубокого убеждения в том, что человек и природа связаны единой судьбой и подчиняются общим законам мироздания.

Погружаясь в изучение космологии адыгов, современный читатель неизбежно сталкивается с удивительным парадоксом, способным изменить наше собственное восприятие реальности. Мы привыкли считать себя людьми технического прогресса, ушедшими далеко вперед от своих далеких предков в понимании законов физики, химии и астрономии. Но, внимательно вглядываясь в картину мира древнего жителя Кавказа, мы обнаруживаем в ней то ценное качество, которого так остро не хватает человеку двадцать первого века. Это чувство глубокой, неразрывной укорененности в бытии. В адыгском космосе не существовало экзистенциального одиночества. Человек всегда находился внутри живой, осмысленной и справедливой Вселенной, где у каждого дерева в лесу был свой покровитель, у каждой яркой звезды на ночном небе было свое имя и судьба, а у каждого человеческого поступка оставалось громкое эхо, отзывающееся в вечности.

Знакомство с базовыми терминами и научными подходами лишь помогает нам правильно настроить оптику нашего взгляда. Впереди нас ждет большое путешествие по всей вертикали и горизонтали этого удивительного мироздания, от первых мгновений сотворения земли из первозданного океана до тончайших правил застольного этикета, в которых причудливо отразилась архитектура небесных сфер. Но прежде чем заглянуть в древние мифы о рождении Неба и Земли, нам необходимо окинуть взглядом саму сцену, на которой веками разворачивалась эта грандиозная историческая драма. Нам предстоит увидеть ту уникальную землю между двумя морями и великими снежными горами, где формировался сам народ адыгов.

Глава 2. Адыги на карте мира и времени. Краткий историко-этнографический очерк.

Чтобы по-настоящему понять картину мира любого народа, необходимо сначала увидеть ту землю, на которой он вырос, и пройти вместе с ним по тропам его истории. География в традиционной культуре никогда не была просто фоном для событий или набором координат на бумаге. Ландшафт, климат, близость моря или неприступность горных хребтов буквально лепят сознание человека, определяют его привычки, хозяйственный уклад и, в конечном счете, ту модель Вселенной, которую он выстраивает в своем воображении. Историческая родина адыгов, известная в мировой истории как Черкесия, представляет собой один из самых удивительных и контрастных уголков Евразии.

Представьте себе пространство, зажатое между двумя морями и величайшей горной системой Европы. На западе и юго-западе эта земля омывается теплыми водами Черного моря и мелководного Азовского моря, которое древние греки называли Меотидой. На севере ее естественной границей служила полноводная река Кубань, за которой начинались бескрайние причерноморские и предкавказские степи. На юге и востоке горизонт упирался в Главный Кавказский хребет, увенчанный сверкающей двуглавой громадой Эльбруса. Внутри этого природного треугольника уместились почти все климатические пояса планеты. Субтропическое побережье с вечнозелеными лесами и мягкой зимой здесь за несколько десятков километров сменяется густыми широколиственными дубравами и буковыми рощами предгорий, затем переходит в изумрудные альпийские луга и, наконец, упирается в царство вечных снегов и ледников.

Такое разнообразие ландшафтов подарило жителям этого края редкую самодостаточность. В горах можно было пасти огромные стада овец и табуны выносливых коней, в предгорьях и долинах рек раскинулись плодородные пашни и знаменитые черкесские сады, а морское побережье открывало торговые пути в далекие заморские страны. Однако за это природное богатство приходилось платить постоянной бдительностью. Кавказ с древнейших времен служил гигантским мостом между Европой и Азией, между кочевым севером и земледельческим югом. По степным коридорам вдоль северных границ Черкесии волна за волной прокатывались воинственные народы. Киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, хазары, половцы и монголы оставляли свой след на этих землях, испытывая местное население на прочность.

Именно поэтому в адыгской космологии так остро ощущается граница между своим, обжитым и защищенным пространством, и внешним, непредсказуемым миром. Горы и непроходимые лесные чащи служили для адыгов естественной крепостью, надежным щитом, который укрывал их в годы тяжелых нашествий. Море же воспринималось двойственно. С одной стороны, оно приносило чужеземных купцов с их диковинными товарами, а с другой — таило в себе неведомую глубину, из которой порой приходили завоеватели. Эта вечная динамика между открытостью миру и необходимостью защищать свой очаг сформировала уникальный тип культуры, сочетающий рыцарскую воинственность с утонченным гостеприимством.

Вопрос о происхождении адыгов долгое время занимал умы историков, лингвистов и археологов. Современная наука единодушна в том, что предки адыгов являются коренным, автохтонным населением Северо-Западного Кавказа. Это означает, что они не пришли сюда откуда-то извне в обозримую историческую эпоху, а формировались непосредственно на этой территории на протяжении многих тысячелетий. Лингвистические данные показывают, что абхазо-адыгская языковая семья, к которой принадлежат адыги, абхазы и абазины, имеет невероятную древность и восходит к единой праязыковой общности, существовавшей на Западном Кавказе еще в эпоху неолита и ранней бронзы. Более того, многие ведущие языковеды находят убедительные доказательства глубинного родства абхазо-адыгских языков с языком хаттов —

древнейшего доиндоевропейского населения Малой Азии, создавшего высокую цивилизацию в третьем тысячелетии до нашей эры.

Первые письменные упоминания о прямых предках адыгов появляются в трудах античных авторов. Начиная с шестого века до нашей эры греческие мореплаватели и колонисты активно осваивали побережье Черного и Азовского морей, основывая здесь свои города, такие как Фанагория, Горгиппия, Гермонасса и Синдская гавань. В сочинениях Геродота, Страбона, Плиния Старшего и Арриана перед нами встает пестрая картина племен, населявших восточный берег Меотиды и предгорья Кавказа. Античные авторы называют их меотами, синдами, зихами, керкетами, ахеями и гениохами.

Особое место среди этих древних объединений занимали синды и меоты. Синды, жившие на Таманском полуострове и прилегающем побережье, уже в пятом веке до нашей эры создали собственное раннегосударственное образование, чеканили свою серебряную монету и вели оживленную торговлю хлебом с Афинами. Меоты же освоили огромные пространства Прикубанья, возводя укрепленные городища, развивая ремесла и создавая великолепные образцы звериного стиля в искусстве. В их культуре органично соединялись местные кавказские традиции и элементы скифо-сарматского мира. Античные авторы отмечали в жителях этих мест гордый нрав, любовь к свободе, искусное владение оружием и верховой ездой, а также глубокое почитание природных стихий и священных рощ.

В начале нашей эры на историческую арену выходят зихи, чье имя постепенно становится собирательным для большинства адыгских племен. Византийские хроники раннего средневековья регулярно упоминают Зихию как важного соседа и союзника империи на Кавказе. В шестом веке, в эпоху правления византийского императора Юстиниана Первого, в Зихию начинает проникать христианство. На побережье и в предгорьях строятся каменные храмы, учреждаются епархии, а местная знать приобщается к византийской дипломатии и культуре. Однако христианство у адыгов не вытеснило древнюю народную веру, а вступило с ней в своеобразный союз. Люди продолжали молиться в священных рощах, приносить жертвы у древних дубов и почитать своих исконных покровителей, лишь добавив к ним имена христианских святых.

С тринадцатого века в европейских и восточных источниках закрепляется новый этноним — черкесы. Происхождение этого слова до сих пор вызывает научные дискуссии, но наиболее вероятной представляется его связь с античным именем керкетов, упомянутых еще Страбоном. Сами же себя представители этого народа всегда называли общим самоназванием адыгэ. В средние века Черкесия переживает период яркого расцвета и одновременно сложных геополитических испытаний. После монгольского нашествия, сметавшего государства и города в степях, адыги сумели сохранить свою независимость в горах и предгорьях. В тринадцатом и четырнадцатом веках часть адыгского населения продвигается на восток, в центральную часть Северного Кавказа, в бассейн рек Терек, Малка и Баксан. Так формируется Кабарда, ставшая мощным политическим и культурным центром всего региона.

Эпоха позднего средневековья стала временем сложения классической адыгской феодальной культуры. К пятнадцатому и шестнадцатому векам адыгский мир представлял собой сложную мозаику субэтнических групп, каждая из которых занимала свою территорию и имела свои диалектные и бытовые особенности, но при этом осознавала единство происхождения, языка и этического кодекса. На побережье Черного моря и в прилегающих горах жили шапсуги, натухайцы и убыхи, чья культура была тесно связана с морем, садоводством и отгонным скотоводством. В лесистых предгорьях и долинах Закубанья расселились абадзехи, бжедуги, темиргоевцы, бесленеевцы, махошевцы, егерухаевцы, хатукаевцы и жанеевцы. На востоке раскинулись земли большой и малой Кабарды, игравшей ведущую роль в политической жизни всего Северного Кавказа.

Интересно, что общественное устройство разных адыгских племен не было одинаковым. В исторической науке их принято делить на аристократические и демократические общества. У кабардинцев, бжедугов, темиргоевцев и бесленеевцев существовала строгая сословная иерархия. Во главе стояли князья пши, ниже располагались дворяне уорки различных степеней, затем свободные общинники тфокотли и зависимые крестьяне. В то же время у многочисленных абадзехов, шапсугов и натухайцев в восемнадцатом веке произошли социальные перевороты, в результате которых власть князей была свергнута, и управление перешло в руки народных собраний хасэ и выборных старейшин. Несмотря на эти различия в политическом устройстве, все адыгские общества объединяла единая система ценностей, общий язык, общие песни и незыблемый моральный закон Адыгэ Хабзэ.

В пятнадцатом и шестнадцатом веках у берегов Черкесии активно действовали генуэзские торговые фактории. Итальянские купцы с восхищением описывали красоту черкесов, их благородство, мастерство в изготовлении оружия и тончайших тканей, а также знаменитых черкесских скакунов, славившихся своей выносливостью и умом. Позднее на побережье усиливается влияние Османской империи и Крымского ханства. Постепенно, начиная с шестнадцатого века и особенно активно в восемнадцатом и начале девятнадцатого веков, среди адыгов распространяется ислам суннитского толка. Как и в случае с христианством, новая религия глубоко укоренилась в духовной жизни народа, но не стерла древний космологический фундамент, который продолжал жить в фольклоре, этикете, календарных обрядах и народной медицине.

Особую страницу в истории занимают связи Черкесии с Россией, начавшиеся еще в середине шестнадцатого века, когда кабардинские князья во главе с Темрюком Идаровым заключили военно-политический союз с царем Иваном Грозным, скрепленный его браком с кабардинской княжной Гуашаней, принявшей в крещении имя Марии. Однако в восемнадцатом и девятнадцатом веках геополитическая ситуация на Кавказе коренным образом изменилась. Началась долгая и трагическая Кавказская война, длившаяся десятилетиями и завершившаяся в 1864 году. Эта война принесла адыгскому народу колоссальные потрясения. Сотни тысяч людей были вынуждены покинуть родину и переселиться в пределы Османской империи. Это трагическое событие вошло в историческую память как махаджирство.

В результате исхода большая часть адыгов оказалась рассеянной по странам Ближнего Востока и Балкан, образовав многочисленную диаспору в Турции, Сирии, Иордании, Израиле и других государствах. На исторической же родине оставшееся население в двадцатом веке прошло через бурные преобразования советской эпохи. Административно-территориальное деление разделило единый народ на несколько субъектов, в результате чего сегодня адыги в России проживают преимущественно в трех республиках — Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также в Краснодарском крае.

Эта сложная, полная драматизма и героических страниц история наложила глубокий отпечаток на адыгское мировоззрение. Традиционный быт адыгов веками был подчинен задаче выживания и сохранения достоинства в условиях постоянной внешней угрозы. Воинское искусство возводилось в ранг высокой философии. Мальчика с раннего детства воспитывали как защитника рода и земли, приучая переносить голод, холод и боль без единой жалобы. При этом воинская доблесть никогда не оправдывала жестокости. Настоящий рыцарь должен был оставаться великодушным к побежденному, учтивым с женщиной, почтительным со стариком и верным данному слову.

Хозяйственная жизнь адыгов отличалась удивительной гармонией с окружающей средой. Они были искусными земледельцами, выращивавшими просо, пшеницу, ячмень и кукурузу, но при этом не выжигали леса под пашню без меры, а применяли продуманную систему севооборота и удобрения почвы. Особую славу снискало адыгское садоводство. Старые черкесские сады в предгорьях представляли собой уникальные лесосады, где дикие плодовые деревья при-

вивались культурными сортами. Эти сады не требовали искусственного полива и химической обработки, плодонося столетиями и оставаясь частью живого леса. Коневодство же было предметом особой гордости. Кабардинская порода лошадей ценилась далеко за пределами Кавказа за невероятную выносливость на горных тропах, смелость и преданность всаднику.

В центре всей социальной и духовной жизни адыгов стоял институт семьи и рода, объединенный в аульскую общину. Дома строились из дерева, плетня, обмазанного глиной, и камыша, что делало их легкими, теплыми и сейсмостойкими. Если враг сжигал аул, жители могли за несколько недель отстроить его заново на новом месте, не теряя главного богатства — своей свободы, песен и законов. Вся повседневная жизнь регулировалась неписаным кодексом Адыгэ Хабзэ, который охватывал все сферы бытия от рождения до смерти. В этом кодексе зашифрована главная тайна исторической устойчивости адыгов. Лишенные единого централизованного государства, письменных сводов законов и каменных городов, они выстроили внутри себя невидимую, но несокрушимую крепость духа.

Именно эта внутренняя крепость позволила им сохранить свою космологию сквозь тысячелетия. Географическое положение между двумя морями и великими горами научило адыгов видеть мир объемным и многомерным. История, полная битв и переселений, научила их ценить каждый миг жизни, уважать гостя как посланника неба и помнить о своих корнях. Познакомившись с этой землей и судьбой ее народа, мы теперь готовы открыть самую первую страницу их духовной истории и заглянуть в те древние времена, когда еще не было ни аулов, ни дорог, ни самой земли, а над бескрайним первозданным океаном только зарождалась мысль Великого Творца.

Глава 3. Источники изучения адыгской картины мира. Фольклор, язык, археология, записки путешественников.

Воссоздание картины мира древнего народа напоминает реставрацию старинной фрески, время и ветры которой стерли целые фрагменты, оставив лишь разрозненные контуры и пятна краски. У адыгов вплоть до девятнадцатого века не существовало собственной массовой письменности, способной зафиксировать мифологические трактаты, звездные каталоги или своды жреческих правил на пергаменте и бумаге. На первый взгляд это может показаться непреодолимым препятствием для историка. Однако бесписьменные культуры обладают поразительной способностью к самосохранению. Не имея возможности доверить свои знания книжным свиткам, они записывают их в самой ткани жизни, превращая в хранилище памяти каждое слово родного языка, каждый поворот танцевального круга, узор на войлочном ковре и каменные плиты древних гробниц.

Главным и самым глубоким резервуаром сведений о традиционной космологии адыгов выступает устное народное творчество. Фольклор в архаическом обществе никогда не служил простым развлечением у вечернего огня. Это была живая энциклопедия народа, его священное писание и учебник жизни одновременно. Центральное место в этом духовном наследии занимает грандиозный Нартский эпос, объединяющий сказания о племени могучих богатырей, живших на заре времен. Когда сказитель джегуако брал в руки скрипку шичепшин и заводил мерный речитатив о подвигах Саусруко, Бадыноко, Ашамеза или мудрой Сатаней, слушатели погружались в самую гущу космогонических событий. За эпическими битвами с одноглазыми великанами иныжами и походами в далекие земли в этих текстах скрываются древнейшие мифы о борьбе солнечного света с подземным мраком, о добывании огня и железа, о происхождении небесных светил и первых законах человеческого общежития.

Помимо Нартского эпоса, важнейшие крупицы древнего мировоззрения законсервированы в малых и обрядовых жанрах фольклора. В ритуальных песнях, которые исполнялись во время пахоты, сева, вызывания дождя или врачевания болезней, сохранились прямые обращения к древним божествам и стихиям. Застольные здравицы хъуэхъу, звучавшие на свадьбах и больших праздниках, по своей структуре представляют собой древние магические благопожелания, призванные утвердить космический порядок и изобилие на весь предстоящий год. Даже в погребальных плачах гъыбзэ, где женщины оплакивали ушедшего воина, сквозь горечь утраты проступают отчетливые представления о загробном мире Хьэдрыхэ, о пути души через темную реку и встрече с предками. А если заглянуть в народные загадки, пословицы и детские считалки, то и там можно обнаружить осколки древних мифов. Например, привычная загадка о солнце и луне, которые вечно гонятся друг за другом и не могут встретиться, является прямым отголоском архаического небесного мифа.

Если фольклор дает нам сюжеты и образы, то язык позволяет заглянуть в самую мастерскую древней мысли. Лингвистический анализ служит для исследователя космологии своеобразным рентгеном, просвечивающим тысячелетние пласты культуры. Адыгские языки, включающие адыгейский и кабардино-черкесский, принадлежат к абхазо-адыгской языковой семье, считающейся одной из самых древних и самобытных в Евразии. Эти языки обладают сложнейшей фонетической системой и удивительной внутренней логикой словообразования, где корни слов прозрачно указывают на первоначальный смысл понятий.

Вслушиваясь в звучание и строение адыгских слов, мы видим, как предки современных черкесов осмысляли окружающую реальность. Само слово, обозначающее Вселенную и весь видимый мир, звучит как дуней, а понятие космоса и миропорядка тесно переплетается с пред-

ставлениями о свете, пространстве и справедливости. Название верховного бога Тхьэ породило целое гнездо важнейших понятий, от названия богослужения и священных рощ до слова клятва. Изучая названия звезд, созвездий, ветров, сторон света и времен года, языковеды восстанавливают ту сетку координат, которую древний житель Кавказа накладывал на природу. Особый интерес для науки представляет так называемый охотничий язык и женские табуированные слова. Уходя в лес, адыгский охотник не смел называть зверей, оружие или природные явления их обычными именами, чтобы не разгневать лесного владыку Мезытха и не выдать своих намерений духам. Вместо привычных слов использовались иносказания, которые открывают нам тайный, мистический слой восприятия природы.

Третьим надежным фундаментом для изучения адыгской картины мира служат данные археологии. Земля Северо-Западного и Центрального Кавказа буквально насыщена памятниками глубокой древности, каждый из которых представляет собой застывшую в камне, глине или металле космограмму. Начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры здесь расцветает знаменитая майкопская культура, оставившая после себя величественные курганы с поразительно богатым инвентарем. Золотые и серебряные сосуды из Майкопского кургана, украшенные гравированными изображениями горных хребтов, рек, деревьев и шествующих зверей, представляют собой древнейшую в мире карту, где реальный кавказский ландшафт сливается с сакральной моделью Вселенной.

В эпоху бронзы на смену или в дополнение к курганам приходит загадочная культура строителей дольменов. Тысячи этих мегалитических сооружений, сложенных из огромных каменных плит весом в десятки тонн, рассыпаны по горным ущельям и долинам от Тамани до Абхазии. Для древнего человека дольмен не был просто могилой. Это был каменный дом для духа предка, спроектированный по строгим астрономическим и космологическим правилам. Подавляющее большинство дольменов обращено фасадом на восток или юго-восток, в сторону восходящего солнца, которое символизировало возрождение и вечную жизнь. Круглое отверстие в передней плите служило точкой перехода между миром живых и миром мертвых, а волнистые линии, зигзаги и концентрические круги, выбитые на камне, передавали идеи водной стихии, небесного огня и бесконечного круговорота времени. В более позднюю меотскую и средневековую эпохи эту эстафету приняли курганные могильники и наскальные петроглифы, где древние художники высекали солярные кресты, спирали и фигуры священных животных.

Четвертый источник сведений открывается при пристальном изучении этнографии и традиционного быта. В жизни адыгского общества не существовало резкой границы между утилитарной вещью и сакральным символом. Любой предмет, созданный руками мастера, подчинялся законам космической гармонии. Архитектура традиционной усадьбы повторяла устройство мира, разделяя пространство на мужскую и женскую половины, на открытую для гостей кунацкую и закрытый от посторонних глаз внутренний двор. В самом центре дома находился очаг с надочажной цепью, соединявшей землю и небо.

Не менее красноречивым языком обладал традиционный орнамент. Искусство золотого шитья, которым в совершенстве владели адыгские женщины, резьба по дереву, тиснение по коже и чеканка по серебру представляли собой настоящую знаковую систему. В каждом узоре на праздничном платье, седле или кинжале читались древние благопожелания. Роговидные завитки символизировали плодородие, жизненную силу и солнечную энергию, переплетающиеся ветви отсылали к образу Мирового древа, а геометрические фигуры закрепляли идею устойчивости и защиты от злых сил. Особое место в этой системе занимали родовые знаки тамги. Каждая адыгская фамилия имела свою уникальную тамгу, которая передавалась из поколения в поколение. Эти лаконичные графические символы, восходящие к древнейшим пиктограммам и солярным знакам, объединяли род в единое целое перед лицом неба и земли.

Пятый пласт знаний о космологии адыгов мы черпаем из письменных свидетельств иноземных наблюдателей, посещавших Кавказ в разные исторические эпохи. Первые ценные зари-

совки оставили античные авторы. Геродот, Страбон, Плиний Старший и Арриан, описывая племена меотов, синдов и зихов, обращали внимание на их необычные для греков обычаи, почитание священных деревьев, солнечные культы и строгое соблюдение клятв. В средние века эстафету подхватили византийские хроники, арабские географы и итальянские купцы и миссионеры. Генуэзец Джорджо Интериано в конце пятнадцатого века оставил одно из самых ярких описаний быта и нравов черкесов, отметив их рыцарский уклад, презрение к накопительству и глубокое почитание старших и гостей.

В семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках поток свидетельств о Черкесии становится особенно широким. Знаменитый османский путешественник Эвлия Челеби, проехавший по адыгским землям в середине семнадцатого века, с живостью описал местные праздники, музыкальные инструменты, судебные собрания и религиозные обряды. Позднее европейские дипломаты, разведчики, ученые и художники, такие как Петер Симон Паллас, Юлиус Клапрот, Тебу де Мариньи, Джеймс Белл и Фредерик Дюбуа де Монпере, составили подробные дневники и зарисовки. Конечно, иностранцы смотрели на кавказскую культуру сквозь призму собственных представлений и часто называли непонятные им древние обряды суевериями. Но именно их детальные, порой бесстрастные описания того, как адыги празднуют весеннее равноденствие, как лечат раненых музыкой и песнями у постели больного, как совершают моления во время засухи или грома, позволяют современным ученым восстановить живую ткань исчезнувших ритуалов.

Особую, ни с чем не сравнимую ценность имеют труды первых адыгских ученых и писателей девятнадцатого века. Султан Хан-Гирей, Шора Ногмов, Казы-Гирей и Адиль-Гирей Кешев обладали уникальным преимуществом. Они владели методами европейской науки, но при этом с детства впитали родную культуру, знали язык и понимали сокровенный смысл каждого обряда. Когда Хан-Гирей в своих Записках о Черкесии описывал пантеон древних адыгских богов или правила приема гостя, он переводил смыслы своей родной вселенной на язык мировой науки, сохраняя ее внутреннюю логику и поэтическую глубину.

В двадцатом столетии работа по сбору и осмыслению этого наследия приобрела масштабный, систематический характер. Экспедиции фольклористов, археологов и этнографов объездили сотни аулов в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Причерноморье, записав тысячи текстов нартских сказаний, старинных песен и воспоминаний старожилов. Важным дополнением к этим материалам стали исследования среди адыгской диаспоры в Турции, Сирии и Иордании, где потомки переселенцев девятнадцатого века бережно сохранили многие архаические обряды и языковые формы.

Соединяя вместе все эти пять источников, мы получаем объемную, стереоскопическую картину. Фольклор оживляет древние мифы, язык раскрывает их скрытую этимологию, археология подтверждает их тысячелетнюю древность, этнография показывает, как они воплощались в повседневном быту, а записки путешественников дают документальную привязку ко времени. Только опираясь на этот прочный фундамент, мы можем перейти от общих принципов к самому древнему пласту адыгского мироздания и заглянуть в ту эпоху, когда в тишине веков закладывались первые камни великой кавказской культуры.

Глава 4. Доисторические корни. Майкопская и дольменная культуры как фундамент мировоззрения.

Когда осенью 1897 года петербургский археолог Николай Иванович Веселовский приступил к раскопкам огромного одиннадцатиметрового кургана Ошад на окраине города Майкопа, он едва ли мог предположить, что вскрывает дверь в одну из самых загадочных цивилизаций бронзового века. Под многометровой толщей земли, укрепленной каменной обкладкой, открылась обширная погребальная камера, разделенная деревянными перегородками на три отсека. Внутри покоился правитель неведомой древней державы, окруженный несметными сокровищами, которые по своему художественному совершенству и весу драгоценных металлов не уступали находкам из царских гробниц Трои и древнего Ура.

То, что увидел Веселовский в майкопском кургане, заставило мировую науку по-новому взглянуть на роль Кавказа в истории человечества. В эпоху ранней бронзы, в четвертом тысячелетии до нашей эры, на просторах Северо-Западного Кавказа расцвела яркая, самобытная культура, получившая название майкопской. Ее создатели владели передовыми для своего времени технологиями выплавки бронзы, создавали изысканную керамику на гончарном круге и вели оживленный обмен с великими цивилизациями Передней Азии и Месопотамии. Но для понимания духовных истоков адыгской космологии гораздо важнее не вес золотых украшений и не состав бронзовых топоров, а та целостная картина Вселенной, которую древние мастера запечатлели в устройстве кургана и в образах, выгравированных на стенках драгоценных сосудов.

Сама архитектура майкопского кургана представляла собой сложную космограмму, переведенную на язык земли, камня и дерева. Огромная полусферическая насыпь, возвышающаяся над степной или предгорной равниной, воспроизводила образ Мировой горы, вознесенной над первозданным океаном, и одновременно повторяла очертания небесного купола. Каменное кольцо, опоясывающее основание кургана, отделяло сакральное пространство усыпальницы от обыденного мира живых. Внутри погребальной ямы пространство четко делилось по сторонам света. Главный погребенный лежал в южной части камеры головой на юго-восток, лицом навстречу восходящему солнцу, в окружении золотых бляшек в виде львов и быков, некогда нашитых на парадный полог или одежду. Над ним возвышался балдахин, поддерживаемый серебряными стержнями с золотыми и серебряными фигурками быков. Этот балдахин символизировал небесный свод, под которым правитель продолжал свое пребывание в вечности.

Однако настоящим откровением для исследователей космологии стали два знаменитых серебряных сосуда с гравированными рисунками, найденные в том же кургане. На округлых боках одного из них тонким резцом изображен поразительный по своей выразительности пейзаж. По верхнему краю сосуда тянется зубчатая цепь высоких гор, в которых ученые без труда узнают силуэт Главного Кавказского хребта с двуглавым Эльбрусом. С горных вершин сбегают две извилистые реки, впадающие в круглое озеро или море, занимающее дно сосуда. Между реками у их истоков растут два могучих дерева с пышными кронами, а между ними стоит медведь. Вокруг центрального пейзажа по кругу шествуют животные: гордый лев, величественный бык, дикий кабан, грациозный конь, горный баран, а в небе парят хищные птицы.

Этот рисунок на майкопском серебряном сосуде является, по сути, древнейшей в мире ландшафтной картой и одновременно законченной моделью Вселенной. Древний художник не просто зарисовал с натуры родные кавказские горы и зверей. Он выстроил строгую трехчастную вертикаль мира. Верхний ярус занимает небо с парящими птицами, средний ярус образуют горы, деревья и четвероногие звери, а нижний ярус представлен водной стихией на дне сосуда. Две реки, стекающие с гор в мировое море, делят землю на части, а деревья у их исто-

ков воплощают образ Древа Жизни. Показательно, что в этом мире отсутствует конфликт: хищники и травоядные движутся в едином торжественном ритме, подчиняясь космическому порядку. Сосуд, из которого на ритуальном пиру пили священный напиток, сам становился моделью мироздания в руках жреца или вождя.

Культ быка, столь ярко представленный в майкопских древностях золотыми и серебряными статуэтками, находит прямое продолжение в более поздней адыгской мифологии и обрядности. В древних культурах Кавказа и Передней Азии могучий бык олицетворял плодородную силу земли, громовую мощь неба и солнечную энергию. Спустя тысячелетия в адыгских аулах во время весенних праздников первой борозды и молений о дожде бык оставался главным жертвенным животным, а его стилизованные рога превратились в один из самых устойчивых мотивов адыгского орнамента, оберегающего жилище и приносящего достаток семье.

Если майкопская культура открывает нам космологию вождей и создателей первых курганных пирамид, то почти одновременно с ней, в третьем и втором тысячелетиях до нашей эры, в лесистых горах и ущельях Западного Кавказа возникает другой феномен, поражающий воображение своим монументальным величием. Речь идет о дольменной культуре. Тысячи каменных сооружений, сложенных из гигантских тесаных плит весом в десятки тонн, рассыпаны от Таманского полуострова до горной Абхазии. В адыгском народном предании эти загадочные постройки получили название испун, что переводится как дома карликов. Согласно легенде, некогда в горах жили крошечные, но обладавшие невероятной силой и мудростью люди испы, которые по просьбе великанов иныжей построили для себя эти неприступные каменные жилища, а затем ушли из мира, оставив их как памятник ушедшей эпохи.

Современная археология убедительно доказала, что дольмены являлись сложными погребальными и культовыми сооружениями эпохи бронзы, созданными предками современных абхазо-адыгских народов. Но почему древние строители тратили колоссальные усилия на то, чтобы вырубить в скале многотонную плиту, отшлифовать ее с ювелирной точностью, перетащить по горным склонам и подогнать камни друг к другу так плотно, что между ними не просунуть лезвие ножа? Ответ кроется в их представлениях о посмертной судьбе души и устройстве Вселенной.

Каждый дольмен представляет собой замкнутую каменную камеру, символизирующую материнское лоно земли и одновременно модель космоса. Четыре стены дольмена строго соответствуют четырем сторонам света, перекрытие воплощает небесный свод, а каменный пол — земную твердь. Главной конструктивной и смысловой деталью любого дольмена является круглое или арочное отверстие в передней фасадной плите, через которое невозможно пройти взрослому человеку, но которое идеально подходит для совершения ритуальных возлияний и проникновения в камеру бесплотной души. Это отверстие, которое плотно закрывалось массивной каменной пробкой грибовидной формы, служило сакральным порталом, окном между Средним миром живых и Нижним миром предков.

Астрономическая ориентация кавказских дольменов раскрывает глубокие познания их строителей в движении небесных светил. Подавляющее большинство этих мегалитов обращено фасадом на восток, юго-восток или юг, то есть в ту часть горизонта, где восходит солнце в дни равноденствий и зимнего солнцестояния. Первые лучи утреннего солнца, падая на фасадную плиту и освещая каменную пробку, символизировали вечное возрождение, победу света над мраком смерти и пробуждение душ предков. Более того, многие дольмены оборудованы специальными пристройками в виде открытого дворика портала, который создавал подобие каменного храма под открытым небом. Здесь сородичи собирались в определенные календарные дни, чтобы совершить поминальную трапезу, пообщаться с ушедшими предками и попросить у них покровительства для живых.

На каменных стенах дольменов и внутри погребальных камер археологи часто находят выбитые барельефы и петроглифы, представляющие собой зашифрованные космологические тексты. Чаще всего встречаются волнистые линии, образующие своеобразные фризы вокруг фасада или на внутренних стенах. В древней символике волна и зигзаг неизменно обозначали небесную и земную воду, живительный дождь и реку времени, разделяющую миры. Нередко на фасадах изображались вертикальные рельефные полосы с утолщениями вверху, напоминающие стилизованные деревья или человеческие фигуры, а также парные полушария, связанные с культом Великой Богини Матери, дарующей жизнь и принимающей умерших обратно в свое каменное лоно. В некоторых памятниках встречаются и прямые солярные символы в виде кругов с точкой в центре или крестов, вписанных в окружность.

Связь между древней дольменной культурой и более поздней этнографической традицией адыгов прослеживается не только в мифах об испах. В традиционном адыгском погребальном обряде вплоть до недавнего прошлого сохранялся обычай сооружать над могилой деревянные или каменные домики, а также оставлять в склепах небольшое отверстие для связи души с внешним миром. Даже в архитектуре традиционного адыгского жилища унэ, ориентированного входом на юг или юго-восток, и в почитании домашнего очага угадываются отголоски тех далеких эпох, когда дом воспринимался как надежная крепость космоса, защищенная со всех сторон.

Не менее важным звеном, связывающим эпоху бронзы с историческими адыгами, выступает меотская культура, расцветавшая в Прикубанье и Приазовье с первого тысячелетия до нашей эры до первых веков нашей эры. Меоты унаследовали от строителей курганов и дольменов глубокое почтение к земле, солнцу и предкам, обогатив его искусством обработки железа и конским культом. В меотских святилищах и курганах археологи находят ритуальные жертвенники из обожженной глины, украшенные солярными знаками, спиралями и изображениями бараньих голов. Эти жертвенники, служившие домашними алтарями, напрямую предвосхищают культ домашнего очага у средневековых и современных адыгов.

Особый пласт доисторического мировоззрения запечатлен в кавказских петроглифах — наскальных рисунках, обнаруженных в горных ущельях Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи. На гладких поверхностях скал, обращенных к солнцу или нависающих над бурными реками, древние художники выбивали сцены охоты на туров и оленей, солярные колесницы, лабиринты, спирали и фигуры людей с воздетыми к небу руками в позе молитвенного обращения. Олень с ветвистыми рогами, напоминающими крону дерева или лучи солнца, занимал в этих композициях центральное место. В древней мифологии Кавказа благородный олень считался священным животным верхнего мира, проводником между небом и землей. Спустя тысячелетия этот образ органично вошел в адыгский фольклор и золотое шитье, где ветвистые рога оленя и барана стали главными элементами орнамента, приносящего счастье и благополучие.

Рассматривая в единой перспективе курганы майкопской культуры, каменные дольмены и меотские святилища, мы убеждаемся, что духовная история адыгов не прерывалась на протяжении тысячелетий. Менялись материалы, из которых строились жилища и храмы, совершенствовались орудия труда, приходили и уходили кочевые племена и мировые религии, но глубинный фундамент космологии оставался незыблемым. Представление о трехчастном мире, почитание солнца и горных вершин, вера в неразрывную связь между живыми и ушедшими предками, восприятие дома и храма как точной модели Вселенной — все это родилось здесь, на древней земле Кавказа, еще на заре человеческой цивилизации. И когда в более поздние эпохи адыгский сказитель пел о богатырях нартах или старейшина произносил молитву у священного дуба, они говорили на том же символическом языке, который за четыре тысячи лет до них высекали на камне и чеканили на серебре их далекие предки.

Глава 5. Мегалиты Кавказа. Дольмены как модели Вселенной и порталы между мирами.

В густых буковых и каштановых лесах Северо-Западного Кавказа, в тишине горных ущелий от Тамани до современной Абхазии скрываются тысячи удивительных каменных сооружений. Сложенные из гигантских, тщательно отшлифованных песчаниковых плит весом в десятки тонн, они стоят здесь уже более четырех тысяч лет. В современной науке их называют дольменами, что в переводе с бретонского языка означает каменный стол. Однако для коренного населения Кавказа эти сооружения никогда не были просто безымянными древностями. В адыгском народном сознании они обрели собственное имя, свою мифологию и свое место в устройстве Вселенной.

Адыги называют дольмены испун, что переводится как дом карликов или дом испов. Согласно древнему народному преданию, некогда на земле Кавказа жили два совершенно разных племени: крошечные, но обладавшие невероятной физической силой и мудростью людикарлики испы, и неповоротливые, простодушные великаны иныжи. Маленькие испы верхом на зайцах легко управлялись с огромными каменными глыбами, но не могли поднять их высоко над землей. Тогда они хитростью и уговорами убедили великанов иныжей построить для себя прочные каменные дома, которые защитили бы их от непогоды и хищных зверей. Великаны с легкостью перетащили многотонные плиты, сложили из них неприступные камеры и накрыли сверху тяжелыми крышами, оставив лишь узкое круглое отверстие, через которое мог пролезть только крошечный исп. В этом народном мифе, записанном исследователями в девятнадцатом веке, зашифровано глубокое интуитивное понимание истинной природы мегалитов: они были построены не для повседневного быта обычных людей, а для существ иного порядка, принадлежащих другой эпохе и иному измерению бытия.

Современная археология рассматривает кавказские дольмены как погребально-культовые памятники эпохи средней бронзы, расцвет строительства которых пришелся на третье и второе тысячелетия до нашей эры. Ученые выделяют четыре основных типа этих сооружений. Самыми распространенными являются плиточные дольмены, собранные из четырех вертикальных стен, пятой плиты перекрытия и шестой плиты пола, соединенных между собой сложнейшими пазами. Реже встречаются составные дольмены, сложенные из нескольких рядов камней, корытообразные, высеченные в едином валуне и накрытые сверху отдельной плитой, а также уникальные дольмены-монолиты, полностью вырубленные внутри цельной скалы через узкое входное отверстие. Качество обработки камня поражает воображение даже сегодня: многотонные блоки подогнаны друг к другу с ювелирной точностью, без использования какого-либо строительного раствора, так что между ними невозможно просунуть даже тонкое лезвие ножа.

Но зачем древним жителям Кавказа, не знавшим железных инструментов, подъемных кранов и тягловых животных способных перемещать грузы в тридцать или сорок тонн, потребовалось возводить столь грандиозные сооружения? Ответ на этот вопрос лежит не в области строительной инженерии, а в сфере традиционной космологии. Для человека бронзового века дольмен был не просто могилой в современном понимании этого слова. Он представлял собой каменную модель Вселенной и одновременно сакральный инструмент для поддержания связи между миром живых и миром предков.

Архитектура классического плиточного дольмена воспроизводит универсальную трехчастную структуру мироздания. Массивная пяточная плита, лежащая в основании, символизирует земную твердь и границу Нижнего мира. Четыре вертикальные стены ориентированы по сторонам света и задают горизонтальные координаты Среднего мира, превращая хаотич-

ное природное пространство в упорядоченный космос. Наконец, гигантская покровная плита, часто выступающая вперед над фасадом в виде защитного козырька, олицетворяет небесный свод. Находясь внутри этой замкнутой каменной камеры, душа умершего предка оказывалась в самом центре защищенного, гармоничного мира, надежно укрытого от разрушительных сил хаоса.

Особое сакральное значение имела форма самой камеры. Подавляющее большинство кавказских дольменов в плане имеет форму трапеции: передняя фасадная плита всегда шире и выше задней, а боковые стены плавно сужаются к тыльной стороне. С точки зрения строительной механики такая форма придавала конструкции дополнительную устойчивость на горных склонах. Однако в мифопоэтическом сознании сужающееся к глубине пространство несло глубокий символический смысл. Оно воспроизводило форму материнского лона. Смерть в архаической космологии никогда не воспринималась как окончательное исчезновение. Умирая, человек возвращался в лоно Матери-Земли, чтобы пройти через этап таинственного созревания и возродиться вновь в круговороте жизни рода. Каменные стены дольмена становились той самой защитной оболочкой, в которой сохранялась жизненная сила предка.

Центральным элементом всей композиции выступал лаз — небольшое круглое, арочное или реже квадратное отверстие, высеченное строго по центру передней фасадной плиты. Диаметр этого отверстия обычно не превышает тридцати пяти или сорока сантиметров. Взрослый человек протиснуться через него мог с огромным трудом или не мог вовсе. Это убедительно доказывает, что вход предназначался не для живых людей, а для бесплотной души, для сакрального дыхания или для совершения ритуальных действий. Каждое такое отверстие закрывалось специальной каменной втулкой — тяжелой пробкой грибовидной или конической формы, вес которой порой достигал ста килограммов.

Каменная пробка превращала дольмен в настоящий портал между мирами. Пока втулка плотно закрывала вход, граница между Средним миром живых и Нижним миром мертвых оставалась на замке. Духи предков пребывали в покое, а живые были защищены от нежелательного вторжения потусторонних сил. Но в определенные дни календарного года, связанные с днями солнцестояний, равноденствий или родовыми поминальными праздниками, сородичи приходили к дольмену. Вынув тяжелую каменную пробку, они открывали окно в иной мир. Через это отверстие в камеру вливались ритуальные возлияния, закладывались дары, а старейшины рода обращались к предкам с просьбами о защите, плодородии полей, здоровье скота и удаче на охоте. После завершения обряда пробка возвращалась на место, вновь запечатывая границу между мирами до следующего праздника.

Не менее поразительна астрономическая выверенность кавказских мегалитов. Многолетние исследования археологов и археоастрономов показали, что ориентировка дольменов по сторонам света подчинялась строгим правилам. Абсолютное большинство сооружений обращено фасадом на восток, юго-восток или юг, то есть в ту секторную зону горизонта, где солнце поднимается над горами в течение года. Древние строители сознательно избегали северного направления, которое в традиционной космологии связывалось с холодом, тьмой и смертью без надежды на возрождение. Первые лучи утреннего солнца, скользя по горным склонам, падали прямо на фасадную плиту дольмена, освещая каменную пробку. Солнечный свет выступал символом вечной жизни, который ежедневно пробуждал спящие в камне души предков и наполнял их энергией.

Пространство перед фасадом дольмена также было организовано как полноценный храм под открытым небом. Боковые плиты часто выступали вперед за пределы передней стены, образуя так называемые портальные выступы, а перед ними выкладывалась мощенная камнем площадка или полукруглый дворик. Здесь собиралась община, разводился священный огонь и совершались обряды. Таким образом, дольмен становился точкой сборки всего родового коллектива, его сакральным центром. Вокруг таких родовых святилищ формировалась культур-

ная география племени, и пока стояли каменные дома предков, земля считалась законно принадлежащей данному роду.

На каменных плитах некоторых дольменов сохранились загадочные петроглифы и барельефы, которые служат своеобразными комментариями к их космологическому назначению. На внутренних и внешних стенах древние резчики выбивали горизонтальные волнистые линии и зигзаги. В языке древней символики волна всегда означала воду — как небесную влагу дождя, дарующую урожай, так и подземную реку, отделяющую мир живых от царства мертвых. На ряде памятников встречаются изображения парных выпуклых полушарий на фасадной плите, олицетворяющих женскую грудь Великой Матери-Прародительницы, вскармливающей и оберегающей свой народ. Иногда на фасадах можно увидеть высеченные в камне солярные розетки, спирали и стилизованные антропоморфные фигуры с воздетыми к небу руками, застывшие в вечной молитве.

Интересно проследить, как память о дольменной эпохе трансформировалась и сохранилась в более поздней культуре адыгов. Когда сменились погребальные обряды и на смену каменным мегалитам пришли курганные насыпи, а затем грунтовые захоронения и наземные каменные склепы, сама идея каменного или деревянного дома для души не исчезла. Еще в восемнадцатом и девятнадцатом веках путешественники, посещавшие Черкесию, отмечали существование у адыгов и соседних абхазов надземных деревянных срубов и каменных гробниц-мавзолеев, в стенках которых обязательно оставлялось небольшое круглое или квадратное оконце для души. Более того, в адыгских сказках и нартских сказаниях мотив каменного убежища, в котором рождается или укрывается герой, встречается постоянно. Достаточно вспомнить рождение главного героя нартского эпоса Саусруко из раскаленного камня, оплодотворенного на берегу реки. Камень в адыгской традиции всегда воспринимался не как мертвая материя, а как живая, плодородная субстанция, способная хранить в себе искру жизни.

Даже само слово, которым адыги обозначили дольмены, несет в себе глубокий культурный код. В названии испун звучит корень унэ, обозначающий традиционный адыгский дом с очагом. Называя дольмены домами карликов, народная память безошибочно уловила их главную суть: это не мрачные ямы забвения, а именно дома, в которых продолжается незримое бытие ушедших поколений. Мимо таких мест в лесу старые адыги проходили с особым почтением, стараясь не шуметь, не осквернять камни и не разрушать древнюю кладку, опасаясь нарушить покой хранителей земли.

Сегодня молчаливые каменные исполины в горах Северо-Западного Кавказа остаются одним из самых зримых свидетельств глубочайшей древности местной цивилизации. Они напоминают о том, что задолго до появления письменных летописей на этой земле жили люди, обладавшие грандиозным космическим мышлением. Для них смерть не была тупиком, а Вселенная не была пустой и холодной. Сложив из многотонных скал свои каменные модели мироздания и сориентировав их навстречу восходящему солнцу, строители дольменов сумели создать архитектуру вечности, которая вот уже четыре тысячелетия служит немым диалогом между небом, землей и человеком.

Глава 6. Курганная космология. Сакральная география погребальных памятников.

Когда путник едет по бескрайним степным и предгорным равнинам Прикубанья, Кабарды или Адыгеи, его взгляд неизбежно останавливается на плавных, округлых холмах, одиноко возвышающихся среди ровных полей. На первый взгляд они кажутся естественными складками рельефа, поросшими ковылем, полынью или редким кустарником. Но стоит присмотреться внимательнее, и становится ясно, что эти холмы созданы не слепой игрой геологических сил, а тысячами человеческих рук. Это древние курганы, величественные земляные пирамиды Кавказа, которые на протяжении тысячелетий служили не просто усыпальницами вождей, но и зримым воплощением космологических представлений коренных народов края.

В адыгской традиции такие искусственные насыпи издавна назывались уашхэ или иныж уашхэ, что переводится как курган великанов или холм предков. Отношение к ним всегда было исполнено благоговейного трепета. Ни один земледелец в старину не осмелился бы распахать склон кургана, срыть его для хозяйственных нужд или потревожить покой его древних обитателей. В народном сознании курган воспринимался как священная точка, где земля смыкается с небом, а прошлое рода неразрывно переплетается с настоящим. Если дольмены были каменными храмами лесных ущелий, то курганы стали архитектурными доминантами открытых пространств, превратившими плоскую равнину в осмысленный, одухотворенный космос.

Возведение кургана в эпоху бронзы и раннего железа, включая времена легендарных меотов, было сложнейшим коллективным ритуалом, в котором каждый этап строительства воспроизводил акт сотворения мира. Прежде чем насыпать первый ком земли, жрецы и старейшины выбирали особое место, чаще всего на высоком берегу реки или на водоразделе, откуда открывался широкий обзор на линию горизонта, где восходят и заходят Солнце и Луна. Выбранная площадка очищалась огнем и обводилась ровным кругом. В древней символике круг выступал главной геометрической фигурой мироздания, обозначавшей замкнутый горизонт, солнечный диск и бесконечный круговорот времени.

Внутри этого священного круга выкапывалась глубокая погребальная камера, стены которой облицовывались деревом, камнем или плетеными циновками. Умершего укладывали в строго определенной позе, чаще всего на бок с подогнутыми ногами, что повторяло позу эмбриона в материнской утробе. Таким образом, погружение тела в глубь земли символизировало возвращение человека в лоно Матери-Земли для будущего возрождения. Голова погребенного почти всегда была обращена на восток, юго-восток или юг, чтобы душа могла беспрепятственно встретить первые лучи восходящего Солнца и отправиться вслед за дневным светилом в небесные пределы.

После завершения погребального обряда начиналось самое грандиозное действие — возведение самой насыпи. Люди приносили землю в корзинах и кожаных мешках, укладывая ее слоями. Нередко для создания кургана использовался плодородный дерн, нарезанный пластами в разных концах племенной территории. В этом заключался глубокий космологический и социальный смысл: собирая землю со всех родовых угодий в единый холм, сородичи буквально лепили образ своей вселенной, создавали рукотворную Мировую гору. Полусферическая форма кургана идеально повторяла очертания небесного купола, опрокинутого над землей. Таким образом, внутри кургана объединялись все три яруса бытия: подземная камера воплощала Нижний мир, основание на уровне поверхности земли соответствовало Среднему миру живых, а высокая вершина насыпи устремлялась в Верхний мир, навстречу звездам и богам.

Вокруг основания насыпи часто сооружалась каменная крепида — плотное кольцо из крупных валунов, а иногда выкапывался глубокий кольцевой ров, который во время дождей наполнялся водой. Эта водная или каменная преграда играла роль мифического Первозданного Океана, окружающего земную твердь, и одновременно служила магической границей, не позволяющей силам хаоса проникнуть внутрь сакрального пространства, а духам мертвых — тревожить мир живых без должного ритуала.

Археологические раскопки курганов Северо-Западного Кавказа открыли поразительную насыщенность погребального инвентаря космической символикой. В могилах меотских вождей и воинов рядом с оружием, конской сбруей и золотыми украшениями ученые регулярно находят глиняные курильницы, зеркала и сосуды, покрытые сложным геометрическим орнаментом. Бронзовые зеркала, которые клали в погребения, имели особую магическую функцию. В древней картине мира гладкая, сияющая поверхность металла уподоблялась диску Солнца или полной Луны, а также водной глади, способной отражать иной мир. Считалось, что зеркало служит своеобразным двойником души или окном, через которое ушедший предок может видеть происходящее в мире живых. Нередко перед захоронением зеркало намеренно разбивали, символически освобождая душу от земных привязанностей.

Особое место в курганной космологии занимало сопровождение умершего конем. В эпоху раннего железа и средневековья у предков адыгов существовал устойчивый обычай хоронить воина вместе с его боевым скакуном в полной парадной сбруе. В мифопоэтическом сознании конь не был просто транспортным средством. Он выступал крылатым посредником между мирами, способным перенести душу всадника через огненную или ледяную реку смерти в загробное царство Хьэдрыхэ. Уздечные наборы, украшенные бляхами в виде солярных знаков, птиц и хищных зверей, превращали коня в космическое существо, несущее своего хозяина по Млечному Пути.

С течением веков курганы переставали быть только местами погребения и превращались в важнейшие ориентиры сакральной географии всего края. Они выстраивались вдоль древних дорог и речных долин в длинные цепочки, по которым путники безошибочно определяли направление движения, как по звездам на ночном небе. На вершинах высоких курганов выставлялись дозорные посты, оттуда подавались дымовые и огневые сигналы при приближении врага. В народных собраниях хасэ, когда требовалось решить судьбоносные вопросы войны и мира или разрешить тяжелый кровный спор, старейшины нередко собирались у подножия древних курганов. Считалось, что присутствие великих предков, покоящихся под многометровой толщей земли, делает невозможной любую ложь и придает принятым решениям незыблемую силу космического закона.

В адыгском фольклоре курганы обросли множеством поэтических легенд. Рассказывали, что в определенные ночи, особенно в дни летнего или зимнего солнцестояния, над древними насыпями можно увидеть таинственное голубоватое сияние — это горят сокровища предков или общаются между собой души великих героев прошлого. Другие предания гласили, что внутри самых больших курганов спят богатыри прошлых эпох, готовые проснуться в час смертельной опасности для родной земли. Даже само слово уашхэ в адыгских языках тесно переплетается с понятиями неба, высоты и святости, подчеркивая, что курган воспринимался не как мрачное подземелье, а как возвышенное место встречи человека с вечностью.

Изучая архитектуру и расположение кавказских курганов, современные исследователи все чаще приходят к выводу, что многие из них служили древними астрономическими обсерваториями. Сопоставляя взаимное расположение групп курганов с точками восхода и захода Солнца и Луны в дни равноденствий и солнцестояний, археоастрономы обнаруживают сложные геометрические закономерности. Древние жрецы, поднимаясь на вершину центрального кургана и наблюдая за движением светил относительно соседних насыпей на горизонте, могли

с высокой точностью определять начало весны, время посева проса, дни главных календарных праздников и приближение затмений.

Таким образом, курганная культура Кавказа подарила адыгской космологии грандиозный визуальный образ. Вся земля родного края оказалась размеченной этими рукотворными вершинами, которые связывали глубины прошлого с высотами небесного свода. Курган стал памятником удивительному мировоззрению, в котором человек не боялся смерти, потому что видел в ней закономерную часть великого круговорота природы, где каждая насыпь на равнине была подобна звезде на ночном небе, хранящей память о предках и освещающей путь живым.

Глава 7. Петроглифы и солярные знаки. Древнейшая письменность неба и земли.

На гладких скальных выходах в горных ущельях Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, на стенах гротов в долинах рек Белой, Лабы, Малки и Баксана, а также на каменных плитах древних гробниц можно обнаружить таинственные изображения, выбитые рукой неизвестного мастера тысячи лет назад. Это петроглифы — древнейшая каменная летопись Кавказа, созданная задолго до появления алфавита и привычных нам книг. Для современного туриста эти рисунки порой кажутся наивными набросками первобытного охотника, решившего запечатлеть на камне удачную добычу или скучавшего у костра. Однако в глазах древнего человека каждое прикосновение кремневого или бронзового резца к живой скале было священным актом, заклинанием, призванным закрепить в вечности законы мироздания и установить нерушимую связь между небом и землей.

В адыгской мифопоэтической традиции камень никогда не воспринимался как безжизненная, мертвая материя. Достаточно вспомнить, что главный герой Нартского эпоса, солнечный богатырь Саусруко, родился из раскаленного гранитного валуна на берегу реки. Камень считался костью земли, хранилищем первозданной жизненной силы, способным помнить прикосновения предков и передавать послания через столетия. Поэтому скала, обращенная к восходящему Солнцу или нависающая над стремительным горным потоком, становилась природным алтарем. Выбивая на ней символы светил, животных и людей, древний художник создавал космограмму — графическую модель Вселенной, которая должна была защищать племя, приносить плодородие полям и обеспечивать удачу на охоте.

Центральное место среди всех петроглифов Кавказа занимают солярные знаки — разнообразные графические символы дневного светила. Солнце в традиционной космологии адыгов всегда выступало главным источником жизни, тепла, справедливости и космического порядка. На скалах и археологических артефактах эпохи бронзы и раннего железа мы встречаем целую энциклопедию солнечных символов. Самый древний и лаконичный из них представляет собой ровный круг с точкой в центре. В этой простой геометрической фигуре заключена глубокая философская формула: точка символизирует единый центр мироздания, из которого рождается свет, а окружность обозначает бесконечный бег Солнца по небосводу и границы обжитого космоса.

Не менее распространенным знаком выступает равносторонний крест, вписанный в круг, который в науке называют солнечным колесом. Четыре луча этого креста указывают на четыре стороны света, а также на четыре главные астрономические точки года: весеннее и осеннее равноденствия, летнее и зимнее солнцестояния. В мифологическом воображении Солнце часто представлялось в виде огненной колесницы, катящейся по небесному своду. Когда же лучи креста загибаются под прямым углом или плавно закручиваются в одну сторону, возникает динамический солярный знак — вихревая розетка или свастика, передающая идею непрерывного вращения, вечного движения времени и неугасающей энергии жизни. Этот мотив оказался настолько устойчивым в культуре, что спустя тысячелетия перекочевал со скал на адыгские родовые знаки тамги, резные деревянные столбы жилищ и серебряные украшения.

Рядом с солярными знаками на кавказских скалах часто встречаются спирали и концентрические круги. Одинарная спираль, раскручивающаяся из центра наружу или скручивающаяся внутрь, символизировала путь души между мирами, смены циклов рождения и умирания, а также вечное возвращение весны после суровой зимы. Двойная S-образная спираль, напоминающая сцепленные бараньи рога, воплощала гармонию противоположностей: встречу дня и ночи, соединение мужского и женского начал, равновесие небесного огня и земной воды. В

позднейшей адыгской орнаментике именно этот древний петроглифический знак превратился в знаменитый роговидный узор, которым вышивали праздничную одежду и украшали войлочные ковры.

Особый пласт наскального искусства составляют зооморфные образы, среди которых безоговорочно господствует благородный олень. На скальных плоскостях Кавказа олени изображены с поразительной грацией и выразительностью: их стройные тела устремлены вперед, а огромные, ветвистые рога занимают почти половину композиции, напоминая пышную крону дерева или расходящиеся лучи утренней зари. В космологии предков адыгов олень был не просто желанным охотничьим трофеем, а священным существом Верхнего мира, небесным посланником и проводником между землей и богами. Ветвистые рога оленя напрямую отождествлялись с Мировым древом, связывающим небесные сферы с земной твердью, а также с лучами Солнца. Существовало поверье, что золотой олень переносит Солнце по небосводу от рассвета до заката. Неудивительно, что в адыгском фольклоре образ оленя сохранил ореол святости, а охотничьи песни и заговоры требовали особого почтения к этому зверю.

Наряду с оленем на петроглифах регулярно встречаются изображения горного тура с круто изогнутыми рогами, дикого кабана, волка, коня и хищных птиц. Каждое из этих животных занимало строго определенный ярус в трехчастной модели Вселенной. Птицы — орлы и соколы, парящие в вышине, — принадлежали Верхнему миру и служили вестниками верховного бога Тха. Олень, тур и конь воплощали Средний мир земных просторов, горных вершин и стремительного движения. Кабан, медведь и змея связывались с земными недрами, плодородием почвы и тайнами Нижнего мира. Когда древний художник изображал на одной скале летящую птицу наверху, бегущего оленя в центре и извивающуюся змею или волнистую линию воды внизу, он создавал целостную вертикальную карту мироздания.

Человеческие фигуры в кавказских петроглифах встречаются реже животных, но каждая из них наполнена глубоким ритуальным смыслом. Чаще всего это схематичные силуэты людей, стоящих с широко расставленными ногами и воздетыми к небу руками. В науке эта поза получила название позы адоранта, то есть молящегося человека. Раскрытые ладони, обращенные вверх, символизируют открытость небесному свету, принятие божественной благодати и обращение к высшим силам. Иногда такие фигуры изображены в хороводе, взявшимися за руки вокруг солярного круга. В этих древних рисунках легко угадывается прообраз знаменитого адыгского кругового танца удж, который исполнялся в священных рощах во время календарных праздников и имитировал движение звезд и Солнца по небосводу.

Отдельную группу наскальных знаков образуют загадочные лабиринты, сетчатые фигуры и чашечные углубления, выбитые в горизонтальных поверхностях валунов. Чашечные камни, покрытые десятками круглых лунок разного диаметра, нередко соединенных между собой тонкими желобками, служили древними жертвенниками и астрономическими картами. В эти углубления во время обрядов наливали молоко, мед, родниковую воду или кровь жертвенного животного, принося дары земле и небу. Кроме того, расположение лунок на некоторых камнях поразительно точно повторяет рисунок ярких созвездий ночного неба, таких как Большая Медведица и Плеяды, позволяя древним жрецам сверять календарь и обучать молодежь небесной навигации.

Замечательной особенностью древней графической системы Кавказа является ее непрерывная преемственность. Когда на смену каменным резцам пришло искусство обработки металла, древние солярные знаки, спирали и фигуры священных животных перешли со скал на поверхность бронзовых топоров, меотских керамических сосудов, серебряных зеркал и поясных пряжек. А с формированием родовой структуры адыгского общества эта древнейшая письменность неба и земли легла в основу знаменитых адыгских тамг.

Тамга представляла собой фамильный знак собственности и чести, который выжигали на бедре коня, вырезали на оружии, ткали на знаменах и высекали на надгробных камнях.

Если внимательно рассмотреть свод адыгских и кабардинских тамг, собранный этнографами в девятнадцатом и двадцатом веках, можно увидеть в них прямых наследников древних петроглифов. В очертаниях тамг безошибочно узнаются крест в круге, рога тура и оленя, лук со стрелой, ветви Мирового древа и солярные лучи. Принимая родовую тамгу, человек словно ставил свою подпись под космическим договором, подтверждая принадлежность своего рода к единому мировому порядку.

Таким образом, петроглифы и солярные знаки Кавказа открывают перед нами мир, в котором письменность существовала задолго до изобретения букв. Это был универсальный язык символов, понятный каждому жителю гор и предгорий. Высекая на вечном камне круг Солнца, ветвистые рога оленя или фигуру человека, тянущего руки к звездам, древние предки адыгов вписывали себя в архитектуру Вселенной, превращая дикие скалы в страницы священной книги о гармонии неба, земли и человеческого духа.

Глава 8. Язык как хранилище космоса. Архаическая лексика в адыгских диалектах.

Когда рушатся каменные крепости, истлевают деревянные храмы и стираются в пыль рисунки на прибрежных скалах, остается один памятник, способный пережить тысячелетия без единой трещины. Этим памятником является родной язык народа. Для исследователя традиционной космологии язык представляет собой не просто средство повседневного общения, а живой, дышащий архив, в котором законсервированы самые древние представления человека о небе, земле, времени и собственной душе. Адыгские языки, представленные адыгейским и кабардино-черкесским литературными вариантами и целым созвездием живых диалектов — шапсугским, бжедугским, абадзехским, темиргоевским, бесленеевским — принадлежат к одной из самых архаичных и загадочных языковых семей Евразии.

В лингвистике абхазо-адыгские языки славятся своей сложнейшей фонетикой, обилием согласных звуков и невероятной прозрачностью древней внутренней формы слов. Если во многих современных языках слова давно превратились в условные ярлыки, первоначальный смысл которых можно раскопать только с помощью толстых этимологических словарей, то в адыгской речи древние образы до сих пор просвечивают сквозь звуковую оболочку. Каждое базовое понятие мироздания здесь представляет собой свернутый миф, короткую формулу, в которой предки зафиксировали свое видение Вселенной.

Взять, к примеру, само слово, обозначающее небо — уафэ. Лингвисты возводят его к древнейшим корням, связанным с понятиями высоты, света, чистоты и воздушного простора. Небо в адыгском языковом сознании не является пустой бездной. Это светлый, высокий купол, противопоставленный темной земной тверди — щIы. Само слово щIы, обозначающее землю, одновременно служит корнем для понятий низа, глубины и основы, на которой держится все сущее. Когда же адыг говорит о мире в целом, о населенной Вселенной и ходе вещей, он произносит слово дуней. Хотя фонетически оно созвучно восточному термину, в адыгском контексте это слово вобрало в себя всю полноту представлений о Среднем мире, о земном бытии, полном света, испытаний и человеческих судеб.

Удивительную поэтичность и космологическую точность хранят названия небесных светил и атмосферных явлений. Солнце по-адыгски звучит как дыгъэ. В этом коротком слове заключен древнейший корень, связанный с теплом, сиянием и днем. Не случайно само слово день — махуэ — в народной речи неразрывно связано со счастьем и благополучием. Знаменитое название горы Эльбрус, Ошхамахо, переводится как Гора счастья или Гора светлого дня. Таким образом, в самой структуре языка свет Солнца, дневное время, горная вершина и человеческое счастье сливаются в единый смысловой узел.

Луна в адыгском языке носит имя мазэ. Примечательно, что этим же словом обозначается календарный месяц. В этом совпадении отразилась древнейшая система измерения времени: для предков адыгов Луна была главными небесными часами, отмерявшими ритм жизни природы, сельскохозяйственных работ и человеческого организма. Если Солнце задавало суточный и годовой ритмы, то Луна делила время на понятные отрезки от новолуния до полнолуния и убывания.

Не менее красноречивы названия звезд и созвездий. Звезда по-адыгски — вагъуэ, а утренняя или вечерняя звезда Венера именуется Вагъуэбэ, что буквально означает главная, великая или обильная звезда. Млечный Путь, перерезающий ночное небо серебристой полосой, получил в адыгском языке образное имя Шыхулъагъуэ — Дорога всадников или Дорога, по которой просыпали солому. В этом названии отразился целый пласт древнего мифа о небесном всаднике или похитителе соломы, убегавшем по ночному небу. В языке народа звездный

купол перестал быть чужим и холодным, превратившись в продолжение привычного земного ландшафта со своими дорогами, всадниками и ориентирами.

Особый интерес для понимания адыгской космологии представляет лексика, связанная с Верховным Творцом и сакральной сферой. Имя верховного бога Тхьэ является одним из самых древних и многозначных слов в языке. От него образован целый ряд ключевых понятий духовной культуры: тхьэлъэIу — молитва, моление или жертвоприношение, тхьэрыIуэ — священная клятва, тхьэмадэ — старейшина, предводитель застолья или обряда. Обратите внимание на последнюю деталь: глава праздничного стола или совета тамада, слово которое позже вошло во многие языки мира, буквально означает божий отец или человек, представляющий волю Творца на земном пиру. В одном этом слове зашифрована вся философия адыгского застолья, где каждый тост и каждое движение подчинены небесному порядку.

Даже обычные слова вежливости и приветствия в адыгских диалектах представляют собой обломки древних космологических заклинаний. Когда два адыга встречаются на дороге, звучит традиционное приветствие, в котором обязательно присутствует пожелание доброго дня, света или помощи Всевышнего. Знаменитое выражение тхьэм уигъэпсэу — пусть Бог даст тебе жизнь или душу — служит повседневной формой благодарности. В самом слове псэ, которое переводится как душа, дыхание и жизнь одновременно, раскрывается архаическое представление о том, что жизненная сила человека напрямую связана с воздухом, ветром и божественным дуновением.

Уникальным явлением адыгской языковой культуры, напрямую вытекающим из космологических представлений о границах миров, является существование тайных, табуированных языков. В старину считалось, что каждое слово обладает магической силой и способно притянуть то, что оно называет. Особенно опасным считалось произносить настоящие имена опасных зверей, болезней, природных стихий или оружия в те моменты, когда человек находился в пограничном пространстве, например, в дремучем лесу, высоко в горах или в темноте ночи.

Так возник знаменитый охотничий язык — щакIуэбзэ. Отправляясь на промысел в лесные владения бога Мезытха, охотник оставлял привычную аульскую речь за порогом дома. В лесу нельзя было назвать медведя, волка, кабана или даже ружье и огонь их обычными именами. Считалось, что духи леса и сами звери понимают человеческую речь и могут либо уйти от охотника, либо наслать на него беду. Поэтому вместо привычных слов использовались иносказания и метафоры. Огонь называли светлым или красным, воду — бегущей, ружье — длинным деревом, а опасного хищника — хозяином чащи или темным. Этот тайный язык помогал человеку соблюдать этикет по отношению к духам природы и не нарушать хрупкое равновесие в лесу.

Схожий пласт табуированной лексики существовал и в семейно-бытовой сфере, особенно в речи замужних женщин. По древним обычаям избегания молодая невестка не имела права произносить вслух имена старших родственников мужа, а также слова, созвучные этим именам. Если свекра звали словом, совпадающим с названием дерева, птицы или бытового предмета, женщина изобретала для этого предмета новое описательное имя. Эта традиция свидетельствует о глубокой вере в то, что имя человека неразрывно спаяно с его душой и судьбой, а неосторожное упоминание имени может нарушить родовую иерархию и ослабить защиту предков.

Не менее богатый материал дают диалектные различия внутри единого адыгского языкового пространства. Шапсугский и натухайский диалекты, бытовавшие на побережье Черного моря, сохранили богатейшую лексику, связанную с морской стихией, ветрами, приливами и покровителями вод. В то же время кабардинский и бесленеевский диалекты, развивавшиеся ближе к высоким вершинам Центрального Кавказа и предгорным степям, отточили тончайшую терминологию, описывающую горный рельеф, небесные явления, коневодство и воин-

скую культуру. Сравнивая эти диалектные пласты, ученые словно складывают объемную карту, на которой отразились все природные зоны Кавказа.

Даже система счета и числительных в адыгском языке несет на себе печать древней космологии. В основе традиционного счета лежит двадцатеричная система, восходящая к счету по пальцам рук и ног человека. В этом проявляется принцип антропоморфизма, согласно которому сам человек, его тело и пропорции выступают главной мерой всех вещей во Вселенной. Числа три, семь, девять и сорок в пословицах, сказках и обрядовых текстах неизменно наделяются сакральным смыслом, обозначая полноту мироздания, этапы пути героя или сроки очищения души.

Изучая архаическую лексику адыгских диалектов, мы убеждаемся, что язык работает как идеальная машина времени. В его звуках, корнях и устойчивых выражениях застыла эпоха, когда человек не отделял себя от космоса. Каждый раз, когда сегодня на Кавказе звучит родная адыгская речь, в ней незримо оживают образы древних звездных дорог, священных гор, лесных духов и единого Творца, напоминающие о том, насколько глубоко и поэтично предки понимали устройство этого мира.

Глава 9. Пространство и время в грамматике. Как адыгский язык структурирует реальность.

Если отдельные слова в языке можно сравнить с кирпичиками, из которых строится здание картины мира, то грамматика представляет собой сам архитектурный чертеж, законы тяготения и геометрию этого здания. Мы редко задумываемся о том, что грамматический строй родного языка незаметно управляет нашим восприятием реальности. Он диктует, на что мы обращаем внимание в первую очередь: на сам предмет или на его движение, на того, кто совершает действие, или на того, над кем оно совершается, на точное место в пространстве или на момент во времени. Адыгские языки обладают грамматической системой, которая поражает лингвистов всего мира своей изощренной точностью в описании пространства и особой философией времени.

Первое, что бросается в глаза при изучении адыгской грамматики, — это феноменальная детализация пространственных отношений. В русском или английском языках для указания на местоположение предмета мы используем сравнительно небольшой набор предлогов: в, на, под, над, перед, за, около, между. Адыгский язык встраивает пространственные координаты прямо в структуру глагола с помощью сложнейшей системы превербов — специальных приставок, которых насчитываются десятки. Благодаря этим превербам один и тот же глагол движения или действия способен с хирургической точностью описать траекторию, точку опоры, направление взгляда и даже форму поверхности, на которой происходит событие.

В адыгском глаголе обязательно фиксируется, происходит ли действие внутри замкнутого пространства, на открытой равнине, на склоне горы, в воде, в огне, среди густой растительности, под поверхностью чего-либо или на самом краю пропасти. Например, невозможно просто сказать положил или вошел, не уточнив при этом геометрию и характер среды. Грамматика требует от говорящего постоянного пространственного осознания: где именно я нахожусь относительно верха и низа, центра и периферии, ущелья и вершины, своего двора и чужой стороны.

Такая грамматическая одержимость пространством имеет прямые космологические корни. Для жителя Кавказа, чья жизнь веками проходила среди крутых горных троп, бурных рек, густых лесов и открытых предгорий, точная ориентация была вопросом физического выживания и сакрального порядка. В традиционной картине мира пространство никогда не было пустым и однородным. Оно обладало рельефом, плотностью и направлением. Важнейшей осью в грамматике выступает противопоставление движения вверх и движения вниз. В горном ландшафте это не просто геометрия: движение вверх всегда связывалось с подъемом к свету, небу, альпийским лугам и истокам рек, тогда как движение вниз вело к долинам, морю и глубинам земли.

Не менее строго адыгская грамматика отслеживает вектор движения относительно самого говорящего или центра обжитого мира. В глагольных формах обязательно присутствует показатель того, направлено ли действие сюда, в сторону человека и его очага, или туда, во внешний мир. Эта грамматическая категория закрепляет базовую космологическую оппозицию своего и чужого пространства. Дом, усадьба, родной аул выступают абсолютной точкой отсчета, центром Вселенной, от которого расходятся все пути и к которому они возвращаются.

Поразительную картину мира раскрывает и система указательных местоимений. В то время как в большинстве европейских языков мы обходимся двумя ступенями удаленности — этот (близко) и тот (далеко), в адыгских языках существует трехступенчатая, а в ряде диалектов и четырехступенчатая система ориентации. Язык четко различает предмет, находящийся рядом с говорящим, предмет, находящийся рядом с собеседником, предмет, удаленный от

обоих, но находящийся в поле зрения, и предмет, скрытый за горизонтом, в невидимом пространстве. Таким образом, сама речь постоянно проводит границу между видимым, проявленным миром и миром сокрытым, недоступным прямому взгляду.

Еще более глубокую философскую загадку таит в себе адыгский глагол и его отношение к действию и субъекту. В лингвистике адыгские языки относятся к так называемым эргативным и полисинтетическим языкам. В отличие от привычных нам языков, где в центре предложения всегда стоит активный деятель в именительном падеже, совершающий действие над пассивным объектом, эргативный строй распределяет акценты иначе. Здесь главным героем высказывания часто становится само событие или объект, претерпевающий изменение, а тот, кто совершает действие, оформляется специальным эргативным падежом как инструмент или проводник этого события.

Кроме того, адыгский глагол способен вбирать в себя показатели сразу нескольких участников ситуации: того, кто действует, того, на кого направлено действие, того, в чьих интересах или во вред кому оно совершается, а также орудие и место действия. Одно длинное глагольное слово в адыгском языке по информационной емкости равно целому распространенному предложению в русском или английском. В этом грамматическом явлении отразилось целостное, холистическое восприятие космоса: в мире нет изолированных поступков и одиноких вещей. Любое событие мыслится как сложный узел взаимосвязей, в котором одновременно участвуют человек, природа, орудие труда и окружающее пространство.

Особого внимания заслуживает категория времени в адыгской грамматике. Для современного человека время представляет собой прямую линию, летящую из прошлого через мгновение настоящего в бесконечное будущее. В традиционном сознании, запечатленном в адыгском языке, время устроено гораздо сложнее. Оно сочетает в себе циклический круговорот природы и четкое разграничение между достоверным прошлым, переживаемым настоящим и вероятным будущим.

В системе прошедших времен адыгский глагол проводит принципиальную границу между тем, что говорящий видел собственными глазами, и тем, о чем он знает понаслышке, из преданий или по косвенным признакам. Грамматика обязывает человека нести ответственность за истинность своих слов. Вы не можете употребить одну и ту же форму глагола для события, свидетелем которого вы были лично, и для события, которое произошло в далеком прошлом или со слов других людей. В этом проявляется этический и космологический закон правды: слово должно точно соответствовать степени достоверности знания, чтобы не вносить путаницу и ложь в картину мироздания.

Даже представление о будущем времени в адыгском языке лишено самоуверенной категоричности. В ряде глагольных форм будущее время тесно переплетается с оттенками желания, намерения, долга или возможности. Традиционный человек понимал, что будущее принадлежит не ему, а воле Верховного Творца Тха и ходу космических циклов. Поэтому говорить о завтрашнем дне как о чем-то уже свершившемся считалось дерзостью, способной навлечь беду.

Удивительно, как в адыгской грамматике связываются воедино пространство и время. Многие слова и частицы, обозначающие временные отрезки, изначально имели чисто пространственное значение. Например, понятие впереди в языке связывается как с тем, что находится перед глазами в пространстве, так и с будущим или, в зависимости от контекста, с тем, что уже прошло перед нами в череде поколений. Время мыслилось не как абстрактная физическая величина, измеряемая стрелками часов, а как живое движение событий сквозь пространство человеческой жизни.

Глава 10. Синкретизм верований. Язычество, христианство и ислам в космологии адыгов.

Духовная история любого древнего народа редко напоминает прямую, гладкую дорогу, проложенную по линейке. Чаще она похожа на могучее дерево, чьи корни уходят в глубокие доисторические пласты почвы, ствол питается соками родной земли, а крона открыта всем ветрам, приносящим пыльцу из далеких стран. Именно так на протяжении тысячелетий складывалась религиозная и космологическая картина мира адыгов. Находясь в самом сердце Кавказа, на стыке Европы и Азии, между причерноморскими античными городами, могущественной Византией и великими державами исламского Востока, Черкесия стала уникальной лабораторией духовного синтеза. Здесь сменяющие друг друга мировые религии не выжигали дотла древний фундамент народного мировоззрения, а вступали с ним в сложный, многовековой диалог, породив редкое по своей гармонии явление религиозного синкретизма.

Фундаментом, на котором держалось все здание адыгской духовной культуры, всегда оставался древний автохтонный монотеизм, неразрывно связанный с почитанием сил природы. В самом центре этого мироздания стоял Единый Верховный Творец, которого адыги именовали Тха или Тхашхо, что переводится как Великий Тха. В отличие от античных олимпийцев, обладавших человеческими страстями, внешностью и подробными биографиями, Тха в адыгском сознании был лишен какого-либо материального образа. У черкесов никогда не существовало каменных или деревянных идолов, изображающих Верховного Бога, не было и закрытых каменных храмов с алтарями и жреческими сословиями. Считалось, что Творец присутствует везде, где светит Солнце и дует ветер, поэтому лучшим храмом для обращения к нему служила сама живая природа, и прежде всего священные рощи вековых дубов, горные вершины и чистые родники.

Однако между безграничным, непостижимым Творцом и повседневными нуждами смертного человека простиралось огромное пространство космоса, наполненное живыми стихиями. Чтобы выстраивать с ними отношения, народное сознание населило мир целым сонмом духов-покровителей, каждый из которых отвечал за свою сферу бытия. Громом и молнией повелевал небесный воин Шибле, кузнечное ремесло и огонь находились под защитой демиурга Тлепша, плодородие полей и домашний очаг оберегал Созереш, владыкой лесов и диких зверей выступал Мезытха, а покровителем скотоводства считался Амыщ. Эти образы не были соперниками Верховного Творца. Они воспринимались как его помощники, проводники его воли, через которых человек мог попросить у неба дождя в засуху, удачи на охоте или исцеления от тяжелого недуга.

Первое столкновение этой стройной природной религии с мировой монотеистической традицией произошло на заре нашей эры, когда на побережье Черного моря начало проникать христианство. Согласно древним церковным преданиям, первые семена новой веры на земли зихов и меотов принесли еще апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит, принявший мученическую смерть в горах Абхазии. Окончательное же утверждение христианства в Черкесии связано с эпохой расцвета Византийской империи, особенно со временем правления императора Юстиниана Первого в шестом веке. На побережье и в предгорьях Кавказа возводились белокаменные храмы, открывались епископские кафедры в Зихии и Алании, а местная княжеская знать принимала крещение, получая византийские титулы и приобщаясь к книжной культуре.

Для адыгского сознания христианство не стало чужой, враждебной силой, требующей отказаться от наследия предков. Вместо жестокого религиозного перелома произошел удивительный процесс взаимного узнавания и слияния образов. Древние покровители стихий и

ремесел обрели новые христианские имена, не утратив при этом своих исконных функций и места в космологии. Так, грозный бог грома и молнии Шибле естественным образом соединился с образом пророка Илии, разъезжающего по небу на огненной колеснице. Покровитель воинов, путников и охотников слился со святым великомучеником Георгием Победоносцем, которого адыги стали именовать Аушиджером. Даже образ Богородицы Девы Марии в народном почитании сблизился с древнейшим культом Великой Матери и покровительницы женского начала и плодородия.

Символом этого мирного союза двух духовных традиций стал адыгский крест, который на протяжении многих веков оставался главной святыней в священных рощах Черкесии. Европейские и русские путешественники семнадцатого и восемнадцатого веков, такие как Дюбуа де Монпере, Тебу де Мариньи и Иоганн Бларамберг, с изумлением описывали этот необычный обряд. В глубине старинной дубовой рощи на самом могучем дереве укреплялся деревянный или железный крест, нередко выполненный в форме буквы Т или равностороннего знака, напоминающего древний солярный символ. Под этим деревом собирались жители окрестных аулов. Старейшины, выступавшие в роли народных священнослужителей, приносили в жертву белого быка или барана, поднимали чаши с ритуальным напитком махсыма и произносили длинные молитвы, обращенные одновременно к Великому Тха, святому Аушиджеру и пророку Илие.

В этом обряде не было ни капли двоедушия или формализма. Для адыга крест на вековом дубе соединял в себе сразу несколько космологических смыслов. Само дерево выступало Мировой осью, уходящей корнями в землю и кроной в небо. Крест на его стволе повторял древнейший солярный знак четырех сторон света и четырех времен года, освященный при этом благодатью христианской традиции. Примечательно, что адыги с глубоким уважением относились к развалинам древних византийских храмов, разбросанных по горам и долинам. Даже в те времена, когда в этих стенах уже не совершались регулярные литургии, люди приходили к старым каменным алтарям, чтобы принести клятву, помолиться о здоровье детей или оставить приношение, считая эти места навечно отмеченными присутствием Всевышнего.

Следующий мощный исторический поворот в духовной жизни Черкесии связан с распространением ислама. Первые знакомства адыгов с мусульманским миром относятся еще к эпохе арабских походов на Кавказ в седьмом и восьмом веках, а также к временам Золотой Орды, когда в городах Северного Кавказа строились мечети и мавзолеи. Однако глубокое и массовое принятие ислама суннитского толка началось позднее, в шестнадцатом и семнадцатом веках, под влиянием Османской империи и Крымского ханства, а окончательно закрепилось в конце восемнадцатого и первой половине девятнадцатого веков, в эпоху тяжелых испытаний Кавказской войны.

Ислам принес в адыгскую космологию строгий, бескомпромиссный монотеизм, ясное представление о линейном времени от сотворения мира до Судного дня, развитую письменную традицию на арабском языке и стройную систему правовых норм шариата. Казалось бы, столь строгая религия должна была окончательно вытеснить все прежние языческие и христианские наслоения. Но адыгская культура вновь проявила свою поразительную способность к органическому синтезу, сохранив внутреннее ядро своей картины мира.

Прежде всего, сам язык помог построить надежный мост между древней космологией и исламом. Имя древнего Верховного Творца Тха без малейшего сопротивления стало прямым адыгским переводом арабского имени Аллах. Молясь в мечети или дома, адыг обращался к Всевышнему тем же самым древним словом Тхьэ, которым его далекие предки называли Создателя Вселенной еще в эпоху дольменов и майкопских курганов. Исламское учение о едином Боге, сотворившем небеса и землю, ангелов и людей, не противоречило адыгскому мировоззрению, а лишь придавало ему новую теологическую глубину и четкость.

Древние же духи стихий и христианские святые в эпоху утверждения ислама не исчезли бесследно из народной памяти, а сменили свой статус. Они перестали восприниматься как

самостоятельные божества, превратившись в эпических персонажей Нартского эпоса, героев народных сказок или добрых духов природы, действующих по попущению Всевышнего. Почитание старших, культ гостеприимства, бережное отношение к природе, запрет на сквернословие и обязательность помощи слабому — все эти столпы древнего кодекса Адыгэ Хабзэ оказались настолько близки нравственным предписаниям ислама, что две системы слились в единый, неразрывный сплав.

Ярким примером такого многослойного синкретизма служил календарный цикл адыгов в девятнадцатом веке. В одном и том же ауле жители строго соблюдали мусульманский пост в священный месяц Рамадан и торжественно отмечали праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам. Но при этом весной, с началом полевых работ, те же самые люди выходили в поле совершать древний обряд первой борозды, обращаясь с благопожеланиями к небу и земле, а во время летней засухи девушки носили по дворам украшенную лопату Хьэнцэгуащэ, распевая старинные песни о дожде и обливая друг друга водой. В случае же, если в кого-то ударяла молния, сохранялся архаический ритуал хоровода и особых песен вокруг пораженного места, уходящий корнями в культ громовержца Шибле.

Даже в похоронном обряде и представлениях о загробной жизни переплелись нити разных эпох. Погребение совершалось по строгим мусульманским канонам: тело омывали, заворачивали в белый саван и хоронили в земле головой на запад, лицом в сторону Мекки. Но в народных песнях и плачах гъыбзэ, сопровождавших проводы усопшего, загробный мир попрежнему именовался древним словом Хьэдрыхэ, а в поминальных традициях сохранялось глубокое убеждение в том, что души предков продолжают незримо наблюдать за своим родом и нуждаются в доброй памяти и угощении бедных.

В адыгском обществе никогда не возникало религиозного фанатизма или нетерпимости на почве смены веры. В одном и том же роду или соседних ущельях могли мирно сосуществовать ветви, придерживавшиеся ислама, сохранявшие элементы православия, как например моздокские кабардинцы, и придерживавшиеся старинных народных обрядов, как шапсуги и абадзехи в горах Причерноморья. Главным критерием оценки человека всегда оставался не внешний обряд, а его верность кодексу Адыгэ Хабзэ — его честь, достоинство, благородство и человечность.

Этот уникальный духовный синтез сделал адыгскую космологию необычайно гибкой и жизнестойкой. Язычество подарило ей живое, трепетное ощущение одухотворенности природы и неразрывной связи человека с землей, горами и звездами. Христианство внесло идею жертвенности, милосердия и освящения страдания. Ислам укрепил строгий монотеизм, дисциплину духа и осознание личной ответственности каждого человека перед Единым Создателем. Сплавившись воедино в горниле кавказской истории, эти три традиции создали ту неповторимую вселенную духа, которая позволила адыгам пройти сквозь самые суровые бури веков и сохранить себя.

Глава 11. Философия Адыгэ Хабзэ. Кодекс чести как отражение космического порядка.

Когда путешественники из Европы, России и Османской империи попадали в адыгские земли в семнадцатом, восемнадцатом или девятнадцатом веках, их неизменно поражал один и тот же парадокс. В Черкесии не существовало ни тюрем, ни постоянной полиции, ни писаных сводов уголовных законов, ни разветвленного чиновничьего аппарата, который следил бы за порядком на дорогах и в селениях. Однако в этом обществе царила поразительная внутренняя дисциплина. Путник мог безопасно пересечь всю страну с запада на восток, не опасаясь за свою жизнь, в каждом доме его встречали как дорогого родственника, а в собраниях десятков тысяч вооруженных мужчин соблюдалась безупречная тишина, стоило только подняться для речи уважаемому старейшине. Секрет этого невидимого, но несокрушимого порядка заключался в системе, которую сами адыги называли Адыгэ Хабзэ.

В современной публицистике словосочетание Адыгэ Хабзэ часто переводят упрощенно, называя его адыгским этикетом или сводом правил хорошего тона. Но такое определение охватывает лишь самую верхнюю, видимую поверхность явлений. Этикет в европейском понимании регулирует внешние приличия: как держать столовые приборы, кому первому подать руку при встрече или как вести светскую беседу в салоне. Адыгэ Хабзэ уходит своими корнями неизмеримо глубже. В его основе лежит целостная космологическая философия, согласно которой человеческое общество является прямой проекцией Вселенной, а каждый поступок человека либо укрепляет космическую гармонию, либо открывает дорогу разрушительному хаосу.

Само слово хабзэ в адыгском языке обладает колоссальной смысловой емкостью. Оно означает одновременно закон, обычай, порядок, правило, устройство мира и даже естественный ход природных явлений. Смена дня и ночи, движение Солнца и Луны по небосводу, приход весны, течение рек с гор к морю — все это в традиционном сознании подчиняется великому космическому хабзэ, установленному Верховным Творцом Тха при сотворении мира. Соответственно, Адыгэ Хабзэ представляет собой земное продолжение этого вселенского закона, адаптированное для человеческого общежития. Нарушить правила хабзэ в глазах древнего адыга означало не просто проявить невоспитанность перед соседями, а совершить преступление против самой природы вещей, внести разлад в стройную музыку небесных сфер.

Центральным стержнем этой философской системы выступает понятие адыгагъэ, которое можно перевести как адыгство или человечность высшего порядка. Адыгагъэ не передается автоматически по крови или по праву рождения в знатном роду. Это качество, которое человек обязан ежедневно подтверждать своими делами, мыслями и отношением к окружающему миру. В структуру адыгагъэ входят пять неразрывно связанных добродетелей: человеколюбие, почтительность, разумность, мужество и честь. Если хотя бы одна из этих опор давала трещину, рушилось все здание личности, и человек терял право называться полноценным членом общества.

Поразительно, насколько тесно нормы повседневного поведения в Адыгэ Хабзэ переплетены с пространственной и временной архитектурой космоса. Вспомним, что традиционная картина мира делит пространство на правое и левое, верхнее и нижнее, почетное и обыденное. Эти же координаты жестко управляют поведением людей в любой жизненной ситуации. Когда двое путников идут по дороге или едут верхом, младший по возрасту всегда занимает место слева от старшего. Почему именно слева? Потому что правая сторона в космологии связывалась с Солнцем, жизненной силой, старшинством и божественным благословением. Занимая левую сторону, младший не только уступал старшему более удобное и почетное положение,

но и символической геометрией своего тела защищал его, оставляя правую руку старшего свободной для приветствия или защиты.

Точно так же космическая геометрия управляла расположением людей в помещении, особенно в кунацкой, где принимали гостей, или на праздничном пиру. Самое почетное место в доме всегда находилось в глубине комнаты, напротив входа, ближе к домашнему очагу или к свету окна, откуда открывался обзор на весь мир. Это место предназначалось для самого старшего по возрасту или наиболее уважаемого гостя. По мере удаления от этого сакрального центра к порогу располагались остальные участники собрания в строгом соответствии с их возрастом и заслугами. Таким образом, рассадка людей за столом превращалась в живую модель иерархии мироздания, где каждый знал свое место, не унижая других и не превознося себя сверх меры.

Особое место в философии Адыгэ Хабзэ занимает отношение к слову. В космологии адыгов слово никогда не считалось пустым сотрясением воздуха. Оно воспринималось как материальная, созидательная или разрушительная сила, напрямую связанная с дыханием жизни псэ. Творец создал мир своей мыслью и волей, а человек уподобляется Творцу, когда произносит правдивое, взвешенное и доброе слово. Отсюда вытекает знаменитая адыгская сдержанность в речи. Многословие, пустая болтовня, хвастовство и тем более сквернословие осуждались самым суровым образом. Считалось, что бранное или злое слово загрязняет воздушное пространство между небом и землей и способно навлечь беду на того, кто его произнес. И наоборот, данное человеком слово обладало силой нерушимого космического договора. Адыг мог пожертвовать состоянием и самой жизнью, но не мог нарушить обещание, скрепленное честным словом, ибо ложь вносила хаос в саму ткань бытия.

Не менее глубокий космический смысл заключен в культе старших и почитании женщины. В традиционной картине мира время течет от истоков к современности, и каждый прожитый год приближает человека к мудрости предков и к порогу вечности. Поэтому старый человек в адыгском обществе воспринимался как живой мост между Средним миром живых и миром великих предков. Встать при появлении старшего, уступить ему дорогу, не перебивать его речь и прислушаться к его совету означало выразить почтение самому времени и опыту поколений.

Отношение к женщине в Адыгэ Хабзэ также уходит корнями в архаические представления о Великой Матери, прародительнице жизни и хранительнице очага, ярчайшим воплощением которой в эпосе выступает мудрая Сатаней. Женщина в адыгском космосе олицетворяла созидательную, животворящую силу природы. Ее присутствие в любом месте мгновенно превращало пространство в территорию мира. Самый ожесточенный поединок двух воинов немедленно прекращался, если между ними появлялась женщина или даже падал снятый ею с головы платок. Обидеть женщину, произнести в ее присутствии грубое слово или не встать, когда она проходит мимо, считалось тяжелейшим позором, пятнающим не только самого провинившегося, но и весь его род.

Венцом социальной космологии Адыгэ Хабзэ выступает закон гостеприимства. В мире, где человек постоянно сталкивался с суровыми силами природы и внешними угрозами, путник на дороге оказывался в пограничном состоянии, оторванным от своего родного очага и защиты своего рода. Принимая гостя в свой дом, хозяин брал на себя роль земного наместника Верховного Творца. Не случайно древняя адыгская пословица гласит, что гость является посланником Бога. В течение трех дней и ночей хозяин не имел права даже спрашивать путника о его имени, происхождении и цели поездки, чтобы не стеснить его и не поставить в неловкое положение, если гость окажется кровным врагом. Ради защиты гостя хозяин обязан был встать с оружием в руках даже против собственных сородичей. В этом обычае проявилась высшая победа космического порядка над слепой местью и враждой: под крышей дома закон неба оказывался выше любых земных распрей.

Внутренним регулятором, который заставлял человека неукоснительно следовать требованиям Адыгэ Хабзэ без всякого внешнего принуждения, выступало чувство стыда — укIытэ. В адыгской психологии укIытэ не имеет ничего общего с трусостью или болезненной застенчивостью. Это тончайший нравственный камертон, способность души остро чувствовать любую фальшь, несправедливость или нарушение гармонии. Про человека, способного на подлость или жестокость, говорили, что у него нет укIытэ, то есть он выпал из человеческого и космического строя. Страх потерять доброе имя, опозорить свой род и оказаться в нравственной изоляции действовал сильнее любых казематов и телесных наказаний.

Примечательно, что Адыгэ Хабзэ не было застывшей, мертвой догмой. В самом кодексе был заложен механизм самообновления, выраженный в известной народной мудрости о том, что каждое поколение вправе очищать хабзэ от устаревшего, сохраняя его вечную суть. Эта гибкость позволила древнему этическому кодексу пережить смену религиозных эпох, трагедию Кавказской войны, изгнание и бурные перемены двадцатого века.

Завершая первую часть нашего исследования, посвящённую истокам, языку, археологии и духовным основам адыгской картины мира, мы видим перед собой удивительно цельное полотно. Археологические памятники бронзового века, наскальные петроглифы, грамматика древнего языка, многослойный синтез верований и строгая философия Адыгэ Хабзэ сходятся в одной точке. Они показывают, что для адыгов Вселенная никогда не была случайным скоплением холодной материи. Это был единый, одухотворенный дом, построенный по законам красоты, меры и справедливости. Теперь, когда мы овладели ключами к пониманию этого мира, настало время открыть главную дверь и заглянуть в самое начало времен — туда, где из первозданной пустоты по воле Творца рождались Небо, Земля, свет и сама жизнь.

В древней космологии адыгов период до начала времен представлялся не пустом пространством, а живой, пугающей бездной — изначальным Хаосом. Это состояние описывалось в фольклоре и нартских сказаниях через образы непроглядной тьмы и безбрежного Первозданного Океана, где все стихии и будущие формы были слиты воедино в состоянии бесформенного брожения. Мир в ту эпоху пребывал без света, времени и меры, напоминая донаучные интуиции о квантовом вакууме. Понимание того, что Вселенная родилась из этой темной пустоты, учило предков хрупкости бытия и необходимости поддерживать порядок через нравственный закон Адыгэ Хабзэ.

Глава 12. Изначальный Хаос и Пустота. Что было до начала времен.

Когда современный человек пытается вообразить себе время, предшествовавшее появлению Земли, Солнца и звезд, его мысль неизбежно упирается в предел, за которым привычные законы физики перестают работать. Астрофизики говорят о сингулярности и Большом взрыве, но человеческое воображение по-прежнему стремится нарисовать картину того загадочного ничто, из которого когда-то проросло все сущее. За тысячи лет до появления телескопов и математических уравнений над этой же великой тайной размышляли древние сказители и мудрецы Кавказа. В традиционной космологии адыгов период до начала времен не воспринимался как стерильная, пустая комната, ожидающая мебели. Это было особое, напряженное состояние бытия, исполненное грозной мощи и нераскрытых возможностей.

В древних преданиях, обрывках заклинаний и зачинах Нартского эпоса эпоха до творения мира описывается через два взаимосвязанных образа: непроглядную первозданную тьму и безбрежный, нерасчлененный Первозданный Океан. В ту пору, о которой не осталось ни свидетелей, ни песен, не существовало ни верхнего небесного свода, ни твердой земли под ногами. Не было ни дня, ни ночи, ни сторон света, ни имен вещей. Все будущие стихии, из которых позднее сложится обжитой мир, пребывали в состоянии бесформенного, слитного брожения. Огонь не обжигал, вода не текла по руслам, камень не обладал твердостью, а воздух не шевелил листву, потому что не существовало ни листвы, ни деревьев, ни самой границы между верхом и низом.

Это состояние первобытной нерасчлененности в науке принято называть изначальным Хаосом. Однако в адыгском мифопоэтическом сознании Хаос не был абсолютным нулем или мертвой пустотой. Напротив, он напоминал густой, темный туман или бездонную пучину, в глубинах которой дремали семена всех будущих форм жизни. В языке это древнее представление отразилось в словах, обозначающих мрак, бездну, туманную мглу и отсутствие меры. Древние предки адыгов интуитивно чувствовали, что пустота до начала времен была беременна Вселенной, подобно тому как темная земля весной хранит в себе невидимое зерно до тех пор, пока его не разбудит первый луч Солнца.

Главной особенностью докосмической эпохи было полное отсутствие времени. Время в традиционной картине мира не течет само по себе в пустоте. Оно рождается только тогда, когда в пространстве появляются движение, ритм и мера — когда Солнце впервые поднимается на востоке и опускается на западе, когда Луна начинает менять свой лик от тонкого серпа до полного круга, когда весна сменяет зиму. До акта творения царила неподвижная вечность, в которой невозможно было отмерить ни мгновения, ни века. В адыгских сказках и эпических зачинах это состояние передается формулой о временах, когда еще не было ни земли, ни неба, а мир только готовился обрести свое лицо.

В этой изначальной бездне таилась постоянная угроза. Для архаического сознания Хаос был не просто воспоминанием о далеком прошлом, а стихией, продолжающей окружать упорядоченный мир со всех сторон. Космос, созданный трудом и волей Творца, представлялся древнему человеку светлым, уютным островом посреди темного, бушующего океана неопределенности. Стоило людям забыть законы чести, нарушить древние запреты или погрязнуть в бессмысленной вражде, как границы мира начинали истончаться, и темные воды первозданного Хаоса грозили вновь затопить землю, вернув ее в состояние мрака и бесформенности.

Удивительным образом эти древние интуиции перекликаются с современными научными представлениями о происхождении Вселенной. Когда физики описывают квантовый вакуум, из флуктуаций которого родилась наша Метагалактика, они говорят о состоянии, где

нет привычного пространства и времени, но кипит колоссальная скрытая энергия. Древний житель Кавказа не знал термина квантовый вакуум, но, вглядываясь в бездонную черноту ночного горного неба или в густой туман, поднимающийся из глубоких ущелий, он безошибочно угадывал ту же самую истину: порядок всегда рождается из бездны, свет пробивается сквозь тьму, а гармония мира требует непрерывного усилия для своего поддержания.

Именно поэтому в адыгской традиции начало любого важного дела — будь то постройка нового дома, выход в дальнюю дорогу, начало пахоты или открытие народного собрания — всегда сопровождалось молитвенным обращением к свету и порядку. Произнося благопожелание или зажигая огонь в новом очаге, человек каждый раз символически повторял первый акт творения, отделяя свет от тьмы и утверждая победу космоса над изначальной пустотой. Но чтобы из этой темной, бесформенной бездны возникли сверкающие вершины Кавказа, синее море и бескрайний звездный купол, требовалась высшая созидательная сила, обладающая разумом, волей и безграничной мощью. В центре этого великого перехода от ничто ко всему стоял Единый Творец.

Глава 13. Тха — Единый Творец. Воля, мысль и сроки творения мира.

Над безбрежным мраком первозданного океана, где еще не было ни звука, ни ветра, ни различия между верхом и низом, парила невидимая, всеобъемлющая сила. В древнейшей космологии адыгов эта первопричина всего сущего, архитектор и владыка мироздания носит имя Тха, или в возвышенной торжественной форме — Тхашхо, что означает Великий Тха. В отличие от мифологий многих древних народов Средиземноморья и Ближнего Востока, где мир рождался из кровавых битв титанов, расчленения первобытных чудовищ или случайных столкновений стихий, в адыгской традиции Вселенная возникла как плод осознанной воли, светлой мысли и созидательного слова Единого Творца.

Удивительной особенностью древнейшего адыгского мировоззрения является его изначальный, глубинный монотеизм. Задолго до того, как на Кавказ пришли проповедники христианства и ислама, предки адыгов уже обладали ясным представлением о Едином Небесном Боге, стоящем неизмеримо выше всех духов природы и покровителей ремесел. Этнографы и путешественники, посещавшие Черкесию в семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках, неизменно поражались тому, что у черкесов полностью отсутствовали идолы, статуи или какие-либо рукотворные изображения Верховного Бога. Считалось, что Тха невозможно заключить в камень, дерево или металл, потому что он не имеет телесной оболочки, не подвержен старению, не нуждается в пище или жилище и присутствует одновременно в каждой точке космоса.

В народных молитвах, здравицах и древних сказаниях Тха наделяется эпитетами, раскрывающими его космическую природу. Его называют Творцом неба и земли, Дарующим свет, Видящим все сокрытое и Тем, чья воля не знает преград. В самом звучании слова Тхьэ лингвисты усматривают древнейшие корни, связанные со светом, сиянием, дыханием жизни и небесной высотой. Когда в бескрайней пустоте Хаоса зародилась первая мысль Творца, она пронзила мрак подобно ослепительной молнии или первому лучу рассвета. Творение мира в адыгской космологии началось именно с внутреннего импульса разума, с намерения превратить бесформенную бездну в стройный, прекрасный и справедливый дом для живых существ.

Орудием творения в руках Тха выступили его слово и его дыхание. В мифопоэтическом сознании адыгов слово и мысль нераздельны: то, что задумано Великим Творцом и произнесено им, немедленно обретает плоть, форму и закон существования. Именно из этого архаического представления выросло глубочайшее благоговение адыгов перед сказанным словом и клятвой. Когда человек произносит имя Творца в клятве тхьэрыІуэ, он призывает в свидетели ту самую созидательную силу, которая некогда вызвала Вселенную из небытия. Нарушить такую клятву означало восстать против самого фундамента мироздания.

Вопрос о том, сколько времени длилось сотворение мира, в традиционной картине мира решался не через сухой календарный подсчет земных суток, а через сакральную символику чисел. До появления Солнца и Луны привычных нам дней и ночей попросту не существовало, поэтому время творения измерялось космическими циклами самого Творца. В адыгском фольклоре, заговорах и эпических текстах особой магической полнотой обладают числа три, семь и девять. Семь шагов творения, семь небесных ярусов, семь земельных пластов — эти образы отражают представление о том, что Вселенная создавалась последовательно, ступень за ступенью, от тонкого и светоносного к плотному и материальному. Сначала Тха отделил свет от изначального мрака, затем утвердил высокий небесный свод, разделил воды, поднял из пучины земную твердь, населил мир растениями, животными и, наконец, создал человека как венец своего замысла.

После прихода на Кавказ монотеистических религий — сначала византийского христианства, а затем ислама — представление о семи днях творения и о том, что один день у Всевышнего равен тысяче земных лет, органично наложилось на древнюю числовую символику адыгов. В народных преданиях девятнадцатого века рассказывалось, что Тха сотворил мир за шесть или семь великих космических периодов, вложив в каждую стихию свой особый закон поведения — хабзэ. Именно в момент творения каждый элемент Вселенной получил свое предназначение: Солнцу было велено светить и согревать землю, Луне — отмерять месяцы и освещать ночь, рекам — нести чистую воду с гор к морю, а деревьям — тянуться кронами к небу.

Примечательно, что сотворив Вселенную, Тха не удалился на покой и не оставил мир на произвол слепого случая. В адыгской космологии Творец выступает не только как Создатель, но и как вечный Хранитель космического равновесия. Он не вмешивается в каждую мелочь повседневной суеты, предоставляя людям свободу выбора и ответственность за свои поступки, но его незримый взгляд постоянно направлен на землю. В народной речи сохранилось множество выражений, отражающих эту веру: все в руках Тха, Тха видит, куда ступает нога человека, без воли Тха даже лист не упадет с дерева. При этом обращение к Творцу в традиционной культуре никогда не было проникнуто рабским страхом. Адыг разговаривал с Тха с глубоким почтением, но и с чувством собственного достоинства, как сын обращается к мудрому и справедливому отцу, зная, что главным даром Создателя человеку являются разум, свободная воля и чувство чести.

Вся дальнейшая история мироздания в адыгских мифах разворачивается как исполнение этого первоначального замысла Творца. Утвердив порядок в бескрайней пустоте, Тха приступил к великому разделению стихий, отделив сияющую высоту небес от плотной земной тверди и наполнив пространство между ними невидимым, животворящим дыханием.

Глава 14. Рождение Неба, Земли и невидимого Воздуха. Почему мифы молчат о дыхании мира.

Когда воля Единого Творца Тха рассекла первозданную мглу и пробудила дремлющие в бездне стихии, начался великий процесс упорядочивания мироздания. В древнейшей космологии адыгов рождение видимого мира мыслилось не как мгновенный взрыв, а как грандиозное разделение и возведение архитектурного здания космоса. Из единой, плотной и темной массы, где все было смешано со всем, по слову Создателя начали выделяться три фундаментальные сферы: сияющий верхний купол Неба, тяжелая и плодородная твердь Земли и невидимое, всепроникающее пространство Воздуха между ними.

В адыгской мифопоэтической традиции Небо и Земля с самого момента своего появления выступают как главная космическая пара, великий союз мужского и женского начал. Небо, именуемое уафэ, воплощает свет, высоту, активность, оплодотворяющую силу дождя и солнечного луча. Земля, носящая имя щIы, представляет собой материнское лоно, тишину, устойчивость, способность принимать семя и взращивать всякую жизнь. В архаических преданиях, отголоски которых сохранились в заговорах и пословицах, говорится, что в самом начале времен Небо и Земля находились так близко друг к другу, что практически сливались воедино. Между ними не оставалось места ни для роста высоких деревьев, ни для полета птиц, ни для свободного шага человека.

Чтобы жизнь могла расправить плечи, Творец поднял небесный свод высоко вверх, утвердив его на незримых опорах по краям света и в центре мироздания, где вершиной упиралась в облака священная гора Ошхамахо. Так образовался грандиозный свод — купол, под которым раскинулся обжитой Средний мир. Небо в представлении древних адыгов не было пустотой. Оно представлялось многослойным, плотным и прочным покровом, состоящим из семи или девяти ярусов, на каждом из которых обитали небесные светила, духи ветров, громовержец Шибле и сам Верховный Творец. В народных загадках и поэтических сравнениях небосвод часто уподоблялся гигантскому синему шатру, растянутому над землей, или огромной опрокинутой чаше, усеянной сверкающими искрами звезд.

Земля же, отделившись от Неба и поднявшись из глубин Первозданного Океана, обрела свою твердость, рельеф и внутреннюю глубину. По велению Тха на ее поверхности вздыбились горные хребты, легли широкие равнины, прорезались глубокие ущелья и русла будущих рек. В адыгском сознании Земля никогда не была мертвым камнем или бездушной почвой. Ее называли Матерью-Землей, чувствующей каждый шаг человека, слышащей его молитвы и скорбящей, когда ее орошают невинной кровью. Именно из уважения к этой живой материнской сущности земли адыги веками сохраняли строгие запреты: нельзя было без нужды бить землю палкой, плевать на нее или осквернять ее нечистотами, чтобы не навлечь на себя гнев мироздания.

Однако, вглядываясь в древние космогонические мифы адыгов, как и в предания многих других народов мира, внимательный исследователь сталкивается с поразительной загадкой. В легендах подробно рассказывается о том, как Тха отделил свет от тьмы, как поднял Небо, как вылепил из глины человека, как создал Солнце, Луну, зверей и растения. Но в этих мифах почти никогда не говорится о том, как был создан Воздух. Почему древние сказители словно забыли упомянуть о сотворении самой главной стихии, без которой ни одно живое существо не способно прожить и нескольких минут?

Ответ на этот вопрос кроется в самой природе мифопоэтического мышления и в уникальных свойствах воздушной среды. Для древнего человека реальным и сотворенным считалось только то, что имело зримую форму, цвет, вес, границу или звук. Землю можно было

потрогать руками, воду — зачерпнуть в ладони, огонь — увидеть в очаге, звезды и Солнце — наблюдать на небосводе. Воздух же был абсолютно прозрачен, невидим, не имел ни вкуса, ни цвета, ни твердых очертаний. Он не воспринимался как отдельный предмет или стихия, нуждающаяся в специальном акте лепки или строительства.

В традиционной космологии адыгов воздух мыслился не как вещество, а как само пространство жизни, которое возникло автоматически в тот самый миг, когда Творец раздвинул Небо и Землю. Как только верхний свод оторвался от земной тверди, образовавшийся между ними просвет немедленно наполнился светом и дыханием Творца. В адыгском языке эта неразрывная связь воздуха, пространства и жизни запечатлена с поразительной ясностью. Слово жьы обозначает одновременно воздух, ветер и дыхание, а слово псэ переводится как душа, жизнь и живое дыхание. Таким образом, для древнего жителя Кавказа воздух не был чем-то внешним, созданным отдельно от живых существ. Это было само божественное дуновение Тха, растворенное в мире, та невидимая субстанция, которая связывала в единый организм Небо, Землю, растения, зверей и человека.

Когда человек делал первый вдох при рождении, он вбирал в себя частицу этого вселенского дыхания, обретая душу псэ. Когда же наступал смертный час, последний выдох возвращал это дыхание обратно в воздушный океан мироздания. Именно поэтому мифы молчат о сотворении воздуха как отдельного объекта: воздух для адыгской космологии был первичнее вещей, он являлся самой средой бытия, невидимым мостом, по которому поднимались к небу дым жертвенных костров, звуки молитв, песни сказителей и благопожелания старших.

Помимо своей невидимой, всепроникающей природы, воздух обладал еще одним свойством, делавшим его неуловимым для простых космогонических схем: он мог пребывать в двух совершенно разных состояниях. В состоянии покоя воздух сливался с пустотой, становясь незаметным и неощутимым. Но стоило ему прийти в движение, как он обретал голос, силу и характер, превращаясь в ветер, бурю или грозовой вихрь. В этот момент невидимое пространство обретало плоть, гнуло вековые дубы, гнало по небу тяжелые тучи и поднимало высокие волны на море.

В адыгской картине мира пространство между Небом и Землей, заполненное воздухом, воспринималось как важнейшая контактная зона космоса. Именно здесь встречались и взаимодействовали противоположные стихии: солнечный жар и прохлада горных ледников, восходящие испарения рек и нисходящие потоки дождя, молитвы людей и знамения небес. Воздух служил проводником всякой энергии и всякого слова. Не случайно в традиционной культуре существовало строгое убеждение, что произнесенное вслух слово не исчезает бесследно, а продолжает жить в воздушной среде, способное либо очищать и исцелять пространство вокруг человека, либо загрязнять его, если речь наполнена злобой и сквернословием.

Даже высота горных вершин Кавказа осмыслялась через качество воздушной стихии. Чем выше поднимался человек в горы, тем прозрачнее, чище и прохладнее становился воздух, тем ближе он подходил к границам Верхнего мира. Альпийские луга и снежные вершины считались местом, где дыхание Творца ощущается наиболее остро, где исчезает тяжесть земной суеты и ум человека обретает ясность. И напротив, затхлый, неподвижный воздух глубоких пещер или болотистых низин связывался с близостью Нижнего мира, царства теней и болезней.

Так отсутствие мифа о сотворении воздуха оказывается не пробелом в народной памяти, а высшим проявлением космологической мудрости. Невозможно отдельно сотворить то, что является самой жизнью и присутствием Создателя. Разделив Небо и Землю, Тха открыл пространство для дыхания Вселенной, и с того самого первого вздоха мир ожил, наполнился движением, звуками и светом, готовясь принять в свои объятия великую водную стихию, которой предстояло омыть земную твердь и дать начало всему живому.

Когда в первом акте творения Тха раздвинул сомкнутые прежде Небо и Землю, между ними открылся бескрайний прозрачный простор, наполненный светлым дыханием жизни.

Однако сама поверхность новорожденной Земли оставалась еще бесплодной, сухой и безмолвной, пока на сцену мироздания не вышла великая водная стихия. В древнейшей космологии адыгов вода занимает совершенно особое место. Она воспринимается не просто как одна из природных стихий наряду с огнем, землей и воздухом, но как первичная колыбель всего живого, материнское лоно природы и таинственная граница, разделяющая миры.

В архаических преданиях и обрядовых песнях Кавказа рассказывается, что на заре времен, еще до того, как твердая суша обрела привычные очертания гор и долин, всю поверхность планеты покрывал безбрежный, темный и безмолвный Первозданный Океан. В адыгском языке для обозначения великих водных пространств существует древнее слово хы, которым называют и открытое море, и мифическую водную бездну, окружающую обитаемую землю. Согласно древним представлениям, суша не покоится в пустоте сама по себе. Она подобна гигантскому острову или плоскому кругу, плавающему на поверхности мировых вод, а ее глубочайшие корни уходят в подземные моря, скрытые под толщей камня и почвы.

Происхождение земных вод в традиционной картине мира связывалось с двойным источником. С одной стороны, существовали нижние, земные воды — глубокие моря, подземные озера и холодные родники, бьющие из скал. С другой стороны, существовали верхние, небесные воды, сокрытые за синим куполом небосвода. В мифопоэтическом сознании древних адыгов небо не зря уподоблялось опрокинутой чаше или огромному морю, подвешенному над землей. Когда по воле Творца или громовержца Шибле в небесном своде открывались невидимые врата, верхние воды проливались на землю живительным дождем, оплодотворяя почву и соединяя небо с землей в едином круговороте жизни.

Особую загадку для древних наблюдателей природы всегда представляло разительное отличие морской воды от воды рек, горных ручьев и озер. Выходя на берег Черного или Азовского моря, адыгский путник видел бескрайнюю водную гладь, которая при всей своей мощи не могла утолить жажду ни человека, ни коня. Почему в океане и море вода горько-соленая, а в горных источниках и реках — сладкая, чистая и пресная? В адыгской народной традиции ответ на этот вопрос объяснялся через космологическое разделение водной стихии на первозданную, нетронутую и очищенную, земную.

Считалось, что воды Первозданного Океана изначально впитали в себя всю горечь, тяжесть и первобытную силу изначального Хаоса, из которого родился мир. Море и океан оставались частью древней, неукротимой стихии, не подчиняющейся человеку и хранящей в своих глубинах тайны сотворения мира. Кроме того, в народных преданиях соль моря связывалась с бесконечным трудом земли, с тем, что все реки мира веками сносят в морскую пучину смытую с суши силу и тяжесть земных недр, которые накапливаются там и делают воду тяжелой и соленой. Напротив, вода, поднимающаяся из моря в виде легкого пара к Солнцу, очищалась небесным огнем и ветром, теряя свою горечь. Проливаясь на вершины гор в виде чистого снега и дождя, она проходила сквозь каменные фильтры горных хребтов и рождалась заново в виде сладких, целебных родников.

В традиционной культуре адыгов соль сама по себе обладала двойственным и глубоко сакральным значением. С одной стороны, соленая морская вода считалась непригодной для питья и опасной для посевов, но с другой — чистая каменная или морская соль воспринималась как мощнейший оберег, символ постоянства, верности и защиты от темных сил. Соль не портится и не гниет, поэтому ее соотносили с вечностью и нерушимостью космического закона. Пресная же вода горных источников и быстрых рек почиталась как живая кровь Земли, носительница жизненной силы псэ, способная смывать любую скверну и возвращать здоровье.

В адыгской мифологии водная стихия не была безличной. У каждого крупного водного пространства существовал свой духовный владыка и покровитель. Хозяйкой рек, озер и целебных источников выступала прекрасная Псыхогуаща — Владычица вод, которую представляли в образе величественной женщины с длинными волосами, обитающей в хрустальных чертогах

на дне глубоких омутов. Море же находилось под властью грозного духа Кодеса, требовавшего от мореплавателей и прибрежных жителей строгого соблюдения запретов, чистоты помыслов и принесения даров перед выходом в плавание.

Отношение адыгов к воде регулировалось целым сводом неписаных экологических и этических законов, входивших в систему Адыгэ Хабзэ. Категорически запрещалось бросать мусор в реку или родник, загрязнять берега источников, плевать в воду или переходить реку вброд в неподобающем виде. Считалось, что оскорбленная вода может уйти под землю, оставив целый край без влаги, или наслать на виновника тяжелую болезнь. У истоков чистых горных родников нередко устраивались места для молений и отдыха путников, где каждый прохожий мог напиться свежей воды, поблагодарив Творца и покровителей водной стихии за этот бесценный дар.

Таким образом, Первозданный Океан и рожденные им пресные воды Земли образовали в адыгской космологии единую кровеносную систему мироздания. Соленое море хранило память о начале времен и величии неукротимой природы, а сладкие горные реки несли жизнь в долины, связывая заснеженные вершины с морскими просторами. Но чтобы эта живая вода могла течь, а мир обрел устойчивость, самой Земле требовалась четкая форма, надежная опора и внутреннее устройство, способное выдержать тяжесть гор, морей и человеческих судеб.

Глава 15. Первозданный Океан. Происхождение вод, тайна соли и пресных источников.

Когда в первом акте творения Тха раздвинул сомкнутые прежде Небо и Землю, между ними открылся бескрайний прозрачный простор, наполненный светлым дыханием жизни. Однако сама поверхность новорожденной Земли оставалась еще бесплодной, сухой и безмолвной, пока на сцену мироздания не вышла великая водная стихия. В древнейшей космологии адыгов вода занимает совершенно особое место. Она воспринимается не просто как одна из природных стихий наряду с огнем, землей и воздухом, но как первичная колыбель всего живого, материнское лоно природы и таинственная граница, разделяющая миры.

В архаических преданиях и обрядовых песнях Кавказа рассказывается, что на заре времен, еще до того, как твердая суша обрела привычные очертания гор и долин, всю поверхность планеты покрывал безбрежный, темный и безмолвный Первозданный Океан. В адыгском языке для обозначения великих водных пространств существует древнее слово хы, которым называют и открытое море, и мифическую водную бездну, окружающую обитаемую землю. Согласно древним представлениям, суша не покоится в пустоте сама по себе. Она подобна гигантскому острову или плоскому кругу, плавающему на поверхности мировых вод, а ее глубочайшие корни уходят в подземные моря, скрытые под толщей камня и почвы.

Происхождение земных вод в традиционной картине мира связывалось с двойным источником. С одной стороны, существовали нижние, земные воды — глубокие моря, подземные озера и холодные родники, бьющие из скал. С другой стороны, существовали верхние, небесные воды, сокрытые за синим куполом небосвода. В мифопоэтическом сознании древних адыгов небо не зря уподоблялось опрокинутой чаше или огромному морю, подвешенному над землей. Когда по воле Творца или громовержца Шибле в небесном своде открывались невидимые врата, верхние воды проливались на землю живительным дождем, оплодотворяя почву и соединяя небо с землей в едином круговороте жизни.

Особую загадку для древних наблюдателей природы всегда представляло разительное отличие морской воды от воды рек, горных ручьев и озер. Выходя на берег Черного или Азовского моря, адыгский путник видел бескрайнюю водную гладь, которая при всей своей мощи не могла утолить жажду ни человека, ни коня. Почему в океане и море вода горько-соленая, а в горных источниках и реках — сладкая, чистая и пресная? В адыгской народной традиции ответ на этот вопрос объяснялся через космологическое разделение водной стихии на первозданную, нетронутую и очищенную, земную.

Считалось, что воды Первозданного Океана изначально впитали в себя всю горечь, тяжесть и первобытную силу изначального Хаоса, из которого родился мир. Море и океан оставались частью древней, неукротимой стихии, не подчиняющейся человеку и хранящей в своих глубинах тайны сотворения мира. Кроме того, в народных преданиях соль моря связывалась с бесконечным трудом земли, с тем, что все реки мира веками сносят в морскую пучину смытую с суши силу и тяжесть земных недр, которые накапливаются там и делают воду тяжелой и соленой. Напротив, вода, поднимающаяся из моря в виде легкого пара к Солнцу, очищалась небесным огнем и ветром, теряя свою горечь. Проливаясь на вершины гор в виде чистого снега и дождя, она проходила сквозь каменные фильтры горных хребтов и рождалась заново в виде сладких, целебных родников.

В традиционной культуре адыгов соль сама по себе обладала двойственным и глубоко сакральным значением. С одной стороны, соленая морская вода считалась непригодной для питья и опасной для посевов, но с другой — чистая каменная или морская соль воспринималась как мощнейший оберег, символ постоянства, верности и защиты от темных сил. Соль

не портится и не гниет, поэтому ее соотносили с вечностью и нерушимостью космического закона. Пресная же вода горных источников и быстрых рек почиталась как живая кровь Земли, носительница жизненной силы псэ, способная смывать любую скверну и возвращать здоровье.

В адыгской мифологии водная стихия не была безличной. У каждого крупного водного пространства существовал свой духовный владыка и покровитель. Хозяйкой рек, озер и целебных источников выступала прекрасная Псыхогуаща — Владычица вод, которую представляли в образе величественной женщины с длинными волосами, обитающей в хрустальных чертогах на дне глубоких омутов. Море же находилось под властью грозного духа Кодеса, требовавшего от мореплавателей и прибрежных жителей строгого соблюдения запретов, чистоты помыслов и принесения даров перед выходом в плавание.

Отношение адыгов к воде регулировалось целым сводом неписаных экологических и этических законов, входивших в систему Адыгэ Хабзэ. Категорически запрещалось бросать мусор в реку или родник, загрязнять берега источников, плевать в воду или переходить реку вброд в неподобающем виде. Считалось, что оскорбленная вода может уйти под землю, оставив целый край без влаги, или наслать на виновника тяжелую болезнь. У истоков чистых горных родников нередко устраивались места для молений и отдыха путников, где каждый прохожий мог напиться свежей воды, поблагодарив Творца и покровителей водной стихии за этот бесценный дар.

Таким образом, Первозданный Океан и рожденные им пресные воды Земли образовали в адыгской космологии единую кровеносную систему мироздания. Соленое море хранило память о начале времен и величии неукротимой природы, а сладкие горные реки несли жизнь в долины, связывая заснеженные вершины с морскими просторами. Но чтобы эта живая вода могла течь, а мир обрел устойчивость, самой Земле требовалась четкая форма, надежная опора и внутреннее устройство, способное выдержать тяжесть гор, морей и человеческих судеб.

Глава 16. Форма и устройство Земли. Плоскость, купол, опоры и подземные глубины.

Как устроена Земля, по которой мы ходим, и на чем она держится? Для современного школьника ответ очевиден: наша планета представляет собой слегка сплюснутый у полюсов шар, свободно вращающийся в безвоздушном пространстве вокруг Солнца под действием гравитации. Но для древнего жителя Кавказа, не имевшего ни космических снимков, ни телескопов, картина Земли строилась на основе непосредственного наблюдения за горизонтом, движением светил, рельефом гор и глубинными мифологическими интуициями. В традиционной космологии адыгов Земля обладала сложной, многослойной и сакрально выверенной архитектурой, в которой видимая плоскость сочеталась с куполообразным небом и таинственными подземными ярусами.

Видимая поверхность обитаемой Земли в адыгском сознании представлялась в виде огромного, слегка выпуклого круга или щита, со всех сторон окруженного безбрежными водами Мирового Океана. Эта форма не была случайной. Стоя на вершине высокой горы или на степном кургане и оглядывая линию горизонта, человек видел вокруг себя замкнутую окружность, над которой опрокинута синяя полусфера небесного свода. Круг земли и купол неба образовывали единую замкнутую сферу — защищенный, обжитой космос. За пределами водного кольца, опоясывающего земной круг, начинались неведомые края, где сгущался туман и господствовали силы первозданного Хаоса.

Поверхность этого земного круга не была ровной и однообразной. По замыслу Верховного Творца Тха центр Земли был приподнят, образуя величественные горные хребты Кавказа, увенчанные двуглавой вершиной Эльбруса — Ошхамахо. От этого высокого центра земля плавно спускалась к плодородным предгорьям, широким степным равнинам и берегам морей. В такой геометрии ландшафта закладывался глубокий ценностный смысл: чем выше местность, тем ближе она к небесному свету и чистоте, а чем ниже, тем теснее ее связь с плодородной почвой и водами.

Одним из главных вопросов древней космологии всегда оставалось основание Земли: почему тяжелая каменная и земляная твердь не проваливается в бездну Первозданного Океана? В адыгских преданиях и сказках встречаются поразительные образы космических опор, удерживающих наш мир в равновесии. Согласно наиболее архаическому представлению, Земля покоится на спине или на могучих рогах гигантского космического быка, который в свою очередь стоит на огромной рыбе, плавающей в мировых водах. Когда бык устает держать тяжесть мира и перекладывает Землю с одного рога на другой, по горам и долинам прокатывается землетрясение. В других вариантах преданий опорой земного диска выступают исполинские каменные столпы или корни Мирового древа, уходящие в самую глубь первозданной пучины.

Внутреннее устройство Земли в картине мира адыгов также отличалось строгой многоуровневой структурой. Земля не была сплошным монолитом до самого низа. Подобно тому как небо делилось на семь или девять возвышающихся друг над другом сфер, земная толща состояла из семи подземных слоев или пластов. Верхний слой представлял собой живую, плодородную почву, дающую пищу растениям, животным и людям. Глубже залегали пласты камня, руд и металлов, из которых небесный кузнец Тлепш добывал железо для оружия и орудий труда. Еще ниже скрывались тайные резервуары подземных вод, питающих горные родники и реки, а также мрачные лабиринты пещер, населенных духами недр.

Самые нижние пласты земли переходили в пределы Нижнего мира — Хьэдрыхэ, куда после смерти отправлялись души людей. В представлениях предков адыгов под землей суще-

ствовало целое отражение нашего мира со своими тусклыми полями, безмолвными реками и селениями теней. Входами в эти подземные глубины служили глубокие карстовые пещеры Кавказа, бездонные ущелья и воронки, к которым люди подходили с величайшей осторожностью, стараясь не бросать туда камни и не нарушать тишину подземных жителей.

Поразительно, что при всей мифологичности этих образов в них скрывалась глубокая природная интуиция. Представление о Земле как о живом, дышащем теле, имеющем каменный скелет из горных хребтов, кровеносную систему из подземных и наземных рек и плодородную кожу из почвы, формировало у адыгов особое, трепетное отношение к родной земле. Земля считалась великой матерью и справедливым судьей. В древности самой страшной формой наказания за тяжкое преступление считалось изгнание из родного края, а высшей формой клятвы — прикосновение рукой к земле. Вернувшийся из дальнего похода или чужбины адыг первым делом опускался на колени и целовал родную землю, признавая ее своей главной опорой и святыней.

Так в адыгской космологии форма и устройство Земли соединили в себе наглядную геометрию горизонта, мудрость древних мифов о космических опорах и благоговейное отношение к родной природе. Земля представала надежным, устойчивым домом, возведенным Творцом посреди мирового океана и увенчанным сверкающей вершиной Мировой горы, к которой мы и направим наш взгляд в следующей главе.

Глава 17. Эльбрус (Ошхамахо) — Гора счастья. Мировая гора как стержень космоса.

Над бесконечной чередой лесистых хребтов, глубоких каньонов и альпийских лугов Центрального Кавказа, пронзая плотную пелену облаков, возвышается величественная двуглавая громада, закованная в вечные ледники. В мировой географии эта высочайшая вершина Европы известна как Эльбрус, но для коренных жителей края — адыгов и кабардинцев — она на протяжении тысячелетий носила святое и исполненное глубокого смысла имя Ошхамахо, что переводится как Гора счастья или Гора светлого дня. В традиционной космологии адыгов Ошхамахо никогда не воспринимался просто как географическая точка с определенной высотой над уровнем моря. Эта гора выступала главным архитектурным стержнем Вселенной, тем самым священным центром, вокруг которого вращалось мироздание и от которого велся отсчет времени и пространства.

В науке о древних культурах образ центральной космической вершины обозначается понятием Мировой горы. Почти каждый великий народ древности находил в своем ландшафте или создавал в своем мифологическом воображении подобную вершину, соединяющую землю и небо: для древних греков ею был Олимп, для народов Индии — мифическая гора Меру, для жителей Месопотамии — ступенчатые зиккураты. На Кавказе эту роль естественным образом занял Эльбрус. Его ослепительно белые купола, первыми встречающие утренние лучи Солнца, когда долины еще погружены в ночной сумрак, и последними провожающие закат, зримо воплощали идею вечного света, чистоты и недосягаемой божественной высоты.

Само название Ошхамахо раскрывает двойственную и при этом предельно гармоничную природу этой вершины. Первая часть слова, уашхэ или ошхэ, восходит к древнейшим корням, обозначающим возвышенность, холм, небо и святость. Вторая часть, махо, переводится как день, свет, удача и счастье. Таким образом, Ошхамахо — это буквально место, где рождается новый день, откуда на землю нисходит благодать и где обитает само счастье. В народном представлении вершины Ошхамахо упирались непосредственно в нижний ярус небесного свода, служа гигантской каменной опорой, не позволяющей небу обрушиться на землю, а с другой стороны — лестницей, по которой боги спускались в Средний мир, а молитвы и души праведников поднимались к престолу Верховного Творца Тха.

В мифопоэтической географии адыгов Ошхамахо представлялся абсолютным центром обитаемого круга Земли. От его ледяных склонов во все стороны света расходились горные хребты, словно лучи гигантской каменной звезды, а из-под его ледников брали начало великие реки, несущие живую воду в степи и к далеким морям. На вершине Горы счастья, недоступной для обычного смертного, располагался священный совет верховных богов и покровителей во главе с Великим Тха. Здесь решались судьбы народов, определялись сроки смены времен года и утверждались незыблемые законы космического порядка.

Неудивительно, что вокруг Ошхамахо сложился богатейший цикл мифов и эпических сказаний, центральное место в котором занимает Нартский эпос. Согласно древним преданиям, именно на вершине или у подножия Ошхамахо богатыри нарты устраивали свои великие пиры, состязались в силе и ловкости, а солнечный герой Саусруко возвращал людям похищенный огонь. В других сказаниях рассказывалось, что внутри ледяной горы или на ее неприступном уступе прикован могучий титан или древний вождь иныжей, чьи стоны отзываются подземным гулом, а дыхание вызывает снежные бури на перевалах. В более позднюю эпоху, когда Кавказ соприкоснулся с античной культурой, этот кавказский миф об узнике на вершине горы переплелся с греческим сказанием о Прометее, прикованном к скалам Кавказа за то, что он подарил человечеству небесный огонь и знания.

Особое место в адыгских легендах об Ошхамахо занимают предания о всемирном потопе и спасении человечества. В народной памяти сохранился рассказ о том, как в далекие времена, когда люди забыли законы чести и погрязли в пороках, Тха разгневался и обрушил на землю безбрежные воды, затопившие все долины и низкие хребты. Единственным островом спасения, оставшимся над бушующей водной пучиной, стала двуглавая вершина Ошхамахо. К ней пристал корабль или плот праведного старца с семьей и парой каждого живого существа, от которых после спада воды заново возродилась жизнь на земле. Так Гора счастья в народном сознании обрела статус колыбели обновленного человечества.

Почитание Ошхамахо в традиционной культуре адыгов проявлялось в строгом соблюдении целого ряда сакральных запретов и ритуалов. В старину подняться на самую вершину Горы счастья считалось величайшей дерзостью и нарушением космического закона. Считалось, что вершина принадлежит исключительно Творцу и небесным силам, и смертный человек не имеет права осквернять ее вечные снега своими следами. Охотники и пастухи, подходившие к границе ледников, обязаны были очистить свои мысли, оставить внизу сквернословие и вражду, говорить вполголоса и приносить бескровные дары у подножия скал, прося у горы благополучного возвращения домой.

Даже в повседневной жизни адыга, живущего за сотни километров от Центрального Кавказа, присутствовал незримый образ Ошхамахо. Ориентация усадьбы, направление молитвы, упоминание Горы счастья в торжественных застольных здравицах хъуэхъу и свадебных благопожеланиях превращали вершину в нравственный ориентир. Пожелать человеку жизни, светлой и высокой, как вершина Ошхамахо, означало призвать на него высшее благословение неба. В языке и поэзии снежная белизна Эльбруса стала эталоном душевной чистоты, благородства помыслов и непоколебимой стойкости перед лицом жизненных бурь.

Так Мировая гора Ошхамахо скрепила воедино всю вертикаль адыгского космоса. Уходя своими каменными корнями в глубины Земли, опоясанная лесами и альпийскими лугами Среднего мира и увенчанная сияющими в небесной лазури ледяными вершинами, она служила вечным напоминанием о том, что мир имеет прочный центр, устремленный к свету, чистоте и высшей справедливости.

В традиционной картине мира адыгов свет и огонь (нэху и мафIэ) выступали главной созидательной силой Вселенной и проявлением воли Верховного Творца Тха. Эта стихия делилась на три уровня: чистый и живительный свет Солнца как символ истины и добра, холодный и путеводный свет звезд, а также земной огонь очага и кузнечного горна. Земной огонь воспринимался как частица небесного пламени, принесенная людям героем Саусруко, и требовал строгого соблюдения правил безопасности и чистоты. Особое сакральное значение имел обряд «нового огня», добываемого трением дерева в дни праздников для очищения и обновления жизни.

Глава 18. Природа Света и Огня. Свет Солнца, свет звезд и земное пламя.

Когда воля Единого Творца Тха рассекла первозданную мглу и утвердила Мировую гору в центре обитаемой тверди, мир обрел форму, но оставался еще холодным и неподвижным. Жизнь пробудилась в нем лишь тогда, когда пространство между Небом и Землей пронзил первый луч света и вспыхнула первая искра огня. В традиционной космологии адыгов свет и огонь занимают положение высшей созидательной стихии, зримого проявления божественного разума и жизненной силы. В адыгском языке само понятие света — нэху — неразрывно связано с ясностью ума, истиной, добром и чистотой, тогда как тьма — кIафэ — неизменно соотносится с невежеством, обманом, холодом и угрозой хаоса.

Внимательно наблюдая за окружающим миром, древние адыги пришли к глубокому пониманию того, что световая и огненная стихия неоднородна. Она проявляется в космосе в трех различных формах, каждая из которых имеет свое происхождение, свою температуру и свое назначение в устройстве Вселенной. Этими тремя ступенями выступают живительный свет Солнца, далекий и холодный свет звезд и земной огонь, горящий в человеческом очаге или в горне кузнеца.

Высшим и самым совершенным проявлением световой стихии считался свет Солнца. Для древнего жителя Кавказа солнечный свет не был просто физическим излучением. Он воспринимался как прямое благословение Великого Творца, изливающееся на Средний мир с небесных высот. Свет Солнца обладает удивительным триединством свойств: он освещает пространство, позволяя отличать правду от лжи и добро от зла, он согревает землю, пробуждая в почве спящие семена, и он очищает мир от ночных страхов, болезней и темных духов. Именно поэтому в адыгской традиции самым страшным проклятием считалось пожелание лишиться солнечного света, а самым высоким благопожеланием — просьба о том, чтобы над головой человека всегда сияло ясное дневное светило.

Совершенно иную природу в представлении предков адыгов имел свет звезд. Когда Солнце опускалось за горные хребты и мир погружался в сумерки, на небесном своде зажигались тысячи мерцающих точек. Древние наблюдатели безошибочно заметили главное отличие звездного света от солнечного: звезды светят, но не греют. Их сияние чистое, серебристое, возвышенное, но лишенное земного жара. В мифопоэтическом сознании свет звезд воспринимался как свет вечности, свет высшего знания и путеводных знаков, расставленных Творцом на ночном куполе для путников, пастухов и мореплавателей. Если солнечный свет принадлежал дневному, земному труду и росту всего живого, то звездный свет принадлежал тайне, судьбе и небесному порядку. Каждая звезда считалась связанной с определенной душой или небесным духом, а ее мерцание воспринималось как тихий разговор неба с землей.

Третьей формой этой великой стихии выступал земной огонь, именуемый в адыгском языке словом мафIэ. Примечательно, что в звучании и древней этимологии слово мафIэ перекликается со словом махуэ — день и счастье. Земной огонь мыслился как прямая, живая частица небесного солнечного пламени, спущенная на землю для того, чтобы человек мог выжить в суровом мире, согреть свое жилище, приготовить пищу и выковать железное оружие. Однако, в отличие от неизменного и недосягаемого света Солнца и звезд, земной огонь обладал двойственным характером. Он был верным другом и защитником человека, пока находился внутри каменного круга домашнего очага, но стоило ему вырваться на волю в виде лесного пожара или молнии громовержца Шибле, как он превращался в грозную, всепожирающую силу.

В Нартском эпосе адыгов сохранился величественный миф о том, как люди обрели земной огонь и почему он связан с величайшим подвигом и жертвой. Согласно преданию, в древние времена, когда свирепый великан иныж похитил у нартов огонь и спрятал его высоко в горах или в своей мрачной пещере, мир погрузился в ледяную стужу, обрекая героев и людей на гибель. Спасителем выступил солнечный герой Саусруко. Сквозь вьюгу и преграды он добрался до логова великана, хитростью и силой вырвал пылающую головню и принес огонь людям. В других вариантах сказания Саусруко сам принимает на себя жар небесного пламени, обжигая руки или тело, чтобы передать тепло роду людскому. Этот миф раскрывает важнейшую идею адыгской космологии: земной огонь имеет божественное, небесное происхождение, но удержать его на земле человек может только ценой мужества, мудрости и строгого соблюдения правил обращения с ним.

Поскольку огонь в доме считался живым родственником Солнца и представителем неба в человеческом жилище, отношение к нему регулировалось целой системой строгих запретов, входящих в кодекс Адыгэ Хабзэ. Огонь в очаге нельзя было осквернять: в него запрещалось плевать, бросать мусор, нечистоты или грязную воду. Считалось, что оскорбленный огонь может обидеться, погаснуть и унести из дома достаток, здоровье и мир. Когда вечером хозяйка укладывала угли в золу на ночь, она произносила тихую молитву, прося огонь сохранить тепло и покой семьи до утра. Давать огонь из своего очага соседям после захода Солнца или в определенные запретные дни не полагалось, так как верили, что вместе с горящим угольком из дома может уйти счастье и удача рода.

Особое место в ритуальной практике адыгов занимал обряд добывания живого или нового огня. Раз в год, чаще всего в день весеннего равноденствия, а также в тяжелые времена эпидемий или падежа скота, во всех домах аула гасили старый огонь, вычищали золу и выносили ее за пределы селения. Затем старейшины и юноши собирались на общей площади и с помощью трения двух кусков сухого дерева — обычно дуба или орешника — добывали чистый, девственный огонь, еще не знавший земной скверны. От этого нового пламени каждый хозяин зажигал факел и уносил священный огонь в свой очаг. Этот обряд символизировал космическое обновление мира, очищение от накопившегося за год хаоса и возвращение к первому дню творения.

Так в адыгской картине мира свет Солнца, сияние звезд и пламя очага выстраивались в единую светоносную вертикаль. Солнце давало жизнь всему сущему, звезды указывали путь в темноте ночи, а огонь в домашнем очаге собирал вокруг себя семью, превращая обычный дом в защищенный остров космоса посреди бушующих стихий природы.

Глава 19. Сотворение природы. Звери, птицы и плавающие гады в замысле Творца.

Когда воля Единого Творца Тха воздвигла в центре мира сверкающую гору Ошхамахо, наполнила долины пресными реками и озарила землю животворящим светом Солнца, планета обрела совершенную архитектурную форму, но оставалась еще безмолвной и пустой. Горы стояли нагими без зеленого ковра лесов, в прозрачном воздухе не раздавалось ни единого щебета, а в глубоких водах морей и озер не мелькала ни одна тень. Чтобы мир стал по-настоящему живым и завершенным, Творец приступил к следующему великому акту мироздания — наполнению Земли растениями, птицами, зверями и водными обитателями.

В традиционной космологии адыгов творение природы никогда не рассматривалось как случайное порождение слепой материи или бессмысленное нагромождение биологических видов. Каждая травинка, каждое могучее дерево в предгорном лесу, каждый зверь на горной тропе и каждая рыба в морской пучине были задуманы Великим Творцом как необходимая часть единого гармоничного узора. В народном представлении все живые существа обладали собственной долей жизненного дыхания псэ, собственной мерой разума и своим строго определенным местом в космическом порядке хабзэ. Ни одно творение не было создано лишним или напрасным, и даже самое крошечное насекомое исполняло в мироздании работу, порученную ему свыше.

Согласно древним преданиям, первым делом Тха покрыл обнаженную земную твердь растительным покровом. Из плодородного лона Матери-Земли, согретой солнечными лучами и напоенной небесными дождями, поднялись густые травы, целебные горные цветы, злаки и величественные деревья. Растительный мир в адыгской картине мира выступил связующим звеном между мертвым камнем и движущейся живой плотью. Особое место в этом зеленом царстве заняли деревья-великаны — могучий дуб, стройный бук, благородный каштан и дикая груша. Уходя своими корнями глубоко в темные недра земли, а раскидистыми кронами устремляясь к небесному своду, деревья стали живыми повторениями Мировой оси, очищающими воздух и дающими приют и пищу тысячам живых существ.

После того как земля зазеленела и наполнилась ароматами трав, Творец населил три стихии — воздух, сушу и воду — тремя великими царствами живых существ. В адыгском мифопоэтическом сознании это деление животного мира строго соответствовало трехчастной вертикальной структуре Вселенной. Птицы были созданы для Верхнего мира воздушного простора, четвероногие звери получили во владение Средний мир земной тверди, а рыбы и плавающие гады были поселены в глубинах водной стихии и Нижнего мира.

Первыми, кто огласил тишину новорожденного мира звонкими голосами, стали птицы. В адыгской космологии птица всегда воспринималась как существо, наиболее близкое к небесным сферам и самому Творцу. Легкие, крылатые, способные подниматься выше самых высоких горных пиков и исчезать в синей лазури, птицы считались вестниками неба и проводниками божественной воли. Царем пернатого мира и главным посланником Великого Тха был сотворен могучий орел, чей зоркий взгляд охватывает всю землю от моря до моря, а взмах крыльев порождает горный ветер. Рядом с ним небеса населили стремительные соколы и ястребы, ставшие впоследствии верными спутниками адыгских воинов и символами благородства, отваги и чистоты помыслов.

Не менее высоким сакральным статусом в народной картине мира обладали ласточка, аист, лебедь и голубь. Ласточка, вьющая гнездо под крышей человеческого жилища, считалась птицей, приносящей в дом мир, достаток и небесное благословение, поэтому разорить ее гнездо приравнивалось к тяжкому преступлению против собственного рода. Водоплаваю-

щие птицы, такие как лебедь и утка, занимали в космологии особое пограничное положение, поскольку они одинаково свободно владели всеми тремя стихиями: ходили по земле, плавали по воде и летали в небе. В древнейших мифах именно водоплавающая птица нередко помогала Творцу доставать со дна Первозданного Океана первую горсть ила, из которого выросла суша.

Вслед за птицами Творец населил земную твердь, леса и горы четвероногими зверями и домашними животными. В адыгском представлении мир зверей делился на две большие, но тесно взаимосвязанные области: диких обитателей лесов и гор, над которыми был поставлен особый небесный покровитель Мезытха, и домашних животных, переданных человеку в качестве верных помощников и кормильцев под покровительством бога скотоводства Амыща.

Среди диких зверей высшее место в иерархии занимал благородный олень с ветвистыми рогами. Олень воспринимался как животное солнечной природы, носитель небесной чистоты и благодати. В нартских сказаниях и древних песнях олени часто выступают в роли чудесных проводников, выводящих заблудившегося героя к священному источнику или спасающих его от гибели. Столь же глубоким почтением пользовался горный тур — владыка неприступных скал и ледников, чья сила и ловкость вызывали восхищение горцев.

Совершенно иными, грозными и таинственными качествами Творец наделил хищников — волка, медведя и барса. Волк в адыгской традиции выступал символом воинской доблести, неукротимой свободы, выносливости и братской сплоченности стаи. В фольклоре волк нередко оказывается мудрым наставником или тайным союзником богатырей нартов, способным чуять приближение врага и невидимых духов. Медведь же связывался с силами земли, лесной чащей и зимним сном природы; в древних поверьях он считался существом, близким по своей природе к человеку, обладающим огромной физической мощью и скрытой мудростью.

Особый замысел Творца проявился при сотворении животных, предназначенных для союза с человеком, и прежде всего коня. В адыгской космологии конь занимает положение, почти равное по значимости самому человеку. Согласно мифам, первый конь был сотворен из самых чистых и быстрых стихий — из порыва горного ветра, блеска молнии и пены морской волны. Наделенный острым умом, верным сердцем и способностью чувствовать границу между мирами, конь стал крыльями адыгского всадника, его лучшим другом и соратником в битвах. Наряду с конем важнейшую роль в картине мира играл бык, воплощавший спокойную, несокрушимую силу плодородной земли, а также овца, дарующая человеку теплую одежду и пищу.

Третьим великим царством живой природы стали обитатели водной пучины и пресмыкающиеся — рыбы, змеи, черепахи и лягушки, которых старинная речь объединяла под общим именем плавающих и ползающих гадов. В современной культуре к этим существам нередко относятся с предубеждением или брезгливостью, однако в традиционной космологии адыгов они занимали почтенное и глубоко осмысленное место, будучи связанными с тайнами воды, подземных глубин и вечного обновления жизни.

Рыбы в древнем сознании считались немыми хранителями тайн Первозданного Океана. Живущие в холодной, плотной и непроницаемой для человеческого взгляда водной среде, они подчинялись велениям Владычицы вод Псыхогуащи и морского духа Кодеса. Огромные глубинные рыбы в космогонических преданиях выступали живыми опорами земного круга, удерживающими сушу на плаву посреди мировых вод.

Удивительным почтением в адыгской народной традиции пользовалась змея. Сбрасывая старую кожу и обретая новую, змея в глазах древнего человека зримо воплощала идею бессмертия, циклического возрождения, мудрости и связи с недрами Матери-Земли. В адыгских аулах существовало твердое поверье, что у каждого старого, благополучного дома есть свой невидимый или редко показывающийся на глаза хранитель — белая или светлая домашняя змея, живущая под порогом или в каменной кладке фундамента. Убить такую змею считалось величайшим несчастьем, способным разрушить семью и лишить дом удачи. Даже ядовитых

змей в лесу или в поле адыги старались не убивать без прямой угрозы для жизни, помня о том, что каждое существо создано Творцом для поддержания природного равновесия.

Черепаха, несущая на своей спине прочный округлый панцирь, в архаической символике напрямую уподоблялась самой модели Вселенной: ее выпуклый верхний щит повторял форму небесного купола, а плоский нижний щит соответствовал земной тверди. Лягушка же и жаба прочно связывались с небесной влагой, дождем и плодородием полей, поэтому в засушливые летние месяцы в обрядах вызывания дождя этим существам отводилась особая ритуальная роль.

Взаимоотношения между всеми этими видами живых существ и человеком в замысле Творца строились на строгом нравственном договоре. В адыгской космологии природа не была отдана человеку в безраздельное, хищническое владение. Напротив, люди, звери, птицы и рыбы рассматривались как единое великое сообщество творений, имеющих равное право на жизнь под солнцем. В народном фольклоре сохранилось множество сказаний о том, как в золотой век творения люди и животные говорили на одном общем языке и понимали друг друга без слов. Позднее, когда люди начали нарушать законы справедливости, этот общий язык был утрачен, но тайное знание речи птиц и зверей сохранили лишь самые мудрые и чистые сердцем герои, такие как Сатаней или вещий сказитель Ашамез.

Чтобы человек не превратился в бездумного разрушителя созданного Творцом мира, народная культура выработала строжайший кодекс экологического поведения. Охота в традиционной Черкесии никогда не была забавой или спортивным развлечением ради трофеев. Охотник выходил в лес только в разрешенное время года, соблюдая строгий пост и внутреннюю чистоту. Категорически запрещалось стрелять в самок с детенышами, убивать зверей на водопое или во время стихийных бедствий, когда животные искали спасения у человеческого жилья. Считалось, что вся лесная дичь принадлежит богу Мезытха, который пасет своих зверей так же бережно, как пастух пасет отару овец, и охотник может взять лишь ту долю, которую ему милостиво уступит лесной владыка.

Таким образом, сотворение природы в картине мира адыгов предстает как торжество мудрости, меры и гармонии. Наполнив воздух крылатыми вестниками неба, леса и горы — благородными зверями и верными животными, а воды и недра — таинственными хранителями глубин, Творец подготовил прекрасный, совершенный дом. И теперь на сцену мироздания должен был выйти тот, кому предстояло стать главным хранителем этого дома, соединить в себе все стихии космоса и принять на себя великую ответственность за судьбу Земли — человек.

Глава 20. Творение человека. Глина, дух, время жизни и возраст Вселенной.

Когда высокие вершины Ошхамахо засверкали под лучами утреннего Солнца, леса наполнились звонким пением птиц, а по горным долинам понеслись табуны вольных коней, сотворенный мир достиг совершенства во всем, кроме одного. В этом огромном, прекрасном доме не было того, кто мог бы осознать его красоту, назвать каждую вещь ее истинным именем и стать живым связующим звеном между Небом и Землей. Чтобы завершить архитектурный замысел мироздания, Единый Творец Тха приступил к созданию самого сложного и удивительного существа во Вселенной — человека.

В древнейших адыгских преданиях, отголосках эпических сказаний и народных притчах сотворение человека описывается не как мгновенное чудо, а как глубоко осмысленный творческий акт, в котором соединились две противоположные природы: плотная материя Земли и тонкая, светоносная энергия Неба. Согласно наиболее распространенному сюжету, Творец взял горсть чистой, плодородной глины, смешал ее с прозрачной родниковой водой и вылепил тело первого человека по образу совершенной гармонии. Долгое время это глиняное изваяние лежало на земле неподвижным, красивым, но безжизненным, подобно горному валуну или стволу срубленного дерева. Оно принадлежало исключительно Среднему миру и подчинялось законам земного тяготения.

И тогда совершилось главное таинство: Тха вдохнул в созданное им тело частицу собственного дыхания, небесного огня и света. В тот же миг глина ожила, по жилам разлилась горячая кровь, подобная горным рекам, грудь поднялась в первом вздохе, а глаза открылись, отразив в себе сияние Солнца и бездонную глубину звездного купола. В адыгском языке это двуединое происхождение человека запечатлено с поразительной ясностью: плоть и кости человека именуются пкъы, что связывает их с земной основой и твердью, а бессмертная жизненная сила, разум и дыхание носят имя псэ, восходящее к божественному ветру и небесному свету.

Таким образом, в традиционной космологии адыгов человек с самого первого мгновения своего существования стал точным микрокосмом — малой моделью большой Вселенной. В нем встретились и примирились все четыре первоэлемента мироздания. Его тело было создано из земли, его кровь и соки несли в себе природу воды, внутренний жар сердца и блеск глаз принадлежали стихии огня, а дыхание и мысль были сотканы из воздуха и небесного эфира. Именно эта двойственная природа сделала человека единственным существом в космосе, способным свободно выбирать свой путь. Звери, птицы, деревья и звезды неукоснительно следуют тому природному закону хабзэ, который Творец вложил в них при рождении, и не могут от него отступить. Человек же, соединивший в себе земную тяжесть и небесную свободу, получил великий и опасный дар — свободную волю, право самостоятельно решать, устремиться ли ему духом к свету Неба или позволить земным страстям увлечь себя во мрак.

Особое внимание в народной мудрости адыгов уделялось вопросу о том, сколько времени отпущено человеку на земной путь и как его короткая жизнь соотносится с безмерным возрастом Вселенной. В фольклоре сохранилась глубокая философская притча о распределении сроков жизни между живыми существами. Когда Тха создал мир и наделил каждое творение своей долей лет, он вызвал к себе коня, собаку, обезьяну и человека. Первым подошел человек, и Творец отмерил ему тридцать лет светлой, здоровой и полной сил жизни. Человеку этот срок показался ничтожно малым по сравнению с вечностью гор и звезд, и он попросил добавить ему еще лет. Тогда Тха взглянул на коня, которому было отпущено пятьдесят лет, но конь, услышав о тяжелом труде в упряжке и под седлом, согласился уступить человеку двадцать пять

своих лет. Следом собака отдала человеку половину своего срока, а затем и обезьяна поделилась своими годами.

В этой поэтической легенде древние мудрецы Кавказа зашифровали удивительно точную картину человеческого возраста. Первые тридцать лет человек живет своей собственной, подлинно человеческой жизнью, полной юношеского огня, красоты, отваги и радости. Следующие двадцать пять лет он несет на себе тяжелую ношу трудов и забот о семье и роде, подобно выносливому коню. Затем наступают годы, когда человек с тревогой и бдительностью охраняет свой дом и накопленную мудрость, подобно верному псу, а в глубокой старости, когда силы оставляют тело, его походка и повадки вновь становятся беспомощными и детскими. Эта притча учила адыгов не бояться старости и не сетовать на быстротечность времени, но с достоинством и благодарностью проживать каждый отпущенный Творцом этап жизни.

Но если человеческая жизнь измеряется десятками лет, то каков в представлении древних адыгов возраст самой Вселенной и сколько уже существует наш мир? В архаическом сознании возраст Земли и Неба не выражался точными астрономическими цифрами в миллиарды лет, но мыслился как грандиозная, непостижимая для человеческого ума глубина времени. В народных сказаниях время существования мира делилось на великие космические эпохи или поколения, сменявшие друг друга на этой земле. Старики говорили, что до нынешних людей мир уже успел пережить эпоху карликов испов, строивших каменные дольмены, эпоху неповоротливых великанов иныжей и героический век богатырей нартов.

Для измерения этого гигантского космического возраста фольклор использовал величественные поэтические метафоры. Чтобы объяснить, как давно стоит мир и как долго длится вечность, сказители приводили образ неприступной алмазной или гранитной горы размером с Ошхамахо, к вершине которой раз в сто лет прилетает маленькая птичка, чтобы поточить свой клюв. Когда эта птичка своим клювом сточит всю огромную гору до самого основания, пройдет лишь одно мгновение в глазах Вечного Творца. Подобные образы рождали в душе человека благоговейное смирение перед величием космоса, но при этом не подавляли его, а наполняли чувством причастности к великой истории мироздания.

Создав первого мужчину и первую женщину, Творец поставил их в самом центре Среднего мира не как бездумных потребителей земных благ, а как ответственных хранителей порядка. На человека была возложена великая миссия: своим трудом, мудростью, честью и соблюдением законов Адыгэ Хабзэ поддерживать гармонию между Небом и Землей. Пока человек хранит верность своему небесному дыханию псэ, уважает старших, защищает слабых и бережет природу, мир остается устойчивым, светлым и плодородным. Но стоит людям забыть свое высокое предназначение и погрузиться в злобу, алчность и ложь, как в фундаменте Вселенной начинают появляться трещины, предвещающие грозные космические перемены и грядущий финал великого цикла.

В адыгской космологии конец времен (Дуней кIэух) наступает не из-за внешних катастроф, а вследствие морального распада общества и утраты закона Адыгэ Хабзэ. Когда в людских сердцах угасают стыд, сострадание и уважение, космический порядок рушится: небесные светила гаснут, стихии выходят из-под контроля, а силы хаоса разрывают древние цепи. В результате огонь и вода уничтожают старый мир, однако эта гибель мыслится не как торжество тьмы, а как очищение, необходимое для рождения нового, справедливого космоса.

Глава 21. Эсхатология и гибель мира. Кто разрушит Вселенную и как наступит конец времен.

Всякое начало в традиционной культуре неизбежно подразумевает свой предел, а за величественным рассветом сотворения мира в глубинах народной памяти всегда таится предчувствие его заката. В адыгской космологии представления о последних временах, крушении мироздания и финале земной истории составляют особый, глубоко философский пласт, который в науке принято называть эсхатологией. В языке предков это грандиозное событие обозначается словами дуней кIэух или дунейм и кIэ, что переводится как завершение мира или край бытия. Однако в отличие от мрачных пророчеств некоторых древних религий, где Вселенная гибнет от слепой ярости демонов или холодного равнодушия звезд, в картине мира адыгов судьба космоса напрямую зависит от нравственного состояния человечества.

Согласно древним преданиям и предсказаниям народных мудрецов, главная причина грядущего разрушения мира кроется не в истощении солнечного огня и не в столкновении небесных тел, а в постепенном угасании света в человеческих сердцах. Вспомним главный закон адыгской космологии: человек поставлен в центре мироздания как хранитель порядка хабзэ. Пока в обществе живы стыд укIытэ, уважение к старшим, святость гостеприимства, милосердие к слабым и верность данному слову, невидимые опоры Вселенной стоят нерушимо. Но как только люди начинают пренебрегать законами чести, разрушается сама ткань мироздания.

В адыгских пословицах, старинных песнях и эсхатологических легендах сохранился поразительно точный перечень признаков, возвещающих о приближении конца времен. Мудрецы говорили, что гибель мира начнется тогда, когда сын перестанет вставать при появлении отца, когда младший начнет поучать старшего, когда женщина утратит природную скромность, а мужчина забудет о рыцарском благородстве. В те последние дни родной брат станет врагом брату из-за горсти земли или звонкой монеты, гость перестанет быть посланником неба и превратится в обузу для хозяина, а лживое слово обретет больший вес, чем клятва, принесенная у священного очага. Когда же на земле исчезнет последний человек, способный испытать стыд за дурной поступок, и последний старец, хранящий память о законах предков, небесный терпеливый взгляд Верховного Творца Тха отвернется от осквернённой земли.

Кто же станет непосредственным разрушителем Вселенной в этот грозный час? В многослойной адыгской традиции на этот вопрос дается двойной, но внутренне согласованный ответ, объединяющий архаические мифы и позднейшие монотеистические представления. На самом глубинном, мифологическом уровне разрушителями космоса выступают древние силы первозданного Хаоса, которые на протяжении тысячелетий были скованы волей Творца и подвигами героев. В Нартском эпосе и кавказских легендах это чудовищные великаны иныжи, огнедышащие драконы благъо и мифические звери, прикованные железными цепями в недрах земли или на неприступных скалах Ошхамахо. С каждым дурным поступком людей на земле звенья этих космических цепей становятся все тоньше. В назначенный час, когда человеческое зло переполнит чашу терпения, оковы разорвутся, и древние чудовища вырвутся на свободу, чтобы сокрушить горы, выпить реки и погасить свет светил.

В то же время на высшем, теологическом уровне подлинным вершителем конца времен выступает сам Единый Творец Тха. Разрушение мира происходит не вопреки его воле, а по его прямому повелению, как акт высшей справедливости и необходимого очищения. В эпоху распространения христианства и ислама на Кавказе этот образ обрел черты Страшного Суда, когда по зову небесного трубного гласа ангелов все сотворенное предстает перед Создателем, чтобы дать отчет за каждый прожитый миг.

Сама картина гибели Вселенной в народном воображении разворачивается как грандиозная битва и обратный ход творения, при котором все стихии, некогда разделенные Творцом, вновь срываются со своих мест и смешиваются воедино. Первыми знамениями грядущей катастрофы станут перемены на небесном своде. Солнце потеряет свой привычный золотой блеск, станет тусклым и багровым, а однажды взойдет не на востоке, а на западе, нарушив вековой порядок движения. Луна покроется кровавыми пятнами и перестанет отмерять месяцы, а яркие звезды, словно спелые плоды от сильного ветра, начнут срываться со своих небесных гвоздей и огненным дождем падать на землю.

Вслед за небесными знамениями взбунтуются земные и воздушные стихии. Подуют неистовые ураганные ветры, способные срывать вершины скал и вырывать с корнем вековые дубы в священных рощах. Недра Земли содрогнутся от чудовищного гула — это гигантский бык или каменные столпы, удерживающие земной круг, сбросят свою тяжелую ношу. Горы, включая саму священную вершину Ошхамахо, начнут оседать и рассыпаться в пыль, превращаясь в бесплодную равнину.

Затем наступит решающий удар двух очищающих стихий — Воды и Огня. В одних преданиях говорится, что безбрежные воды Первозданного Океана, веками сдерживаемые невидимыми границами, вновь хлынут на сушу, соединившись с беспрерывными небесными ливнями, и затопят всю обитаемую землю, смывая следы человеческих преступлений. В других сказаниях финальным аккордом становится всепожирающий небесный огонь. С неба прольется огненная река или вспыхнет пламя громовержца Шибле, которое охватит леса, степи и моря. Этот великий пожар испепелит всю материальную оболочку мира, обратив камни, металлы и плоть в первозданный пепел и пар. Вся архитектура космоса, выстроенная в начале времен, свернется, и над пространством вновь воцарится безмолвная, пустая вечность.

Однако в адыгской космологии гибель мира никогда не воспринималась как безысходный тупик или окончательная победа мрака. Подобно тому как за суровой зимой неизбежно следует весна, а за самой темной ночью наступает рассвет, разрушение старого, погрязшего в пороках космоса мыслилось как великое очищение. Пройдя через горнило воды и огня, мироздание освобождается от накопившейся скверны, боли и несправедливости, чтобы по воле Всемогущего Творца Тха возродиться вновь в первозданной чистоте, свете и гармонии. Именно этой великой тайне круговорота космических эпох, смерти и нового рождения Вселенной посвящена следующая глава.

Глава 22. Циклы рождения и смерти космоса. Смена эпох от великанов-иныжей до нартов и людей.

Если внимательно вслушаться в ритм природы Кавказа, можно заметить, что здесь ничто не исчезает бесследно и ничто не остается неизменным. Снежные лавины весной срываются с вершин Ошхамахо, питая бурные реки, реки несут влагу в долины и моря, из морей поднимаются облака, чтобы вновь пролиться снегом на вершины. Этот непрерывный круговорот воды, света, смены дня и ночи, рождения и увядания растений лег в основу одного из самых глубоких представлений адыгской космологии — учения о цикличности мироздания и смене великих космических эпох.

В древней картине мира адыгов наша Вселенная не является единственной и неповторимой попыткой Творца создать идеальный мир. В народной памяти сохранилось убеждение, что история мироздания представляет собой грандиозную спираль, где каждый виток — это отдельная космическая эпоха со своими законами, своим обликом земли и своими обитателями. Когда очередная эпоха исчерпывает свои жизненные силы, утрачивает гармонию и погрязает в гордыне или несправедливости, она проходит через очистительную катастрофу, уступая место новому миру.

Согласно устным преданиям, до появления современного человечества Земля пережила как минимум три великих мировых века, каждый из которых оставил на Кавказе свои нерукотворные памятники и глубокий след в фольклоре. Самой первой, затерянной в тумане начала времен эпохой был век таинственных карликов испов. Предания рисуют их крошечными людьми, не превышавшими ростом локтя, которые разъезжали верхом на быстрых зайцах. Однако за внешней хрупкостью испов скрывались невероятная мудрость, знание тайных законов природы и обладание чудесной силой духа, позволявшей им подчинять себе стихии. Именно испам народная традиция приписывает возведение величественных каменных дольменов, которые до сих пор стоят в лесах Причерноморья и предгорий. Эпоха испов завершилась тогда, когда их тонкая, созерцательная сила иссякла, а на смену им пришли существа совершенно иной природы.

Второй мировой эпохой стал век иныжей — гигантских, неповоротливых великанов, воплощавших грубую, необузданную физическую мощь первозданной природы. Иныжи были ростом с вековые сосны, они легко вырывали с корнем деревья, перешагивали через глубокие ущелья и питались целыми быками. Но при всей своей колоссальной силе иныжи были лишены светлого разума, нравственного закона хабзэ и способности к созиданию. Они воплощали собой стихийный хаос, угрожавший порядку мироздания. В народном воображении огромные валуны, разбросанные по горным долинам, и высокие степные курганы считались камнями, которыми перебрасывались великаны, или их древними могилами. Чтобы очистить землю от их разрушительной грубости, Творец вызвал к жизни третье поколение обитателей мира — легендарных богатырей нартов.

Эпоха нартов стала героическим золотым веком в космологии адыгов. Нарты были людьми невероятного роста, отваги и благородства, стоявшими на границе между миром богов и миром смертных. Они не просто победили и вытеснили хаотических великанов иныжей, но и завершили обустройство Среднего мира: принесли людям небесный огонь, научились ковать железо, вывели породы лучших скакунов, заложили основы земледелия и утвердили первые законы рыцарской чести. Нарты пировали за одним столом с небесными покровителями и разговаривали с духами стихий на равных.

Однако и героический век нартов не оказался вечным. Постепенно великая сила и бессмертная слава породили в сердцах некоторых богатырей опасную гордыню. Почувствовав себя

равными самому Создателю, нарты стали нарушать меру, забывать о скромности и порой вступали в спор с самим Верховным Творцом Тха. В финальных сказаниях Нартского эпоса рассказывается, как Всевышний послал к нартам вестника — ласточку, чтобы испытать их и спросить, чего они желают: короткой, но бессмертной в памяти поколений славной жизни или долгого, спокойного, но безвестного существования. Гордые нарты единодушно выбрали вечную славу и бессмертие имени, предпочтя их земному долголетию. И тогда эпоха героев завершилась: кто-то из нартов пал в великих битвах, кто-то ушел под землю, а кто-то вознесся на небо, превратившись в яркие звезды и созвездия.

На смену ушедшим нартам пришла четвертая, нынешняя эпоха — век обычных смертных людей. По сравнению с исполинскими нартами и тем более великанами иныжами современные люди кажутся маленькими и физически слабыми. В адыгских сказках сохранился яркий образ: когда последний нарт нашел в поле обычного пахаря с плугом и парой волов, он легко поднял их всех на одной ладони и принес показать своей матери как удивительных крошечных существ. Но именно в этой внешней слабости современного человека заключен главный замысел Творца. Лишенные сокрушительной физической силы, люди призваны побеждать хаос не мускулами, а силой разума, добротой сердца, сплоченностью рода и неукоснительным следованием закону Адыгэ Хабзэ.

Учение о смене космических эпох в традиционной культуре не ограничивается только прошлым. Согласно глубоким интуициям народных мудрецов, нынешний век человечества также имеет свой предел. Когда наша эпоха подойдет к концу и мир пройдет через великое очищение водой и огнем, о котором говорилось в предыдущей главе, цикл не оборвется навсегда. По воле Вечного Творца Тха из очищенного пепла и обновленных вод поднимется новая Земля, засияет новое Небо, и начнется новый, светлый цикл творения, где гармония будет восстановлена на более высокой ступени бытия.

Эта циклическая философия дарила древним адыгам удивительное спокойствие духа и историческую стойкость. Зная, что за гибелью всегда следует возрождение, а за эпохой испытаний наступает рассвет нового мира, человек не впадал в отчаяние даже в самые трагические моменты истории. Смена эпох воспринималась как естественное дыхание Вселенной, в которой ни одно благородное дело, ни одна песня и ни один урок чести не пропадают даром, а переходят золотым наследием из одного космического века в другой.

Завершая вторую часть нашего исследования, посвященную тайнам сотворения мира, природы и цикличности бытия, мы видим, как из первоначального мрака по воле Тха выстроилось величественное здание космоса. Теперь, когда мы знаем, как родилась Вселенная и какие эпохи сменяли друг друга на Земле, пришло время совершить путешествие по всем ярусам этого мироздания и подробно рассмотреть устройство его трех великих этажей — сияющего Верхнего мира, многоликого Среднего мира и таинственного Нижнего царства.

Глава 23. Трехчастная модель мира. Верхний, Средний и Нижний миры.

Когда древний адыг стоял у порога своей усадьбы и обводил взглядом окружающее пространство, его взор естественным образом скользил по великой вертикали мироздания. Над головой раскинулся синий купол неба, по которому плыли облака и сверкали дневные или ночные светила. Под ногами простиралась твердая, покрытая травами и лесами земля, на которой строились аулы, паслись стада и разворачивались человеческие судьбы. А глубоко под поверхностью почвы угадывалась скрытая от глаз толща недр, куда уходили корни вековых дубов, где прятались холодные ключи и куда провожали ушедших предков. Из этого непосредственного созерцания природы родилась фундаментальная архитектурная схема адыгской космологии — трехчастная модель Вселенной.

В традиционной картине мира мироздание представляет собой грандиозное трехуровневое здание, каждый этаж которого обладает собственными законами, своими обитателями, своим цветом и своей температурой. Этими тремя великими сферами бытия выступают Верхний мир, носящий имя Уафэ, Средний мир, именуемый Дуней или ЩIыгу, и Нижний мир, известный как Хьэдрыхэ. Подобное деление космоса встречается у многих древних народов Евразии, однако в адыгской культуре оно обрело неповторимую поэтическую законченность и легло в основу всей системы этикета, ремесел, обрядов и фольклора.

Верхний мир Уафэ является сферой абсолютного света, чистоты, легкости и бессмертия. В мифопоэтическом сознании адыгов небо не воспринималось как пустое воздушное пространство. Оно представлялось многослойной, прочной небесной твердью, состоящей из семи или девяти сияющих ярусов, возвышающихся друг над другом. На самом высоком уровне обитает Единый Верховный Творец Тха, чье присутствие наполняет космос смыслом и порядком. Ниже располагаются чертоги небесных покровителей стихий, среди которых грозный громовержец Шибле, разъезжающий по облакам, и небесные светила — Солнце, Луна и бесчисленные звезды. Верхний мир населен крылатыми существами, прежде всего орлами и соколами, а также светлыми душами праведников, завершивших свой земной путь в чести и достоинстве. Цветами Верхнего мира выступают ослепительно белый, золотой и небесно-голубой.

Средний мир Дуней представляет собой ту самую земную плоскость, где протекает жизнь людей, четвероногих зверей, деревьев и рек. Это пространство встречи и равновесия противоположностей. В Среднем мире день сменяется ночью, жар лета уступает место зимней стуже, радость соседствует с печалью, а добро вступает в вечный поединок со злом. Главным хозяином и ответственным хранителем Среднего мира является человек. В отличие от обитателей небесных сфер, лишенных земных тягот, и теней подземного царства, человек живет в мире материальных форм, где каждый его поступок имеет вес и последствия. Цветовая гамма Среднего мира отличается богатством и пестротой, однако главными его символами служат зеленый цвет живой листвы и красный цвет горячей крови и огня очага.

Нижний мир Хьэдрыхэ скрывается глубоко под земной твердью и за пределами Мирового Океана. В адыгской космологии это царство покоя, холода, сумрака и невидимых корней. Сюда по извилистым подземным тропам и через темные водные переправы отправляются души умерших людей. В отличие от позднейших представлений о пылающем преисподнем котле, архаический образ Хьэдрыхэ рисовался скорее как тихое, туманное отражение земного мира, где тени предков продолжают свое безмолвное существование под властью строгих, но справедливых законов вечности. Вместе с тем в самых глубоких безднах Нижнего мира пребывали скованные силы хаоса, подземные чудовища и духи болезней, способные при наруше-

нии мирового порядка прорваться на поверхность. Цветами Нижнего мира выступали черный, темно-синий и пепельно-серый.

Важнейшим свойством трехчастной модели мира в адыгской традиции является то, что эти три этажа не изолированы друг от друга глухими каменными стенами. Напротив, вся Вселенная пронизана единой вертикальной осью — Аксис Мунди, которая скрепляет Верхний, Средний и Нижний миры в живой, дышащий организм. Главным воплощением этой мировой оси на земле Кавказа выступает двуглавая вершина Ошхамахо, уходящая каменным основанием в недра земли и упирающаяся ледяными куполами в небосвод. Вторым великим символом связи миров служит Мировое древо, чаще всего могучий священный дуб, чьи корни пьют подземные воды Нижнего мира, могучий ствол принадлежит Среднему миру людей, а раскидистая крона укрывает птиц Верхнего мира.

Поскольку границы между тремя ярусами мироздания являются проницаемыми, в космосе существуют особые точки перехода, где энергия и существа одного мира могут соприкасаться с другим. В природном ландшафте такими порталами считались вершины гор, священные рощи, истоки чистых рек, глубокие пещеры и древние курганы. В масштабах человеческого жилья точкой пересечения всех трех миров выступал домашний очаг с надочажной цепью лъэхъу. Огонь в очаге связывал дом с небесным пламенем Солнца, столб дыма уходил через отверстие в крыше в Верхний мир, унося туда молитвы хозяев, а зола и подземное основание очага соприкасались с областью предков и Нижним миром.

Поразительно, как трехчастная структура космоса воспроизводилась в самых разных сферах традиционной культуры адыгов — от архитектуры усадьбы до кроя национальной одежды и орнамента. Например, рассматривая традиционный адыгский костюм или художественную композицию на серебряном поясе, исследователи легко обнаруживают ту же трехъярусную вертикаль. Головной убор черкеса, устремленный вверх, соотносился с Верхним миром неба и чести; пояс, опоясывающий стан и несущий оружие, закреплял центр и Средний мир воинской доблести; а обувь и нижний край одежды связывались с земной твердью и опорой. Даже в классическом адыгском орнаменте, украшавшем войлочные ковры или резьбу по дереву, композиция строилась по вертикали: внизу изображались волнистые линии воды или корней, в средней части располагались ромбы и фигуры животных, а верхний ярус венчали солярные розетки, рога благородного оленя и парящие птицы.

Даже само тело человека в традиционном сознании делилось по той же трехчастной схеме. Голова, вмещающая разум, зрение и слух, принадлежала светлому Верхнему миру; грудь и сердце, в которых кипели чувства, отвага и жизненная теплота, соответствовали Среднему миру; а нижняя часть тела отвечала за продолжение рода и связь с земным плодородием.

Эта стройная трехуровневая система помогала древнему адыгу никогда не терять ориентации в сложном мире. Она напоминала о том, что человек живет на границе двух великих полюсов — небесного света и земной глубины. Чтобы сохранить равновесие и не рухнуть в бездну хаоса, необходимо постоянно сверять свои шаги с высшим порядком Верхнего мира, уважать память предков, покоящихся в Нижнем мире, и с достоинством нести свое служение в Среднем мире. В следующих главах мы поднимемся на верхний этаж этого космического здания и заглянем за синий полог небес, чтобы узнать, как устроен Верхний мир Уафэ и какие обители скрываются в его сияющих сферах.

Глава 25. Нижний мир (Хьэдрыхэ). География загробного царства, адские бездны и суд над душами.

Если сияющий Верхний мир Уафэ воплощал в адыгской космологии высоту, свет и вечное цветение жизни, то глубоко под поверхностью земной тверди и за темными водами Мирового Океана простирался его необходимый космический противовес — Нижний мир, известный с древнейших времен под именем Хьэдрыхэ. В традиционном сознании адыгов эта подземная сфера бытия не была местом бессмысленного ужаса, однако к ней всегда относились с глубоким благоговением, настороженностью и строгим соблюдением ритуальной дистанции. В самом названии Хьэдрыхэ лингвисты усматривают древние корни, связанные с миром ушедших, краем предков и обителью теней, куда неизбежно направляется каждая человеческая душа после завершения своего земного пути.

География Нижнего мира в адыгских преданиях, нартских сказаниях и похоронных плачах гъыбзэ прорисована с поразительной детальностью. Путь туда не открывается первому встречному. Чтобы попасть в пределы Хьэдрыхэ, душе умершего необходимо преодолеть сложную границу, отделяющую мир живых от мира мертвых. Чаще всего эта граница предстает в виде широкой, бурной и ледяной или, напротив, огненной подземной реки, через которую перекинут узкий, тонкий как конский волос или острое лезвие шашки мост. В некоторых вариантах преданий переправу через темные воды осуществляет безмолвный перевозчик на легкой лодке, требующий в качестве платы медную или серебряную монету, которую сородичи по древнему обычаю клали усопшему в руку или за щеку перед погребением.

За этой водной преградой открывается обширная, окутанная вечными сумерками долина, где не светит яркое дневное Солнце и не сияет полная Луна, а все пространство озарено ровным, тусклым светом, напоминающим предрассветную дымку или лунный отблеск на воде. В этой стране теней есть свои невысокие горы, тихие реки, широкие луга и селения, в которых обитатели Хьэдрыхэ живут большими родовыми общинами, подобно тому как они жили в Среднем мире. Архаическая космология представляла загробную жизнь как тихое, замедленное продолжение земного бытия: воины там по-прежнему объезжают своих коней и состязаются в стрельбе из лука, старейшины собираются на неспешные советы, а женщины занимаются рукоделием и хранят домашний очаг. Именно поэтому в глубокой древности, в эпоху меотов и раннего средневековья, в могилу умершему клали оружие, конскую сбрую, зеркала, посуду и пищу — все то, что могло пригодиться ему в первые дни пребывания в новом мире.

Однако Нижний мир не был однородным. По мере того как в духовной культуре адыгов углублялись представления о личной нравственной ответственности человека, а позднее под влиянием христианства и ислама формировалось учение о загробном воздаянии, география Хьэдрыхэ обрела строгую внутреннюю иерархию и разделение на светлые пределы покоя и мрачные адские бездны, получившие название Жэхьэнэмэ. В народном представлении на границе загробного царства каждую душу ожидал великий и беспристрастный суд, совершаемый по воле Верховного Творца Тха.

На этом посмертном суде не имели ни малейшего значения ни княжеский титул, ни богатство стад, ни слава громких набегов, если они были добыты нечестным путем. Главным мерилом человеческой жизни выступала верность кодексу Адыгэ Хабзэ и чистота совести. На невидимых весах справедливости взвешивались все дела, слова и даже тайные намерения человека: сколько раз он подал руку слабому, как чтил отца и мать, не обидел ли сироту или вдову, сдержал ли данное слово, не нарушил ли закон гостеприимства и не пролил ли напрасно человеческую кровь. Считалось, что в час суда сам язык человека теряет способность лгать, а свиде-

телями против злодея выступают его собственные руки, ноги и та самая земля, по которой он ступал при жизни.

Души людей, проживших жизнь достойно, сохранивших честь и чувство стыда укIытэ, беспрепятственно проходили по узкому мосту через пограничную реку. Для них мост расширялся, становясь широкой и гладкой дорогой, ведущей в светлые рощи предков и райские кущи Жэнэт, где их с радостью встречали ушедшие ранее родственники. Совершенно иная участь ждала тех, кто при жизни попирал законы человечности, творил насилие, клеветал, пренебрегал гостем или поднимал руку на старших. Под ногами клятвопреступников и злодеев мост сужался до толщины волоса, и они срывались вниз, в мрачные, глубокие расселины Нижнего мира.

В народных сказаниях и сновидениях, которые старики пересказывали у очага в назидание молодежи, адские бездны описывались как место вечного холода, непроглядной тьмы, ледяного ветра или всепожирающего подземного огня. Там обитали чудовищные создания хаоса, ядовитые змеи и безжалостные стражи преисподней, не знающие ни сна, ни жалости. В этих мрачных глубинах мучились души убийц, воров, скупцов, неблагодарных детей и тех, кто при жизни сеял вражду между родами. Самым страшным наказанием в Хьэдрыхэ считалось даже не физическое страдание, а вечное одиночество, изгнание из родового круга предков и забвение имени на земле.

Особую тему в адыгском фольклоре составляют сюжеты о нисхождении живых героев в Нижний мир. В Нартском эпосе могучие богатыри, такие как Саусруко или Бадыноко, порой спускаются в глубокие пещеры и расщелины скал, чтобы спасти похищенную девушку, вернуть украденный огонь или узнать тайну у ушедших предков. В этих эпических путешествиях ярко проявляются правила поведения на границе миров: живой человек, попавший в Хьэдрыхэ, не должен вкушать местную пищу, садиться на предложенное место или оборачиваться назад на выходе, иначе он навсегда останется в царстве теней и утратит связь со Средним миром.

Почитание жителей Нижнего мира и забота о покое ушедших предков занимали центральное место в повседневной этике адыгов. В традиционной культуре существовало глубокое убеждение, что связь между живыми и мертвыми не обрывается со смертью тела. Души предков, пребывающие в светлых пределах Хьэдрыхэ, продолжают незримо наблюдать за своими потомками, радоваться их успехам и скорбеть об их проступках. Чтобы облегчить посмертную участь усопших и заслужить их благословение, сородичи регулярно устраивали поминальные трапезы, раздавали милостыню бедным и путникам, произносили молитвы и бережно хранили память о добрых делах каждого представителя рода.

Даже в повседневном поведении адыг старался не тревожить покой подземного мира. После захода Солнца, когда границы между мирами становились более тонкими, не рекомендовалось громко кричать у обрывов, свистеть в темноте, выливать кипяток на землю без предупреждающего слова или бросать камни в глубокие колодцы и пещеры. Почитая тайну Нижнего мира, человек признавал, что жизнь на земле является лишь коротким, но решающим испытанием перед лицом вечности, где каждый шаг оценивается по высшему закону справедливости.

Глава 26. Водная стихия Земли. Океаны, моря, подводные течения и тайна приливов и отливов.

Когда путник спускался с лесистых горных перевалов Западного Кавказа к берегу Черного моря, перед его взором открывалась стихия, совершенно не похожая на стремительные, прозрачные и ледяные горные реки. Море уходило за линию горизонта безбрежной сине-зеленой равниной, дыхание которой ощущалось за много верст по влажному соленому ветру и мерному гулу прибоя. Для прибрежных адыгских племен — шапсугов, натухайцев и убыхов — эта великая вода была не просто географической границей родной земли. В традиционной космологии адыгов моря и океаны воспринимались как живая, могущественная и своенравная субстанция, хранящая в своих недрах память о сотворении мира и управляемая собственными строгими законами.

В адыгском языке для обозначения моря и океана издревле используется короткое, емкое слово хы. Это понятие охватывает всю совокупность великих соленых вод планеты. В представлении древних жителей Кавказа обитаемая суша со всех сторон омывалась бескрайним внешним океаном, который в нартских сказаниях и старинных песнях именовался Хышхо, то есть Великое Море или Океан. Считалось, что все отдельные моря, известные людям, являются лишь заливами и рукавами этого единого мирового водного кольца, опоясывающего земной круг и отделяющего мир живых от туманных пределов запредельного пространства.

Океан и моря в народном сознании никогда не были однородной, неподвижной чашей воды. Вглядываясь в сложную игру волн, пенных полос и цветовых переходов на морской поверхности, древние мореходы и рыбаки знали, что под видимой гладью скрывается целый мир невидимых дорог и мощных потоков. В традиционной картине мира подводные течения представлялись как настоящие подводные реки, текущие в толще морской воды подобно тому, как Кубань, Мзымта или Бзыбь текут по земным долинам.

Согласно народным представлениям, эти подводные реки возникали по двум причинам. Во-первых, считалось, что великие горные реки, впадая в море, не растворяются в нем мгновенно, а продолжают свой бег далеко в глубине, сохраняя свою силу, холод и направление. Во-вторых, древние мудрецы полагали, что дно океана пронизано глубокими расщелинами и подземными каналами, через которые морская вода сообщается с тайными подземными морями Нижнего мира. Когда по этим глубинным руслам устремлялись потоки воды, на поверхности моря возникали водовороты, зыбь и стремительные течения, способные сбить с курса легкую галеру или утащить на дно неосторожного пловца.

Не менее таинственным и величественным явлением для прибрежных жителей выступали периодические колебания уровня воды — приливы и отливы. Хотя в закрытом Черном море приливы выражены значительно слабее, чем в открытом океане, адыгские мореплаватели, ходившие вдоль берегов Анатолии и Крыма, а также хранившие древние предания о Великом Океане, прекрасно знали об этом неустанном ритме водной стихии. В мифопоэтическом сознании приливы и отливы объяснялись как живое дыхание гигантского космического существа. Океан воспринимался как одушевленный организм, который дважды в сутки глубоко вдыхает воду в свои подводные пещеры, обнажая прибрежные камни и отмели, а затем с мощным выдохом возвращает ее обратно на берег.

Удивительным образом древние наблюдатели уловили прямую связь между этим дыханием океана и ночным светилом — Луной. Старики на побережье говорили, что Луна и море связаны невидимыми серебряными нитями. Когда Луна поднимается высоко над горизонтом и наливается светом, вода словно тянется навстречу ее холодному сиянию, поднимаясь выше обычного уровня. Когда же Луна уходит за край земли, море успокаивается и отступает. В этом

явлении адыги видели подтверждение великого закона космического единства, согласно которому небесные светила и земные стихии постоянно взаимодействуют друг с другом.

Современные исследования показывают, что Луна никак не связана с приливами и отливами. На приливы и отливы влияют земные и подземные процессы, которые до конца не изучены. Поцесс изучения приливов не останавливается и не исключено, что мы вскоре будем иметь ответ на вопрос: откуда на Земле берутся приливы и отливы?

В адыгской мифологии у морской пучины существовал свой грозный и могущественный владыка — дух моря Кодес. Его представляли в облике седобородого исполина, восседающего в хрустальном или каменном дворце на самом дне моря среди кораллов, затонувших кораблей и несметных сокровищ. Кодес обладал крутым и переменчивым нравом, подобным самой морской стихии. Когда он пребывал в спокойном расположении духа, море сияло лазурью, ветер дул попутно, а сети рыбаков наполнялись богатым уловом. Но стоило людям проявить неуважение к воде, нарушить древние запреты или забыть о благодарности, как Кодес ударял своим трезубцем или посохом по морскому дну, поднимая чудовищные штормы, девятый вал и смертоносные водовороты.

Чтобы задобрить владыку моря и обеспечить безопасное плавание, прибрежные адыги соблюдали целый ряд строгих ритуалов. Перед спуском нового судна на воду или перед выходом в дальний морской поход старейшины приносили на берегу бескровные жертвы — бросали в волны свежеиспеченный хлеб, куски сыра, соль и возливали в воду ритуальный напиток. Считалось, что море любит чистоту и не терпит сквернословия, ссор и хвастовства на борту. Называя море в открытом плавании, моряки старались не произносить лишний раз его настоящего имени, используя уважительные иносказания, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания морских духов.

Особое место в фольклоре адыгов занимают сказания о морских девах и чудесных конях, выходящих из морской пучины. В Нартском эпосе упоминаются волшебные табуны, пасущиеся на подводных лугах и выходящие на берег лишь в глухую полночь, чтобы порезвиться при свете Луны. Считалось, что именно от союза земных кобылиц с морскими жеребцами произошли самые быстрые и неутомимые богатырские скакуны, способные скакать по горным хребтам так же легко, как ветер летит над волнами.

Даже гибель человека в морской пучине осмыслялась через призму космологии. Утонувшего в море считали человеком, которого забрал к себе сам Кодес или Владычица вод Псыхогуаща. Если тело удавалось найти и предать земле, над ним совершали положенные поминальные обряды, но если море не возвращало погибшего, родные верили, что его душа обрела покой в подводных чертогах, продолжая служить незримым посредником между миром суши и миром воды.

В традиционной картине мира адыгов океаны и моря выступали не мрачной преградой, а великой живой стихией, уравновешивающей горные хребты Кавказа. Подводные течения связывали далекие берега невидимыми дорогами, ритм приливов и отливов отмерял дыхание планеты в такт движению Луны, а строгий этикет общения с морем напоминал человеку о том, что перед лицом величия природы главными добродетелями остаются скромность, уважение и верность слову.

Глава 27. Реки и истоки. Почему реки извиваются и почему вода бьет из горных вершин в засуху.

Если безбрежное море в картине мира адыгов представляло собой внешнюю, грозную и труднопостижимую границу обитаемого круга, то реки и горные источники являлись самой кровеносной системой родной земли. Вся география исторической Черкесии, от вершин Центрального Кавказа до побережья Черного и Азовского морей, прошита густой сетью стремительных, звонких потоков. Кубань, Лаба, Белая, Пшиш, Псекупс, Шахе, Мзымта, Малка, Баксан и Терек на протяжении тысячелетий определяли жизнь адыгских обществ. По берегам этих рек строились аулы, вдоль их русел пролегали древние торговые и военные дороги, а их чистые воды питали сады, пашни и табуны скакунов. Неудивительно, что в традиционной космологии адыгов река никогда не рассматривалась просто как поток воды, стекающий под уклон. Она воспринималась как живое существо, обладающее собственным характером, волей, памятью и глубоким сакральным смыслом.

В адыгском языке река именуется словом псы, которое одновременно означает и воду вообще. Это совпадение указывает на то, что именно текущая, живая речная вода считалась эталоном водной стихии. В отличие от стоячей воды болот или горькой воды моря, речная вода находилась в непрерывном движении, связывая все три яруса мироздания. Беря начало у ледяных вершин, упирающихся в Верхний мир, река спускалась в Средний мир людей, орошая долины, и в конце своего пути уходила в бездну моря, соприкасаясь с пределами Нижнего мира. Таким образом, каждая река выступала живой нитью времени и пространства, соединяющей небесную высоту с земной глубиной.

Одним из самых загадочных природных явлений, над которым веками размышляли народные мудрецы и сказители, был сам рисунок речного русла. Глядя на долины с высоты горных перевалов, древний человек видел, что ни одна река на земле не течет по прямой линии, словно натянутая тетива лука. Даже на ровной, открытой степной местности река описывает причудливые петли, крутые излучины и плавные изгибы, напоминающие ползущую змею или узор старинного орнамента. Почему вода, стремящаяся к морю, выбирает столь долгий и извилистый путь вместо короткой прямой дороги?

В мифопоэтическом сознании адыгов извилистость рек объяснялась сразу несколькими глубокими причинами. Согласно древним космогоническим преданиям, когда Верховный Творец Тха сотворил Землю и повелел водам стекать с гор в Первозданный Океан, река, подобно живому путнику, стала искать для себя наиболее мягкую и податливую дорогу. Она обходила священные камни, не желала тревожить покой древних курганов и уступала дорогу могучим дубам, проявляя тем самым высшее уважение к устройству мира. В этом поведении воды народная мудрость видела наглядный урок этикета Адыгэ Хабзэ: даже самая могучая сила не должна ломить напролом, разрушая все на своем пути, но обязана двигаться плавно, обходя препятствия с достоинством и терпением.

Кроме того, извилистая форма реки связывалась с архаическим образом небесного или подземного змея и дракона. В фольклоре Кавказа сохранились легенды о том, что первые русла рек проложил гигантский священный змей или волшебный плуг богатыря нарта, запряженный небесными быками. Петляя по земле, река охватывала своими излучинами как можно больше плодородных земель, чтобы напоить влагой каждый уголок долины, не оставив ни одного поля без жизни. В народе говорили, что прямая дорога принадлежит стреле, несущей смерть, а извилистая тропа принадлежит реке, несущей жизнь.

Не меньшее благоговение и удивление у древних наблюдателей вызывала другая великая тайна горной природы. В разгар знойного лета, когда Солнце нещадно палит долины, трава на

равнинах выгорает до желтизны, а мелкие степные ручьи пересыхают до самого дна, высоко в горах, почти у самых вершин, из-под скал продолжают бить ледяные, кристально чистые ключи, питающие полноводные реки. Откуда берется эта неиссякаемая вода на самой высоте, где нет ни озер, ни дождей в течение долгих недель?

В традиционной космологии адыгов существовало удивительно поэтичное и во многом провидческое объяснение этого феномена. Прежде всего, высокие горные хребты и сверкающая вершина Ошхамахо считались точкой непосредственного соприкосновения Земли и Неба. По представлению предков, за синим небесным куполом находятся неисчерпаемые запасы верхних, небесных вод. Высокие горы своими ледяными пиками словно пронзают нижний край неба и собирают эту чистую небесную влагу в виде вечных снегов и ледников. Когда летнее Солнце согревает вершины, эти небесные запасы начинают таять и устремляются вниз в виде бурных потоков, спасая долины от засухи.

Второе объяснение связывало горные истоки с тайным подземным круговоротом мировых вод. Древние мудрецы полагали, что Земля подобна живому телу, пронизанному скрытыми жилами и каменными каналами. Соленая вода Великого Океана, проникая в глубокие расщелины на дне моря, под действием внутреннего жара Земли и таинственной силы гор поднимается вверх по внутренним жилам хребтов. Проходя сквозь толщу гранита, песчаника и известняка, морская вода полностью очищается от соли и горечи, охлаждается в каменных недрах и вырывается наружу на горных склонах в виде сладких, целебных родников. Так в мифологическом сознании задолго до возникновения современной гидрологии сложилось целостное представление о великом круговороте воды, в котором горы, реки, недра и океан работают как единое живое сердце.

Особым почтением у адыгов пользовались родники — псынэ. В само слово псынэ вложен глубочайший смысл: оно переводится одновременно как источник, ключ и глаз воды. Родник считался живым оком Матери-Земли, через которое она смотрит на небо и дарует людям свою чистую кровь. У каждого известного источника в горах или предгорьях существовал свой незримый дух-хранитель, подчинявшийся Владычице вод Псыхогуаще.

Обустройство и охрана родников в Черкесии считались одним из самых благородных и богоугодных дел. Человек, расчистивший заиленный источник, обложивший его камнем и оставивший рядом деревянный или металлический ковш для путников, заслуживал вечной благодарности людей и благословения Творца. Напротив, осквернение истока реки или родника рассматривалось как тягчайшее преступление против всего рода и природы. Возле чистых ключей запрещалось ссориться, произносить грубые слова, мыть грязные вещи или оставлять после себя мусор. Считалось, что если источник обидеть, его дух может навсегда уйти вглубь скалы, и вода иссякнет, обрекая округу на бедствие.

В адыгской космологии река также выступала важнейшей сакральной границей. Бурный горный поток разделял пространство на свое и чужое, отделял мир живых от мира предков. Не случайно во многих старинных обрядах, связанных с очищением от болезней или дурного глаза, человека подводили к текущей реке, чтобы быстрая вода унесла с собой всю скверну и тревогу в далекое море. Глядя на бегущую воду, старики говорили, что человек не может дважды войти в одну и ту же струю, но сама река остается вечной, связывая память ушедших поколений с будущим тех, кто еще только родится на ее берегах.

В картине мира адыгов реки и горные истоки представали живыми артериями космоса. Их причудливые изгибы учили человека мудрости, терпению и уважению к окружающему миру, а неиссякаемые ключи на заснеженных вершинах служили вечным напоминанием о щедрости Неба и Матери-Земли, которые никогда не оставляют своих детей без живительной влаги даже в самые знойные дни.

Глава 28. Наводнения и потопы. Гнев водной стихии и очищение земли.

В горных ущельях и широких предгорных долинах Кавказа вода всегда была главной кормилицей, но она же оставалась самой непредсказуемой и грозной силой природы. Тихая, прозрачная река, в которой еще утром с веселым криком купались дети и спокойно переходили вброд всадники, к вечеру могла превратиться в ревущий, мутный вал, сметающий на своем пути вековые буки, каменные мосты, мельницы и целые аулы. Внезапные бурные паводки, вызванные ливнями в горах или стремительным таянием ледников, на протяжении тысячелетий держали жителей Кавказа в постоянном напряжении. В традиционной космологии адыгов такие разрушительные разливы рек и великие потопы никогда не объяснялись простым стечением погодных обстоятельств. Наводнение воспринималось как грозное послание свыше, проявление справедливого гнева водной стихии и акт великого очищения осквернённой земли.

В мифопоэтическом сознании древних адыгов вода обладала чуткой нравственной памятью. Подобно тому как чистый горный родник откликался на добрые слова путника, великие реки и море остро реагировали на любое нарушение космического порядка хабзэ в мире людей. Считалось, что пока обитатели долины живут в мире и согласии, уважают старших, берегут священные рощи и не проливают напрасно человеческую кровь, водные потоки мирно несут свою влагу в строго отведенных им берегах. Но стоило людям погрязнуть в алчности, нарушить клятву, проявить жестокость по отношению к слабому или осквернить истоки рек нечистотами, как нарушалось хрупкое равновесие между стихиями.

В этот момент по велению Верховного Творца Тха или разгневанных покровителей водной стихии — Владычицы вод Псыхогуащи и морского духа Кодеса — вода выходила из повиновения человеку. В народных преданиях говорилось, что в час великого наводнения смыкаются две водные бездны: сверху разверзаются хляби небесные, обрушивая на землю сплошные стены дождя, а снизу, из глубоких скальных расщелин и подземных морей, вырываются на поверхность холодные глубинные воды. Река вздымалась темной стеной, неся в своих мутных водоворотах вырванные с корнем деревья и огромные валуны, смывая все, что было построено без оглядки на волю неба.

Особое место в адыгской космологии занимают предания о Всемирном Потопе — грандиозной катастрофе далекого прошлого, когда вода поглотила почти всю обитаемую сушу. В народной памяти сохранилось несколько вариантов этого древнего мифа, в которых отчетливо проступают как архаические кавказские корни, так и позднейшие отголоски ближневосточных религиозных традиций. Согласно старинной легенде, в незапамятные времена род людской умножился на земле, но вместе с богатством и силой в сердца людей вошли гордыня, зависть и беззаконие. Люди перестали приносить благодарственные молитвы Творцу, забыли законы гостеприимства и начали истреблять друг друга в бесконечных распрях.

Тогда Великий Тха решил очистить Землю от накопившейся скверны и начать историю человечества заново. О своем намерении он предупредил лишь одного праведного и мудрого старца, который всю жизнь строго соблюдал законы чести и милосердия. По указанию свыше старец построил огромный, прочный ковчег из векового дуба и каштана, собрал в него свою семью, семена всех полезных растений и по паре каждого вида зверей, птиц и ползающих гадов. Едва закрылась тяжелая дверь ковчега, как небо почернело, разразился оглушительный гром, и на землю хлынули потоки воды, не прекращавшиеся сорок дней и сорок ночей.

Вода стремительно поднималась, затапливая прибрежные равнины, предгорья и лесистые хребты. Исчезли под мутной пучиной селения и пашни, погибли нечестивые люди и чудовищные создания хаоса. Единственной твердью, оставшейся возвышаться над безбрежным океа-

ном, стала двуглавая вершина священной горы Ошхамахо. Когда ливни наконец утихли и по небу пронесся теплый очищающий ветер, ковчег праведника пристал к одному из высоких уступов Горы счастья. Выпустив на волю птиц и зверей, спасшаяся семья спустилась в обновленные, омытые водой долины, чтобы возродить жизнь на чистой земле по незыблемым законам добра и справедливости.

Помимо вселенского потопа, в фольклоре каждого адыгского общества бытовали предания о локальных наводнениях и внезапных сходах селевых потоков, уничтожавших целые аулы или непобедимые вражеские войска. В героических песнях и нартских сказаниях река часто выступает верным союзником справедливого дела. Когда полчища завоевателей пытались переправиться через бурную Кубань или горный поток, стихия по молитве старейшин или заклинанию мудрой Сатаней внезапно поднимала уровень воды, сбивая всадников с коней и унося их в пучину. Таким образом, наводнение осмыслялось не как слепое зло, а как грозный инструмент космического правосудия.

Чтобы уберечь свои селения от разрушительных паводков, адыги выработали строгую систему практических и сакральных правил. Ни один опытный старейшина никогда не позволил бы строить усадьбу в пойме реки, в узком ущелье или на старом селевом выносе, даже если это место казалось самым удобным и плодородным. Считалось, что река обладает вечной памятью и рано или поздно обязательно вернется в свое старое русло, забрав все, что человек по неразумию возвел на ее пути.

Когда же весенние дожди затягивались на долгие недели и мутные воды начинали угрожающе подступать к полям и домам, жители аула собирались на высоком берегу для совершения особого обряда умиротворения водной стихии. Старейшины возносили молитвы Верховного Творцу Тха и Владычице вод Псыхогуаще, прося прощения за вольные и невольные проступки людей. В бушующую реку бросали свежеиспеченный хлеб, кусочки сыра, соль и опускали бескровные дары, умоляя стихию укротить свой гнев и вернуться в привычные берега.

Даже последствия разрушительного наводнения воспринимались в традиционной культуре с удивительным философским спокойствием и мудростью. Оплакав погибших и восстановив разрушенные дома на новом, более высоком месте, люди замечали, что после спада большой воды земля в долине покрывалась толстым слоем плодородного речного ила, на котором в последующие годы вырастал невиданный урожай проса и пшеницы. В этом адыги видели подтверждение великого закона мироздания: даже самая суровая кара неба несет в себе семя будущего обновления, а очищенная водой земля всегда отвечает человеку щедростью, если он живет с ней в мире и уважении.

В традиционной космологии адыгов воздух, ветры и облака являлись живой средой, связывающей земной мир с небесным Творцом. Понятия «воздух» и «ветер» объединялись в слове жьы, тесно связанном с понятием души (псэ). Каждый ветер имел свое имя и назначение: восточный считался чистым и целебным, южный приносил тепло, а северный и норд-ост ассоциировались с холодом и штормами. Облака и горные туманы воспринимались как живые существа или пограничные завесы между мирами, а этика Адыгэ Хабзэ требовала бережного отношения к воздушному пространству, поскольку произнесенные слова и даже свист влияли на окружающую духовную среду.

В традиционной космологии адыгов воздух, ветра и облака воспринимались не как пустота, а как живая, священная среда, связывающая Землю с Верхним миром Творца. Понятие «жьы» объединяет в себе воздух, ветер и саму жизненную силу души, отражая представление о дыхании как непрерывной связи с космосом. Каждый ветер наделялся собственным характером, именем и сакральным значением: от благодатного восточного ветра рассвета до суровых северных шквалов. Облака и туманы мыслились как небесные странники и пограничная завеса между мирами, требующая от человека бережного и почтительного отношения.

В адыгской традиционной космологии воздух, ветра и облака представляли собой единую живую среду, связывающую мир людей с небесами. Понятие жьы объединяло в себе воздух, ветер, прохладу и дыхание, а с дыханием была неразрывно связана и жизненная сила человека (псэ). Каждый ветер воспринимался не как случайное движение масс, а как крылатый посланник с собственным характером и стороной света, будь то благодатный восточный ветер или суровый северный. Облака и туманы считались небесными стадами или пограничными завесами между мирами, а этика Адыгэ Хабзэ требовала беречь чистоту воздуха, запрещая сквернословие и пустой свист.

Глава 29. Ветра, облака и воздух. Невидимые потоки между небом и землей.

Пространство между земной твердью и синим небесным куполом в традиционной космологии адыгов никогда не воспринималось как пустота. Эта прозрачная, невидимая среда, наполненная движением и звуками, считалась живой связующей тканью мироздания, по которой непрерывными потоками циркулировала жизненная энергия. Для обозначения воздуха и ветра в адыгском языке существует одно древнее, многозначное слово — жьы. Оно объединяет в себе понятия воздушной стихии, дыхания, прохлады и ветра. С этим словом неразрывно связано понятие псэ, означающее душу и саму жизнь. В представлении предков воздух был прямым дыханием Верховного Творца Тха, которое оживляло мир и поддерживало существование каждого растения, зверя и человека.

В неподвижном состоянии воздух оставался незримым и безмолвным, но стоило ему прийти в движение, как он обретал характер, голос и могучую силу, превращаясь в ветер. В мифопоэтическом сознании адыгов ветры не были случайным перемещением воздушных масс, вызванным разницей температур. Они воспринимались как крылатые духи, небесные всадники или вестники, у каждого из которых были свое имя, свой нрав, свое жилище на краю света и свое предназначение в космическом порядке. Считалось, что ветры хранятся в глубоких горных пещерах или за далекими морями под присмотром небесных покровителей и выпускаются на волю по велению Творца, чтобы очищать землю, гнать дождевые тучи и освежать воздух в долинах.

Каждый ветер в народной метеорологии и космологии адыгов оценивался в зависимости от той стороны света, откуда он дул. Восточный ветер, приходящий со стороны восходящего Солнца, почитался как самый чистый, благодатный и целебный. Он приносил с собой свет нового дня, рассеивал ночные туманы, осушал утреннюю росу и дарил людям бодрость и здоровье. Южный ветер, веющий со стороны теплых морей и высоких перевалах, считался ветром тепла, цветения и плодородия, пробуждающим землю весной и наливающим соком плоды в садах.

Совершенно иным характером обладали ветры, дующие с запада и севера. Западный ветер, приходящий со стороны заката и Черного моря, часто приносил с собой тяжелые дождевые облака, сырость и перемены погоды. Северный же ветер воспринимался как суровый, холодный посланник далеких степей, несущий зимнюю стужу, метели и испытания для скота и людей. Особую известность и дурную славу на черноморском побережье в районе Геленджика и Новороссийска имел свирепый северо-восточный ветер бора, который в адыгской традиции связывался с разбушевавшимися духами гор, срывающимися с хребтов в морскую пучину.

Не менее поэтичными и многослойными были представления предков адыгов об облаках и туманах. Глядя на плывущие по небу белые, золотистые или свинцово-темные громады, народное воображение видело в них живых небесных странников. В нартских сказаниях, песнях и загадках облака часто уподоблялись огромным отарам белорунных овец, которых пасут небесные пастухи, табунам крылатых коней, белоснежным кораблям, плывущим по верхнему океану, или легким платкам небесных дев.

Облака играли важнейшую роль посредников между Верхним и Средним мирами. Поднимаясь в виде прозрачного пара с поверхности морей, рек и влажной земли под лучами Солнца, они уносили к небу земное дыхание, а затем, сгустившись в темные тучи, возвращали земле накопившуюся влагу в виде благодатного дождя или снега. Если белые кучевые облака в ясный день служили знаком мира, спокойствия и гармонии в природе, то черные, тяжелые гро-

зовые тучи воспринимались как колесницы небесных воинов, сопровождающих громовержца Шибле в его вечной битве против сил хаоса.

Особое место в сакральной географии Кавказа занимал горный туман. В ущельях и на лесистых склонах густой белый туман способен за считанные минуты скрыть из виду соседнее дерево, тропу и весь окружающий мир. В адыгской космологии туман считался пограничной завесой, стирающей грань между миром людей и миром невидимых духов. Считалось, что в густом тумане открываются тайные тропы в иные измерения, где путник может встретить лесного владыку Мезытха, вещих дев или героев ушедших эпох. Поэтому в туманную погоду горцы старались не отправляться в дальнюю дорогу без крайней нужды, двигались молча и с особой осторожностью.

Поскольку воздух пронизывал все пространство между Небом и Землей и соединял человека с Творцом, этический кодекс Адыгэ Хабзэ требовал исключительно бережного и почтительного отношения к воздушной стихии. В адыгской культуре существовал строгий запрет на сквернословие, проклятия и крики без причины, особенно на открытом воздухе, в горах или в ночное время. Верили, что любое произнесенное слово не исчезает в пустоте, а подхватывается ветром и разносится по всему мирозданию, загрязняя пространство или, напротив, наполняя его светом и благословением.

Столь же строго запрещалось свистеть в доме или на улице после захода Солнца. В народном представлении свист считался подражанием голосу нечистых духов или вызовом буйных ветров, способных налететь на аул, сорвать крыши с домов и навлечь беду на хозяйство. Напротив, тихая, красивая мелодия на камыле — традиционной адыгской продольной флейте, в которой сам воздух, проходя через тростниковую трубку, превращался в музыку, воспринималась как способ гармонизации пространства и умиротворения стихий.

Так воздух, ветра и облака в картине мира адыгов представали не безликими атмосферными явлениями, а живым дыханием космоса. Потоки воздуха связывали в единый круговорот воды морей, снега горных вершин и поля долин, а каждый дующий ветер напоминал человеку о том, что он живет внутри огромного, дышащего и разумного мироздания.

Глава 30. Смерчи, ураганы и бури. Битвы воздушных духов и стихийный хаос.

Если ровный утренний ветерок в адыгской космологии воспринимался как благодатное дыхание жизни, то внезапный ураган, ревущая горная метель или гигантский вращающийся столб смерча вызывали у древнего жителя Кавказа священный ужас и настороженность. В эти мгновения прозрачная, невидимая воздушная среда словно сходила с ума, обретала чудовищную плотность, начинала выть, крушить вековые деревья, срывать крыши с саклей и поднимать в небо столбы пыли и воды. В традиционной картине мира подобные разгулы стихии никогда не рассматривались как случайные погодные аномалии. Смерчи, ураганы и бури осмыслялись как зримое проявление борьбы между силами космического порядка и вырвавшимися на свободу силами первозданного Хаоса.

Особое место в народном воображении занимал смерч — загадочный, пугающий вихрь, соединяющий темную грозовую тучу с землей или морской гладью. Прибрежные адыги, нередко наблюдавшие над Черным морем высокие водяные смерчи, а также жители степных и предгорных районов Прикубанья, сталкивавшиеся с пыльными бурями, наделяли это явление глубоким мифологическим смыслом. В адыгском языке вихрь и смерч обозначаются словами, связанными с кручением, завихрением и яростным движением воздуха.

По представлениям предков, смерч представлял собой временную, противоестественную ось, пробивающую границу между тремя мирами. В отличие от священной Мировой оси в виде горы Ошхамахо или Мирового древа, которые утверждали гармонию и устойчивость, вращающийся столб смерча был кривой, разрушительной осью хаоса. Внутри этого бешеного круговорота, как верили в народе, неслись духи бури, злые демоны удды или взбунтовавшиеся стихийные существа, пытающиеся прорваться из подземных или запредельных глубин в Верхний мир, чтобы похитить небесный огонь или затмить свет Солнца.

В некоторых старинных сказаниях смерч связывался с образом огромного небесного змея или дракона благъо, который спускается с черных туч к морю или реке, чтобы напиться воды, или, напротив, затягивает в небо воду, рыб и неосторожных путников. Считалось, что если смерч проходит над полем или аулом, он способен унести с собой плодородие почвы и удачу рода. Поэтому при появлении на горизонте закручивающегося вихря люди старались немедленно укрыться в доме, плотно закрыть двери и окна, а старейшины произносили защитные молитвы и заклинания, призывая на помощь Верховного Творца Тха и громовержца Шибле.

Существовал также архаический магический способ остановить или рассечь приближающийся вихрь. В народных поверьях говорилось, что если смелый мужчина бросит навстречу пыльному вихрю освященный железный нож, кинжал или воткнет его в землю на пути смерча с произнесением имени Всевышнего, то невидимый дух бури испугается железа, связанного с небесным кузнецом Тлепшем, и вихрь немедленно рассыплется в пыль. В этом обычае отразилось глубокое убеждение в том, что металл, выкованный в священном огне, обладает способностью разрушать чары хаоса.

Не менее грозным явлением выступали горные ураганы и зимние снежные бури, способные за считанные часы занести глубокие ущелья многометровыми сугробами и погубить целые отары овец и путников. В адыгской космологии такие бури объяснялись как ожесточенные сражения воздушных духов или гнев горных покровителей, вызванный нарушением древних запретов в горах. Считалось, что если человек в высокогорье осквернил чистый родник, без нужды убил священного оленя или произнес проклятие, духи гор и ветров вступают в яростную схватку, сотрясая воздух и обрушивая на землю снежные лавины и ледяные шквалы.

В Нартском эпосе тема ураганов и бурь нередко переплетается с подвигами героев и кознями враждебных сил. Когда богатыри отправляются в трудный поход через неприступные перевалы, враждебные великаны иныжи или злые колдуньи посылают им навстречу черные бури и ледяные ветры, чтобы сбить их с пути и заморозить. Но герои преодолевают этот стихийный хаос благодаря несокрушимой силе духа, верности друг другу и помощи светлых небесных сил.

В повседневной жизни адыгов любое стихийное бедствие, связанное с бурей или ураганом, служило поводом для глубокого нравственного самоанализа всей общины. Люди не ограничивались тем, что чинили сорванные крыши и убирали поваленные деревья. Старейшины аула собирались на совет, чтобы выяснить, не был ли нарушен в округе закон Адыгэ Хабзэ, не осталась ли без помощи бедная вдова или сирота, не таится ли между соседями неразрешенная обида или скрытая вражда. Чтобы умиротворить разбушевавшуюся стихию и восстановить гармонию между Небом и Землей, община совершала совместное моление тхьэлъэIу, приносила жертву и раздавала угощение нуждающимся.

При этом народная мудрость видела в бурях и ураганах не только разрушение, но и суровую, необходимую работу природы. После того как яростный шквал проносился над лесами и полями, небо очищалось от тяжелых, застойных туч, воздух становился кристально прозрачным, дышать становилось легко, а земля, напоенная ливнем, обновлялась. В этом адыги видели подтверждение того, что даже в самой грозной битве стихий в конечном счете побеждает светлый порядок Творца, а вслед за самым свирепым ураганом над горами неизбежно наступает тишина и сияет ясное Солнце.

Глава 31. Гром и молния. Огненные стрелы Шибле и небесное электричество.

В летний знойный полдень над вершинами Кавказа порой за считанные минуты собираются тяжелые, иссиня-черные тучи. Воздух замирает в тревожном ожидании, листья на вековых дубах перестают шевелиться, а затем небо внезапно раскалывается ослепительной огненной трещиной, и по ущельям прокатывается оглушительный грохот, от которого дрожат стены саклей и звенит посуда на полках. Для современного человека гроза является наглядным проявлением атмосферного электричества, разрядом колоссального напряжения между облаками и землей. Но для древнего жителя Черкесии гром и молния никогда не были просто физическим явлением. Они воспринимались как самое яркое, грозное и непосредственное вмешательство Верхнего мира в жизнь земли, как зримый поединок светлых небесных сил с порождениями тьмы.

В традиционной космологии адыгов повелителем грома и молнии выступал один из самых почитаемых и могущественных небожителей — бог Шибле. В народном воображении Шибле представал в облике грозного, непобедимого небесного воина или всадника, мчащегося по черным грозовым тучам на крылатом белом коне или в огненной колеснице. Громовые раскаты считались стуком копыт его небесного скакуна и грохотом колес его колесницы, а ослепительные зигзаги молний — огненными стрелами, раскаленными мечами или тяжелыми каменными и железными топорами, которые Шибле мечет в злых духов, демонов хаоса и подземных драконов.

Поразительно, насколько глубоко древнее мифологическое объяснение молнии перекликалось с реальной природой небесного электричества. Древние наблюдатели заметили, что молния соединяет небо и землю мгновенным огненным мостом, оставляя после себя резкий запах озона, оплавленный песок или расщепленный ствол старого дерева. В местах удара молнии в землю люди нередко находили странные оплавленные стеклянные трубки — фульгуриты, либо древние каменные наконечники стрел и топоры эпохи бронзы, вымытые ливнем из почвы. В народной традиции эти находки называли стрелами Шибле или громовыми камнями. Им приписывалась невероятная магическая и целебная сила. Считалось, что громовой камень, хранящийся в доме, оберегает жилище от пожара и удара молнии, помогает при тяжелых родах и исцеляет от болезней, вызванных злыми духами.

В адыгской картине мира молния выполняла важнейшую космическую задачу — она очищала пространство между Небом и Землей от накопившейся скверны. Считалось, что злые духи, ведьмы удды и темные силы хаоса постоянно стремятся подняться из Нижнего мира на поверхность земли и дотянуться до небесных сфер. Во время грозы Шибле открывал на них небесную охоту, поражая огненными стрелами. Поэтому после сильной грозы, когда тучи рассеивались, а воздух наполнялся свежестью и ароматом мокрой травы, старики говорили, что небо умылось, а мир стал чище и светлее.

Совершенно уникальным явлением адыгской культуры, поражавшим всех европейских и русских путешественников восемнадцатого и девятнадцатого веков, был обряд, совершавшийся в том случае, если молния ударяла в человека, животное или дерево. В отличие от многих других народов, где пораженного молнией считали проклятым или наказанным за тайные грехи, в Черкесии такой человек немедленно объявлялся отмеченным самим небом и возведенным в ранг святого угодника. Считалось, что Шибле забрал его душу прямо в светлые чертоги Верхнего мира, минуя мрачные испытания загробного пути.

Вокруг места, где молния поразила человека или дерево, собирались жители окрестных аулов в праздничных одеждах. Вместо привычных похоронных плачей гъыбзэ здесь звучали

торжественные, светлые песни в честь Шибле, исполнялся круговой танец удж, приносились жертвы из белых животных, а само дерево или место гибели превращалось в почитаемую святыню. Тело пораженного молнией погребали на том же самом месте, где его настиг небесный огонь, возводя над могилой высокую каменную или земляную насыпь. Оплакивать такого человека громкими рыданиями строго запрещалось, чтобы не огорчить громовержца и не показать неблагодарности за оказанную роду великую честь.

Однако в повседневном поведении во время грозы адыги соблюдали строгую осторожность и этикет, продиктованный уважением к небесной стихии. Когда начиналась гроза, нельзя было прятаться под одиноко стоящим высоким дубом или на вершине холма, поскольку считалось, что именно под высокими деревьями или в овечьей шерсти любят укрываться злые духи, преследуемые стрелами Шибле. По той же причине во время грозы из дома выгоняли черных собак и кошек, опасаясь, что в их обличье может скрываться нечистая сила, которая притянет удар молнии прямо в жилище.

После принятия на Кавказе христианства, а затем и ислама образ громовержца Шибле не исчез из народного сознания, а органично вплелся в новую религиозную картину мира. В христианскую эпоху Шибле слился с образом пророка Илии, мчащегося по небу на огненной колеснице, а в мусульманский период гром и молния стали восприниматься как голос ангелов, прославляющих величие Единого Творца Тха и повелевающих облаками.

Так в традиционной космологии адыгов гром и молния представали не слепой разрушительной силой природы, а живым проявлением небесного правосудия и чистоты. Небесное электричество связывало верхние сферы с земной твердью мгновенной вспышкой божественного огня, напоминая человеку о том, что над его головой всегда бодрствует высшая сила, охраняющая порядок мироздания от вторжения тьмы.

В главе рассматривается образ радуги в традиционной космологии адыгов, где она воспринималась не как оптическое явление, а как сакральный знак, небесный мост («уафэ лъэмыж») или боевой лук громовержца Шибле и кузнеца Тлепша. Народная метеорология выделяла несколько видов радуги — от привычной одиночной и редкой двойной до ночной лунной и белой туманной, каждая из которых служила предзнаменованием погоды, урожая или судьбы. Цвета дуги соотносились со стихиями космоса, а с явлением связывались строгие правила Адыгэ Хабзэ, включая запрет указывать на радугу пальцем.

Глава 32. Радуга и ее виды. Небесный мост, лук богов и знамения цвета.

Когда летняя гроза, сотрясавшая горные ущелья раскатами грома, начинает стихать и последние тяжелые капли дождя еще сверкают в воздухе, сквозь разорванные тучи пробивается яркий луч Солнца. В этот миг над лесами, речными долинами и снежными вершинами Кавказа разворачивается одно из самых прекрасных и загадочных зрелищ природы — сияющая семицветная дуга радуги. Для современной физики радуга является результатом преломления, отражения и дисперсии солнечного света в миллионах мельчайших водяных капель, взвешенных в атмосфере. Но для древнего жителя Черкесии это небесное явление было исполнено глубокого сакрального смысла, выступая зримым знаком примирения Неба и Земли, космическим мостом между мирами и вещим предзнаменованием судьбы.

В адыгской традиции радуга получила несколько поэтичных и красноречивых названий, каждое из которых раскрывает определенную грань ее космологического значения. Чаще всего ее именовали уафэ лъэмыж, что переводится как Небесный мост, или же называли Луком Шибле, а в других диалектах — Луком Тлепша, связывая гигантскую дугу с оружием громовержца или небесного кузнеца. В народном представлении после того, как грозный Шибле завершал свою небесную охоту на злых духов и опускал свое огненное оружие, его гигантский боевой лук оставался висеть над горизонтом в знак победы света над мраком и восстановления мира между стихиями.

В качестве Небесного моста радуга выполняла важнейшую функцию в трехчастной архитектуре Вселенной. Опираясь обоими концами на земную твердь или на поверхность моря и реки, она высокой аркой уходила в синеву Верхнего мира. Древние предки верили, что по этому сияющему пути светлые духи спускаются на землю, чтобы благословить поля и источники, а молитвы и чистые души людей поднимаются к престолу Единого Творца Тха. Кроме того, в мифопоэтическом сознании радуга воспринималась как гигантский небесный змей или коромысло, с помощью которого небо пьет воду из земных рек и морей, пополняя запасы верхних вод для будущих дождей.

Наблюдательность жителей гор и побережья позволила им выделить и осмыслить различные виды радуги, каждый из которых в народной метеорологии и символике имел собственное толкование. Самой привычной и желанной гостьей на небе считалась одиночная, яркая дневная радуга. Ее появление после грозы воспринималось как знак божественной милости, обещание ясной погоды и богатого урожая. По тому, какие цвета в дуге были наиболее насыщенными и широкими, старики предсказывали будущий год: преобладание золотисто-желтого и красного оттенков сулило обильный урожай зерна, меда и солнечного тепла, а яркая зеленая и синяя полосы предвещали буйный рост трав на пастбищах и полноводные реки.

Особое волнение и благоговение вызывала двойная радуга, когда над главной яркой дугой в небе проступала вторая, более бледная дуга с обратным расположением цветов. В традиционной картине мира такое редкое явление считалось символом двойного благословения и совершенной гармонии противоположностей. Внутренняя яркая дуга связывалась с мужским, солнечным началом и силой небесных покровителей, а внешняя мягкая дуга соотносилась с женским, материнским началом, покровительством Великой Матери и плодородием земли. Увидеть двойную радугу в день свадьбы или перед началом важного дела считалось счастливейшим предзнаменованием, обещающим роду процветание и мир.

Помимо привычных дневных дуг, опытные пастухи, охотники и мореплаватели Кавказа знали и о более редких, таинственных разновидностях этого явления. Ночью, при яркой полной Луне, когда над горами шел мелкий дождь или поднимались брызги от высоких водопа-

дов, в темноте порой возникала бледная, серебристо-белая лунная радуга. Поскольку ночное зрение человека почти не различает цвета в слабом свете Луны, эта дуга казалась призрачной, жемчужной или молочно-белой. В адыгской космологии ночная лунная радуга связывалась с тайнами Нижнего мира, миром предков и вещих снов. Ее появление воспринималось как знак того, что граница между мирами в эту ночь становится особенно тонкой, и душам ушедших предков открыт светлый путь для незримого посещения своих потомков.

Похожий мистический смысл вкладывался и в белую туманную радугу, которая иногда появлялась ранним утром в горных ущельях или над морским берегом, когда солнечные лучи пробивались сквозь мелкую взвесь густого тумана. Лишенная привычных семи красок, эта белая арка считалась незримым покровом чистоты, укрывающим землю от злых сил.

Семь цветов классической радуги в народной символике соотносились с главными стихиями и ценностями мироздания. Красный цвет воплощал небесный огонь, солнечный жар и горячую кровь жизни. Оранжевый и желтый символизировали спелые колосья проса, золотой мед и достаток домашнего очага. Зеленый цвет выступал знаком вечно живой природы, лесов и альпийских лугов. Голубой и синий связывались с бездонным небом Уафэ и чистыми водами рек и морей. Фиолетовый же цвет, замыкающий дугу, олицетворял высшую мудрость, тайну вечности и непостижимую глубину замысла Творца.

Поскольку радуга считалась священным знаком неба, этикет Адыгэ Хабзэ предписывал человеку строгое и уважительное поведение при ее появлении. В адыгских аулах с раннего детства детям внушали запрет показывать на радугу пальцем. Считалось, что указательный жест в сторону небесной дуги является проявлением дерзости и неуважения к Творцу, за которое небо может наказать человека болезнью руки или лишить удачи. Вместо того чтобы тыкать в небо пальцем, на радугу следовало смотреть с тихой радостью, произнося про себя благодарственные слова и добрые пожелания для своей семьи, друзей и даже для путников, находящихся в дороге.

В нартских сказаниях и народных сказках сохранился также древний сюжет о том, что человек, сумевший пройти под самой аркой радуги в том месте, где она касается земли, обретает чудесное обновление, исцеляется от всех недугов и получает дар понимать язык птиц и зверей. Однако поскольку радуга неуловимо отодвигается при каждом шаге путника, этот поэтический образ служил напоминанием о том, что высшая гармония и совершенство всегда зовут человека вперед, заставляя его стремиться к свету, чистоте помыслов и благородству поступков.

Так радуга в картине мира адыгов объединяла в себе все стихии космоса — солнечный огонь, дождевую воду, прозрачный воздух и плодородную землю. Она служила вечным небесным напоминанием о том, что после любой бури и любого испытания наступает время света, мира и обновления.

Глава 33. Священные рощи и границы стихий. Сакральная топография земли.

В традиционной картине мира адыгов земля никогда не была однородным пространством, где каждый участок равен другому. Она напоминала живое тело с особенно чуткими точками, где сильнее бьется пульс бытия и тоньше становится завеса между Средним миром людей и иными сферами космоса. Дорога, поле, пастбище, лес, речной берег, горный перевал, пещера и родник обладали разным характером и требовали разного поведения. Человек, выходивший за порог дома, вступал не в пустоту, а в сложно устроенный мир, где каждая граница была замечена, названа и освящена памятью поколений. Особое место в этой сакральной топографии занимали священные рощи, которые адыги называли ТхьэлъэIупIэ. В них видели не просто участки старого леса, а храмы под открытым небом, места молитвы, суда, памяти и торжественного единения рода с небом.

Священная роща возникала не по прихоти отдельного человека и не по случайному выбору. Ее появление было связано с древним чувством меры, которое требовало отделить часть земли от хозяйственного оборота и вернуть ее Творцу, предкам и духам. В таком лесу запрещалось рубить деревья, ломать ветви, охотиться без крайней нужды, пасти скот, выжигать траву и собирать хворост. Даже сухие стволы, упавшие на землю, часто оставляли нетронутыми, потому что они принадлежали не людям, а иному порядку. Внутри рощи нельзя было громко ссориться, произносить бранные слова, проливать кровь животного без обряда или входить с нечистыми помыслами. Само пространство словно проверяло человека на внутреннюю чистоту, и тот, кто не умел сдерживать себя, предпочитал обходить священный лес стороной.

Центром рощи обычно становилось могучее дерево, чаще всего дуб, реже бук, каштан или груша. Дуб в адыгском сознании сближался с образом Мирового древа, соединяющего корнями подземные воды, а кроной небесные сферы. Его вековая твердость, долговечность и способность выдерживать удары молний делали его естественным посредником между Землей и Небом. На ствол такого дерева могли прикреплять деревянный крест, железный знак или белую ткань, но даже без внешних символов один вид старого дуба посреди тихой поляны вызывал у путника чувство благоговения. Здесь время текло иначе, голоса становились тише, а мысли обращались к тому, что выше повседневных забот.

Вход в священную рощу отмечался природными и рукотворными границами. Это могли быть два старых дерева, каменная кладка, невысокий вал, ручей или просто хорошо заметная тропа, сворачивающая с большой дороги. Сама граница имела глубокий смысл. Она отделяла профанное пространство труда, торговли и дорожной суеты от сакрального пространства молитвы и памяти. Переступить ее означало принять на себя особые правила поведения. Путник поправлял одежду, снимал оружие с плеча, успокаивал коня и шел медленнее. Женщины и мужчины входили в рощу без крика и спешки, дети приучались к тишине с раннего возраста. Даже случайно оказавшийся рядом человек не позволял себе свистеть или громко смеяться, потому что священный лес не терпел пустого шума.

Молитва в ТхьэлъэIупIэ не требовала крыши и стен. Небо само служило сводом, земля служила алтарем, а дерево или камень становились местом приношения. Люди приходили сюда в дни календарных праздников, перед началом пахоты, после уборки урожая, в случае засухи, мора скота или тяжелой болезни. Старейшины становились в круг, произносили слова благодарности Творцу, просили мира для аула, здоровья для детей и достатка для хозяйств. Приношения были простыми и нередко бескровными: хлеб, сыр, соль, мед, молоко, зерно, ритуальный напиток. Если обряд требовал жертвенного животного, его выбирали с особой

тщательностью, а мясо потом делили между всеми присутствующими, чтобы ни один человек не остался в стороне от общей трапезы.

Священные рощи выполняли не только религиозную, но и общественную роль. Под сенью старых деревьев собирались для решения споров, которые нельзя было решить в обычном порядке. Здесь мирили кровников, принимали важные договоры, давали клятвы, скрепленные памятью предков. В таком месте ложь становилась особенно опасной, потому что считалась оскорблением не только людей, но и неба. Если человек произносил неправдивое слово у священного дерева, его имя покрывалось позором, а род мог лишиться уважения соседей. Поэтому в ТхьэлъэIупIэ говорили коротко, веско и ответственно.

Лесная роща была не единственной сакральной точкой адыгской земли. Границы стихий проходили повсюду, и человек постоянно пересекал их в повседневной жизни. Берег реки отделял твердую землю от текущей воды, а вода в традиционном сознании считалась границей между мирами, очистительницей и носительницей памяти. Подходить к реке с дурными мыслями запрещалось, бросать в нее мусор и нечистоты считалось тяжким проступком. Перед переправой путник останавливался, проверял снаряжение, произносил доброе слово и только затем входил в воду или направлял коня вброд. Крупные реки нередко служили естественными рубежами между родовыми землями, и переправа через них воспринималась как переход из своего пространства в чужое, требующий осторожности и уважения к хозяевам противоположного берега.

Родник псынэ был особой точкой, где подземные воды выходили на поверхность. В нем видели глаз Земли, открытый небу. Возле источника нельзя было мыть грязные вещи, поить скот прямо из ключа, оставлять после себя сор или ссориться. Путник, нашедший чистый родник, обязан был напиться сам, напоить коня, поблагодарить Творца и, если позволяли силы, поправить камни вокруг источника, расчистить желобок или оставить рядом ковш для следующего человека. Считалось, что доброе дело у родника возвращается к человеку здоровьем, удачей в дороге и благополучием семьи. Осквернение источника могло привести к тому, что вода уйдет вглубь скалы, и тогда целая округа останется без живительной влаги.

Гора занимала в сакральной топографии адыгов высшее положение не только по высоте, но и по смыслу. Подъем в горы требовал внутренней собранности, потому что с каждым шагом человек приближался к Верхнему миру. На альпийских лугах нельзя было шуметь, хвастаться, браниться и нарушать покой пастушьих духов. Охотник, поднимавшийся к ледникам, оставлял за спиной обычную речь и соблюдал особые запреты. Вершина Ошхамахо считалась недосягаемой для простого смертного, но даже приближение к ее снегам воспринималось как прикосновение к великой тайне. В горах человек чувствовал себя одновременно малым и причастным к огромному порядку, в котором камни, снег, ветер и молчание складываются в единую песнь.

Пещера и глубокая расщелина воспринимались как вход в Нижний мир или как место, где земная кора становится особенно тонкой. Туда не ходили без нужды, а если приходилось войти, соблюдали осторожность и не нарушали тишину. Эхо в пещере казалось голосом подземных жителей, а внезапный холод или сырость могли быть знаком недовольства духов. В пещерах нередко устраивали тайные убежища, места уединенной молитвы и родовые святилища. Здесь человек оставался наедине с собой и с тем невидимым миром, который не терпит суеты.

Перекресток дорог также обладал особым значением. На перекрестке встречались разные пути, разные судьбы и разные люди. Здесь путник мог встретить гостя, врага, вестника или случайного попутчика. В традиционном сознании перекресток считался местом выбора и неопределенности, поэтому на нем не полагалось задерживаться без причины, громко спорить или затевать ссору. Если человек отправлялся в дальнюю дорогу, родные провожали его до определенной черты, но не до самого перекрестка, чтобы не унести с собой домашний покой.

Возвращение через знакомый перекресток означало вступление на свою землю, к своему очагу и своему роду.

Порог дома был самой близкой и самой важной границей. Он отделял внутреннее пространство семьи от внешнего мира, где человека подстерегают опасности, случайности и чужие намерения. Через порог нельзя было передавать вещи после захода Солнца, нельзя было стоять на нем во время разговора, нельзя было переступать его с дурной вестью без особых слов. Гость, входящий в дом, оставлял за порогом оружие и злобу. Хозяин, встречавший гостя, принимал на себя ответственность за его покой. Порог словно вбирал в себя память многих поколений, и каждый, кто переступал его, вступал в непрерывную цепь родовой жизни.

Сакральная топография адыгов знала и особые места, связанные с памятью о героях, битвах или ушедших эпохах. Курганы, древние дольмены, каменные кресты, развалины старых храмов и могильники не были для местных жителей просто историческими памятниками. В них видели живое присутствие прошлого. Мимо таких мест проходили с уважением, не тревожили камни, не выкапывали древние вещи и не смеялись над старинными преданиями. Считалось, что нарушивший покой древнего места может навлечь на себя болезнь, неудачу в делах или беду на весь род. Осторожность эта выросла не из слепого страха, а из понимания того, что земля хранит память сильнее человеческой и не прощает пренебрежения.

Границы стихий проявлялись и в повседневном труде. Пахарь, выходя в поле, вступал в союз с землей и небом. Перед первой бороздой он просил благословения у старших и Творца, а после окончания сева благодарил землю за принятое семя. Пастух, уводивший стадо на летние пастбища, прощался с домашним очагом и брал с собой горсть родной земли или уголек из очага как знак связи с домом. Мореход, выходивший в море, оставлял на берегу дары Владыке вод и просил попутного ветра. Во всех этих действиях человек признавал, что он не хозяин стихий, а гость в огромном доме, где у каждого порога есть свои законы.

Особое внимание уделялось времени пересечения границ. Раннее утро, когда Солнце только поднимается над хребтами, считалось лучшим временем для добрых начинаний. В этот час мир словно обновляется, и человек, вышедший в путь с чистыми мыслями, мог рассчитывать на поддержку светлых сил. Сумерки и полночь, напротив, считались временем неопределенности, когда граница между мирами становится тоньше. В такие часы не отправлялись в дальнюю дорогу без крайней нужды, не подходили к глубоким водоемам, не свистели в лесу и не затевали пустых разговоров. Даже домашний скот в эти часы вели себя беспокойнее, словно чувствуя близость иного порядка.

Священные рощи и границы стихий образовывали на земле адыгов невидимую сеть, которая удерживала мир от распада. Каждый род знал свои святыни, свои тропы, свои запреты и свои места памяти. Человек, уважавший эти границы, жил в согласии с природой, соседями и предками. Он не чувствовал себя одиноким посреди холодного пространства, потому что вся земля была для него домом, а каждое дерево, камень, ключ и перевал напоминали о великом порядке, установленном Творцом. В этом порядке не было ничего случайного: роща хранила молитву, река несла очищение, гора соединяла с небом, пещера хранила тайну, а порог дома напоминал о том, что человек всегда находится между прошлым и будущим, между своим и чужим, между землей и небом.

Глава 34. Устройство звездного неба. Как появились звезды, из чего они состоят и как далеко находятся.

Когда Солнце опускается за острые хребты Западного Кавказа и долины наполняются густыми сумерками, над вершинами Ошхамахо разворачивается зрелище, перед которым веками замирали пастухи, охотники и путники. Небо здесь кажется особенно глубоким и близким, словно его можно коснуться рукой, если подняться на ближайший перевал. В прозрачном горном воздухе звезды не мерцают робко, как в запыленных городах, а горят ровным, ярким светом. Их тысячи, и каждая имеет свое место в строгом порядке, который не меняется с годами. Для древнего жителя Кавказа этот порядок был не случайным узором, а живой картой мироздания, написанной рукой Творца.

В традиционной космологии адыгов звездное небо не воспринималось как пустое пространство, усыпанное далекими огоньками. Оно представляло собой многослойный небесный свод, прочный и осязаемый, на котором светила укреплены наподобие драгоценных камней или золотых гвоздей. Само слово, обозначающее звезду, — вагъуэ — звучит в адыгском языке твердо и веско. Лингвисты находят в его древних корнях связь с понятиями блеска, искры и чего-то воткнутого, закрепленного. В народных представлениях звезды действительно напоминали гвозди, вбитые в небесную твердь, или камни, вправленные в синий купол. Они не падали и не двигались хаотично, а стояли на своих местах, подчиняясь закону, установленному при сотворении мира.

Откуда же взялись эти светящиеся точки? В мифах и преданиях адыгов сохранилось несколько поэтических объяснений происхождения звезд. Одно из самых древних связывает их появление с первым костром, который Творец зажег в центре Вселенной. Когда мир только родился из первозданной тьмы, небо было черным и пустым. Тогда Тха, желая украсить свое творение и дать людям ориентиры в ночи, бросил в небесную высь горсть раскаленных искр. Эти искры застыли в вышине и превратились в звезды. С тех пор они светят людям, напоминая о том, что свет всегда побеждает тьму, а порядок торжествует над хаосом.

Другое предание, более близкое к нартскому эпосу, рассказывает, что звезды — это души великих героев и предков, которые после смерти поднялись на небо и заняли там почетные места. Каждый яркий светильник соответствует великому воину, мудрому старейшине или прославленному сказителю. Когда на земле рождается человек, на небе загорается новая звезда, а когда он умирает, его светило перемещается на особую часть небосвода, где сияет вечно в назидание потомкам. В этой картине звездное небо представало огромной книгой памяти, где записаны деяния всех поколений. Не случайно старики в ясные ночи говорили детям, что по звездам можно прочитать историю рода, если знать, куда смотреть.

Третье объяснение, бытовавшее в среде пастухов и охотников, связывало звезды с семенами света, которые Творец посеял на небесной пашне. Как на земле из брошенного в почву зерна вырастает колос, так на небе из каждой искры родилось светило. Это сравнение отражало глубокую связь земледельческого труда с космическими ритмами. Люди, привыкшие всматриваться в небо, чтобы определить время сева или начало перегона скота, видели в звездах не абстрактные символы, а живые семена будущего урожая, порядка и благополучия.

Представления о том, из чего состоят звезды, также были разнообразны и поэтичны. В одних сказаниях их природа уподоблялась огню, но не земному, а особому, небесному. Этот огонь не жжет и не обжигает, а светит ровно и холодно. В других преданиях звезды считались кристаллами или каплями застывшего света, которые небесные силы рассыпали по ночному куполу. Третьи утверждали, что звезды — это отверстия в небесной тверди, через которые на землю проникает сияние иного, высшего мира. Через эти отверстия души праведников могут

заглядывать на землю, а молитвы людей поднимаются вверх. В таком объяснении звездный свет воспринимался как знак постоянной связи между мирами, тонкая нить, соединяющая человека с небом.

Вопрос о расстоянии до звезд в традиционном сознании решался не через числовые измерения, а через образы и сравнения. Звезды казались высокими, но не бесконечно далекими. В нартских сказаниях герои иногда достигают небесной сферы, взбираясь на вершину Ошхамахо или используя чудесных коней, способных скакать по облакам. Сама возможность такого достижения говорила о том, что небо не мыслилось абсолютно недоступным. Оно было близким настолько, что его можно было представить, назвать, попросить у него помощи. В то же время расстояние до звезд оставалось огромным, неизмеримым для человека. Чтобы передать его, сказители прибегали к сравнению с полетом стрелы, пущенной из богатырского лука. Стрела летит быстро, но чтобы достичь ближайшей звезды, ей потребовалось бы столько времени, сколько человек живет на свете. А до самых далеких светил не долетит и тысяча стрел, выпущенных одна за другой.

Любопытно, что некоторые адыгские загадки и пословицы напрямую касаются этой темы. Например, загадка о звездах звучит так: «На темном поле рассыпано белое просо, никто его не соберет, никто не сочтет». Ответ на нее очевиден, но в самом образе рассыпанного проса скрыто представление о множественности и неисчислимости звезд. Другая загадка сравнивает звезды с отарой белых овец, которую пасет невидимый пастух. Пастух этот — сам Творец или его небесный помощник, а отара никогда не разбредается и не уменьшается. В этих фразах отражалась не только наблюдательность, но и глубокое убеждение в том, что звездный мир упорядочен и подчиняется воле высших сил.

Названия звезд и созвездий в адыгской традиции тесно связаны с хозяйственной жизнью и повседневным опытом народа. Полярная звезда, которую называли Темир-Казык, что переводится как железный гвоздь, считалась главным ориентиром на ночном небе. Вокруг нее вращалось все звездное колесо, и по ней путники определяли направление на север. Млечный Путь, носящий имя Шыхулъагъуэ, что означает дорога всадников или путь соломы, служил небесной тропой, по которой, согласно преданиям, ездили герои и духи. Созвездие Большой Медведицы называли семью братьями или небесной колесницей, а Плеяды — звездным гнездом или чашей. Каждое из этих названий несло практическую пользу и одновременно мифологический смысл, связывая земной труд с космическим порядком.

В адыгских мифах звезды нередко выступают как живые существа, способные влиять на судьбы людей. Считалось, что у каждого человека есть своя звезда, загорающаяся при рождении. Если человек живет праведно, его звезда сияет ярко и ровно, а если он сбивается с пути чести, светило начинает мерцать, тускнеть или даже срываться с неба. Падающие звезды в этом контексте воспринимались как знак чьей-то смерти или как вестник грядущих перемен. Однако в отличие от многих других культур, где падающая звезда считалась предвестником несчастья, адыги чаще видели в ней знак того, что душа великого человека покинула землю и заняла свое место среди предков. Поэтому к падающим звездам относились с почтением, а не со страхом.

Сравнивая адыгские представления о звездах с мифологией соседних народов, можно заметить немало общего. У абхазов, осетин, вайнахов и народов Дагестана также существовали предания о небесных гвоздях, о душах предков, ставших светилами, и о созвездиях, помогающих путникам. Эта общность говорит о глубоких культурных связях, пронизывающих Кавказ на протяжении тысячелетий. В то же время адыгская традиция сохранила свои неповторимые черты, связанные с культом Ошхамахо, нартским эпосом и строгим этикетом Адыгэ Хабзэ. Звездное небо для адыга было не просто картой, а живым храмом, где каждая звезда имела имя, историю и моральный смысл.

Особое место в традиционной астрономии адыгов занимали наблюдения за движением звезд в течение года. По положению определенных созвездий определяли наступление весны, время выгона скота на альпийские пастбища, начало пахоты и сроки сбора урожая. Ночное небо служило календарем, который не нужно было носить с собой. Пастухи, проводившие лето в горах, безошибочно ориентировались по Млечному Пути и Полярной звезде, а старейшины, наблюдая за небом, предсказывали погоду на ближайшие дни. Эти знания передавались из поколения в поколение и составляли важную часть народной мудрости.

В адыгской космологии звездное небо также служило напоминанием о нравственном порядке. Светила не ссорятся, не нарушают своих путей и не затмевают друг друга без причины. Они подчиняются единому закону, установленному Творцом. Глядя на этот порядок, человек учился сдержанности, терпению и уважению к своему месту в мире. В народе говорили, что если люди начнут жить так же стройно, как звезды на небе, на земле воцарится мир и справедливость. Эта мысль проходила через многие предания и поучения, связывая астрономию с этикой и повседневным поведением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.